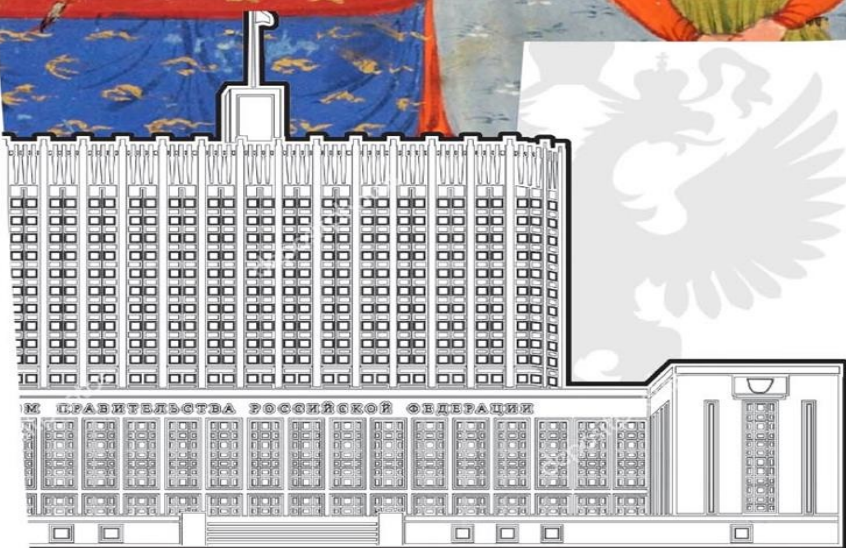

ДМИТРИЙ ТРАВИН

ПУТИ РОССИИ ОТ ЕЛЬЦИНА ДО БАТЬЯ

ИСТОРИЯ
НАОБОРОТ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Пути России от Ельцина до Батыя. История наоборот

Сведения о книге

Предисловие. О том, как связаны между собой Борис Николаевич и Бату Джучиевич

Глава первая. О том, как Михаил Сергеевич подкузьмил Бориса Николаевича

Кто выиграл, а кто проиграл от реформ

Где взять деньги, когда их нет

Палка о двух концах

Альтернатива первая. Не столь лихие девяностые

Миф первый. О китайском пути

Глава вторая. О том, как Иосиф Виссарионович подкузьмил Михаила Сергеевича

Прорабы перестройки в борьбе с наследием прошлого

Как возникал «денежный навес»

«500 дней», которые мы так и не прожили

Альтернатива вторая. Перестраивание перестройки

Миф второй. О всеильной идеологии

Глава третья. О том, как Владимир Ильич подкузьмил Иосифа Виссарионовича

Не простая, а мировая

«Гремя огнем, сверкая блеском стали...»

Наследство, полученное Горбачевым

Альтернатива третья. Мир без Великого Октября

Миф третий. О возможностях НЭПа

Глава четвертая. О том, как Александр Николаевич подкузьмил
Николая Александровича

От великих реформ к великой смуте

Неконструктивность «конструктивных сил»

Аномия успеха

Альтернатива четвертая. Русская революция 1933 года

Миф четвертый. О рабской душе народа

Глава пятая. О том, как Александр Николаевич превзошел Николая
Павловича

О том, как Николай Павлович лавировал, лавировал, да не
вылавировал

Великие, но добровольно-принудительные реформы

Смелость, терпение и компромиссы

Альтернатива пятая. Могли ли Великие реформы быть
справедливыми?

Миф пятый. О крепостной скрепе

Глава шестая. О том, как «неудачник» Петр Федорович принял
удачное решение

Реформа без отрыва от адюльтера

О том, как Екатерина I боролась с рабством, но оно ее победило

О том, как появились младореформаторы, но ничего
не реформировали

Великий подвиг бюрократов

Альтернатива шестая. Из искры возгорелось пламя

Миф шестой. О Павле Великом

Глава седьмая. О том, как Петр Алексеевич воевал с одними, а победил других

Что увидел Петр Великий, поездив с Великим посольством?

Полицейское государство без полиции

Бей своих, чтоб чужие боялись

Альтернатива седьмая. «Злой» Петр против «доброго» Федора

Миф седьмой. О том, что пришел Петр и все испортил

Глава восьмая. О том, как Иваны Васильевичи подкузьмили Петра Алексеевича

Кто прав в вопросе о праве?

Какой металл нужен для огнестрельной революции?

Крепостное право и крепостное бесправие

«Егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит»

Альтернатива восьмая. Можно ли было обойтись без крепостничества?

Миф восьмой. О русском расколе

Глава девятая. О том, как Бату Джучиевич подкузьмил Иванов Васильевичей

Дым, земля и пепел

Где начинается процветание

Пропавшая деревенька

Исторический путь России

Альтернатива девятая. История с географией

Миф девятый. Об ордынском влиянии

Глава десятая. О том, что не бывает «беспутных» стран

Как «генералы» Генеральные штаты одолели

Как Испания потеряла свое счастье

Как Польша потеряла саму себя

Как получился «английский газон»

Альтернатива десятая. Другая Европа

Миф десятый. Об античной колыбели

Заключение. О том, подкузьмила ли нас наша история

Библиография. Авторский взгляд

Выходные данные

Что такое Россия

Дмитрий Травин

Пути России от Ельцина до Батыя

История наоборот

Москва
Новое литературное обозрение
2025

УДК 94(470+571)
ББК 63.3(2)
Т65

Редактор серии Д. Споров

Дмитрий Травин

Пути России от Ельцина до Батыя: История наоборот / Дмитрий Травин. — М.: Новое литературное обозрение, 2025. — (Серия «Что такое Россия»).

В какой степени нынешняя Россия является следствием всего того, что случилось на ее долгом историческом пути? Можно ли было реализовать иные сценарии развития? Как отличить реальную историческую альтернативу от мифа? В этой научно-популярной книге Дмитрий Травин ищет ответы на актуальные для нашей страны вопросы, опираясь на свои многолетние историко-социологические исследования. Автор выбирает ретроспективный взгляд на российскую историю и отступает в прошлое шаг за шагом, делая остановки в тех узловых точках, которые наиболее сильно повлияли на судьбу страны. Задача, которую он ставит перед собой, — проследить, как на каждом этапе развития России «веяния, идущие из прошлого» сталкивались или наоборот сочетались с «веяниями, порожденными новой эпохой». Дмитрий Травин — кандидат экономических наук, специалист по экономической истории и исторической социологии, с 2008 по апрель 2024 года — научный руководитель Центра исследований модернизации Европейского университета в Санкт-Петербурге.

На обложке: Батый на троне Золотой Орды. Источник: Рашид ад-Дин. История мира [Ок. 1430–1434]. Национальная библиотека Франции / BNF.

ISBN 978-5-4448-2872-4

© Д. Травин, 2025

© Е. Абрамова, иллюстрации, 2025

© Д. Черногаев, дизайн серии, 2025

© ООО «Новое литературное обозрение», 2025

Предисловие. О том, как связаны между собой Борис Николаевич и Бату Джучиевич

Что еще за «наоборот»? Почему «от Ельцина до Батыя», хотя старина Батый жил за 700 с лишним лет до нашего Бориса Николаевича? И существуют ли какие-то пути, связывающие давнюю эпоху «лихого монгольского нашествия» с эпохой «лихих девяностых», которую мы недавно пережили? Подобные вопросы неизбежно должны возникать при виде этой книги, а потому здесь особо требуется предисловие.

Эта книга не является кратким изложением российской истории для начинающих ее изучать людей. Более того, лучше, если вы хоть в общих чертах представляете себе картину нашего прошлого, поскольку при изложении исторического материала я часто буду пропускать важную для общего обзора информацию. Зато стану останавливаться на обстоятельствах, которые пропускают авторы учебников, но которые чрезвычайно важны для моего авторского видения многовекового хода развития нашей страны. Кстати, в учебниках и популярных обзорах российской истории у нас нет недостатка: проблема скорее в том, как выбрать качественный по содержанию и не сильно идеологизированный том.

Моя книга написана даже не столько для любителей истории, сколько для тех, кто хочет понять современность. Но написана

на историческом материале, а потому читателю все же лучше любить живую историю, а не застывшие абстрактные схемы, поскольку иначе читать будет тяжело. Это не историческое, но историко-социологическое исследование. Оно для тех, кто задается экономическими вопросами о богатстве и бедности, политологическими — о демократии и автократии, социологическими — о поведении населения в связи с богатством, бедностью, демократией и автократией. Однако в сравнении с тем, как пишут свои научные труды экономисты, политологи и социологи, здесь все будет наоборот. Читатели не увидят ни статистических данных о валовом продукте и реальных доходах, ни анализа столкновения групп интересов в борьбе за власть и ресурсы, ни результатов массовых опросов населения. В этой книге будет раскрыта подробная картина прошлого, поскольку автор полагает, что оно влияет на современность не меньше, чем желания вождей, строящих автократии и демократии, или широких масс, стремящихся к богатству, а не к бедности.

Поясню, что найдет читатель в этой книге и чего не найдет. Стремясь определить, почему живем так, а не иначе, мы используем обычно три возможных подхода к проблеме, но лишь один из них будет применен здесь.

Первый подход предельно субъективен, но чрезвычайно распространен: хорошая жизнь существует благодаря хорошим начальникам, а плохая — из-за плохих. Этот подход может варьироваться в зависимости от того, насколько глубоко его приверженец готов проникнуть в суть проблемы. Поверхностно размышляющий человек хвалит или ругает действующую власть, не понимая даже толком, что она делает, тогда как вдумчивый человек, склонный к серьезным размышлениям, может хвалить или винить реформаторов прошлого, сформировавших своими действиями институты (правила

игры), благодаря которым формируются автократия или демократия, автаркия страны или открытость миру, рыночное хозяйство или административная система управления. Тем не менее всех приверженцев данного подхода объединяет представление, будто можно создать хорошую или плохую жизнь почти «с чистого листа». «Рюрик учредил русское государство», «Все, что мы имеем, создано Петром Великим». «Прекрасна была Россия, пока не явился Ленин». «Сталин принял страну с сохой, а оставил с ядерной бомбой». «Хорош был СССР, но Горбачев его развалил». «Нет Путина — нет России». Примеров подобного рода высказываний можно приводить довольно много.

Второй подход, наоборот, предельно объективен. Он не принимает во внимание роль конкретных людей, влиятельных групп интересов и текущих обстоятельств. Он также довольно широко распространен, однако скорее среди интеллектуалов, чем у народных масс. Его сторонники полагают, что есть вечные или, по крайней мере, долговременные факторы, влияющие на жизнь народа. Порой эти обстоятельства называют культурой, имея в виду, естественно, не живопись, литературу и театр, а ментальные установки, передающиеся от поколения к поколению вне зависимости от характера людей, их интересов, чаяний, индивидуальных свойств, а также знаний, полученных в новые эпохи. Согласно данному подходу, сколько бы ни пытались реформаторы втолковать человеку, что, коли поступит он так-то и так-то, жизнь улучшится, «воспитуемый» отвечает, что перемены не соответствуют нашей культуре и нашим исконным традициям, а потому не имеют никакого смысла. В свете подобной логики начитанные интеллектуалы породили немало рассуждений, на основе которых можно строить даже альтернативную всемирную историю. «Культура Античности сформировала Европу».

«Торговля расцветала всюду, где появлялись евреи». «Лишь протестантская этика создала дух капитализма». «Русский человек ленив и не предприимчив». «Британская свобода возникла с принятием Великой хартии вольностей в 1215 году». «У немцев — особый путь развития: Sonderweg». «К северу от Пиренеев — цивилизация, к югу — варварство». «Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень Суд». Примеров подобного рода мудрости можно приводить довольно много, хотя на Западе сейчас уже очень редко рассуждают об особом пути той или иной страны или о нерушимых границах, разделяющих цивилизацию и варварство.

О каждом из двух отмеченных подходов написаны горы книг. Принять или отвергнуть их полностью было бы неверно. Вожди и реформаторы действительно во многих случаях влияют на нашу жизнь, хотя порой оказываются бессильны навязать обществу свои представления. Сложившаяся веками культура влияет на наше сознание, однако во многих случаях не способна остановить перемены, которых желают «дети», несмотря на строгий окрик «отцов». Книга, которую вы держите в руках, предлагает иной подход — третий. Суть его сводится к тому, что события, происходящие сегодня в обществе, зависят не только от сиюминутных действий вождей и фундаментального воздействия культуры, но и от исторического пути страны, то есть от того, чем она в ту или иную эпоху отличалась от соседей. По одним странам прокатились революционные волны, по другим — разрушительные войны. Где-то давно сформировались силы, способные противостоять деспотизму, тогда как в иных местах тираны столетиями держали народы в повиновении. В одних регионах мира сама природа щедро наделяет человека богатствами, но есть на планете другие места

— суровые, голодные, не приспособленные для нормального проживания и тем не менее населенные.

Обо всем этом хорошо сказал известный американский социолог Фрэнсис Фукуяма: «Ни одна страна не находится в ловушке своего прошлого. Но во многих случаях произошедшее сотни или даже тысячи лет назад продолжает оказывать значительное влияние на природу сегодняшней политики. Если мы пытаемся понять функционирование современных институтов, нам необходимо взглянуть на их происхождение — и на те силы, зачастую случайные и непредвиденные, которые вызвали их к жизни». Размышляя об этих силах прошлого, следует четко различать нашу зависимость от исторического пути страны и нашу зависимость от культуры. Порой эти два фактора, влияющие на современность, смешивают, что приводит к серьезным ошибкам. Революции и войны, богатство и бедность, свобода и деспотизм становятся результатом определенных обстоятельств, встречающихся на долгом историческом пути. Но когда обстоятельства меняются, появляется возможность для смены институтов, вслед за чем меняется характер деятельности людей и, наконец, их образ жизни. С культурой же все иначе: как бы ни менялись обстоятельства, она требует ориентироваться на фундаментальные традиционные ценности. Зависимость от культуры порождает ссылки на отцов, дедов и прадедов, чей путь был единственно возможным с точки зрения сыновей, внуков и правнуков. Зависимость же от исторического пути, напротив, порождает противоречия отцов и детей. Если текущие обстоятельства не давят на новые поколения, они радостно отходят от заветов предков и порой даже скептически усмеваются при упоминании об упертости консервативных обитателей родного «гнезда».

Зависимость от исторического пути в нашей стране с легкой руки экономиста Александра Аузана называют колеей. Думается, что это очень точное сравнение. Двигаясь по ровной дороге, нетрудно свернуть направо или налево, если такой поворот мы сочтем необходимым. Но, двигаясь в колее по разрушенной, вязкой, залитой водой дороге, совершить поворот оказывается трудно, даже если мы принимаем такое решение и энергично вращаем руль. Машина вязнет, колеса проворачиваются вхолостую, колея «настаивает» на том, чтобы мы двигались туда, куда хочет она, а не водитель. Можно ли преодолеть зависимость от колеи? Конечно, можно. Но это потребует существенных усилий и будет порой зависеть от объективных обстоятельств. При мощном моторе, хорошей резине и неглубокой колее совершить поворот, наверное, легче. Но если дорога и машина плохи, придется вылезать из салона, подкладывать доски под колеса, а в худшем случае — энергично работать лопатой, разгребать вручную накопившиеся за годы завалы. А кому-то из пассажиров придется подталкивать машину сзади. Но рано или поздно при совокупных усилиях колея нас отпустит.

Зависимость от культуры, если продолжать образные сравнения, проявляется в том, что сам водитель не готов свернуть с плохой дороги. Справа, мол, волки, слева бандиты. Страшно — аж жуть. Лишь наша дорога, лишь наш особый, хоть и тернистый, путь выведет к цели!

Исторический путь нашей страны был долог, извилист и тернист. Что только нам не встречалось! Были и трудные войны, и страшные революции, и деспотизм с сервилизмом. Но были прорывы к свободе, творческие полеты мысли, успехи в экономике, серьезные позитивные сдвиги в образовании. Россия двигалась в колее, но совершала в нужный момент нужный поворот и никогда не принимала фатального решения

полностью отдаться фундаментализму, отказаться от поиска пути, более соответствующего велению времени.

Сами по себе важнейшие события истории той или иной страны хорошо известны. Каждый интересующийся петровской модернизацией, Отечественной войной 1812 года, Великими реформами Александра II, большевистской революцией или горбачевской перестройкой может найти себе книги по интересам. У этой книги иная задача. Я хочу проследить долгий исторический путь России, отслеживая, как прошлое влияло на будущее при прохождении каждого этапа развития, каждого крутого поворота. Я хочу понять, почему мы такие, какие есть, исходя не из влияния персон или культуры, а из влияния сложных метаморфоз истории. Именно поэтому книга выстроена как история наоборот: она раскрывается из современности в прошлое. Мы попытаемся, отталкиваясь от осознаваемых почти каждым современником проблем, двинуться к их истокам. А обнаружив, что эти истоки, в свою очередь, скрывают проблемы, осознававшиеся современниками бурных событий прошлого, попытаемся найти, в свою очередь, их истоки. И так далее... Двигаться в прошлое мы будем не до Адама, но до того давнего исторического рубежа, который нам трудно проанализировать из-за отсутствия доступной науке информации.

Может показаться, что столь основательное погружение в прошлое все же не требуется для понимания сегодняшней России. Ну погрузимся мы, скажем, в «лихие девяностые»! Ну проанализируем сталинизм! Может, еще на революцию 1917 года бросим внимательный взгляд! А дальше-то зачем? Увы, на самом деле «прошлое — это колодец глубины несказанной. Не вернее ли будет назвать его бездонным?». С этих слов начинал Томас Манн свой знаменитый роман «Иосиф и его братья», и любое наше погружение в историю

показывает, что основание нынешнего нашего мира косвенным образом зависит от событий, происходивших в чрезвычайно давние времена. Не предопределяются, а именно зависят от тех событий, поскольку на долгом историческом пути страны постоянно появляются новые влияния. Мы учитываем в своем развитии позитивный опыт других народов, реагируя на него то под воздействием поражений в войнах, выявляющих провалы в оборонных технологиях, то из-за стремления к улучшению жизни, стимулирующего погоню за качеством товаров и современной модой. Порой говорят, будто одна голова нашего двуглавого орла повернута на Запад, другая — на Восток. Вернее было бы сказать, что взгляд одной пары глаз устремлен в прошлое, от которого мы зависим, тогда как взгляд других глаз направлен на соседей, от которых слишком опасно отставать как в сфере вооружений, так и по уровню жизни населения.

Слишком большим упрощением было бы сказать, будто все, что мы нынче имеем, идет, скажем, от Петра Великого. Петр Алексеевич не меньше, чем Иван Васильевич Грозный, удивился бы нынешней российской жизни, перенесись он сквозь столетия на машине времени, как это было с героем популярного советского кинофильма. «То академик, то герой, то мореплаватель, то плотник» замышлял строить совершенно иную Россию и никак не планировал ни Великих реформ, проведенных Александром II, ни Октябрьского манифеста, дарованного Николаем II, ни тем более Беловежских соглашений, демонтировавших империю. Но жизнь внесла серьезные коррективы в то видение мира, которое было у государей (не только российских) начала XVIII века. И в этой книге мы постараемся проследить, как на каждом этапе развития России сочетались веяния, идущие из прошлого, с веяниями, порожденными новой эпохой.

Столкновение и сочетание разнообразных обстоятельств, оказывающих влияние на развитие общества, устраняет из истории всякое предопределение. «Общества не заперты в ловушку своим прошлым и свободно заимствуют идеи и институты друг у друга, — отметил Фукуяма. — Но то, что они собой представляют сегодня, в значительной мере определяется прошлым, и нет единого пути, который связывает одно с другим». Об этом же сказал и другой крупный социолог Зигмунт Бауман: «Каждый момент в истории — это развилка путей, ведущих к нескольким будущим. Человеческое общество существует на перекрестках. То, что в ретроспективе предстает как „неизбежное“ развитие, в свое время начиналось как вступление на одну дорогу из множества лежащих впереди».

Двигаясь вперед, страна постоянно оказывается на развилках истории. Чуть больше консервативного начала — и мы засидимся на каком-то этапе, пропуская вперед энергичных и агрессивных соседей. Чуть больше начала модернизационного — и мы двинемся вперед, обгоняя страны, которые слишком любят самих себя и слишком не любят чужой опыт. Важнейшие перемены, происходившие на долгом российском историческом пути, могли происходить раньше или позже, могли принимать совершенно иные формы, могли даже вовсе не случиться, если бы развитие пошло обходным, боковым путем. Историческое развитие напоминает игру в шахматы, но не только тем, что имел в виду Збигнев Бжезинский, сравнивший Евразию с великой шахматной доской, на которой столетиями идет жесткая борьба за мировое господство, а тем еще, что в этой игре возможно немислимое число комбинаций, устраняющих жесткое предопределение. В этом своем исследовании я буду по мере сил прослеживать, как прошлое России влияло на происходившие в разные эпохи перемены, а чтобы подчеркнуть отсутствие предопределенности,

продемонстрирую альтернативные варианты развития на каждом этапе исторического пути страны. При этом основное внимание будет уделено объяснению характера нашего движения, а не размышлениям о возможных иных путях, поскольку я пишу научно-популярную книгу по исторической социологии, а не научно-фантастическую альтернативную историю.

Здесь стоит использовать еще одно (помимо колеи) образное сравнение, помогающее лучше понять, почему на долгом историческом пути одни общества сравнительно быстро добиваются успеха, тогда как другие тяжело и мучительно преодолевают проблемы в своем стремлении догнать лидеров модернизации. Возьмем двух молодых людей, стремящихся сделать карьеру в науке, и изучим факторы, которые могли повлиять на их реальные достижения.

Один из них родился в крупном университетском городе, в интеллигентной, обеспеченной семье. Рано выучился читать и писать, ходил в хорошую школу с качественным преподаванием двух иностранных языков. Поступил в университет, а по окончании его сразу отправился в аспирантуру, легко защитил кандидатскую диссертацию, неоднократно проходил зарубежные стажировки. Можно сказать, что его «исторический путь» был чрезвычайно успешен. Подобная «фора» на старте научной карьеры дает хорошие возможности для дальнейшего развития, но ничего не гарантирует. В различных точках «исторического пути» возможны неожиданные повороты. На жизнь «счастливчика» могут оказать неблагоприятное влияние как внутренние, так и внешние факторы. Благополучная молодость может сильно расслабить, и в тот момент, когда потребуются принимать жесткие, нестандартные решения, «счастливчик» окажется к ним не готов. Скажем, несмотря на знание языков, откажется

от возможности побороться за место в престижном зарубежном университете, испугавшись переезда в иную страну с иным образом жизни, иными правилами игры и иной средой, где нет заботливых старших, опекавших его с детских лет. А если неблагоприятные обстоятельства сделают эмиграцию вынужденной, он совсем растеряется и утратит энергию, необходимую для дальнейшего развития.

Другой наш герой вырос в провинции, ходил в плохую школу, рос в неблагополучной семье, не знал иностранных языков, а дворовая среда приучала его к пьянке и безделью. Такой «исторический путь» с большой вероятностью сделает научную карьеру невозможной. Но молодой человек может найти в себе силы на очередном крутом повороте порвать с держащими его в плену внешними обстоятельствами, вызубрить английский и поступить сразу в зарубежный университет, где есть стипендия, позволяющая худо-бедно жить без поддержки, которую родители все равно не способны ему оказать. Выдержав связанный со сменой образа жизни и места проживания стресс, наш герой, скорее всего, окажется более устойчив к дальнейшим крутым житейским поворотам. Он готов будет искать неожиданные возможности, менять места учебы и работы, а возможно, даже ловчить и интриговать ради карьеры. Если ему удастся не сойти с избранного пути в сложный момент, этот начинающий ученый может оказаться весьма успешным и к середине жизни добьется большего, чем счастливчик. Хотя из тех, кто идет по такому тернистому пути, лишь меньшинство способны достичь заветной цели.

Можно найти множество жизненных примеров таких обстоятельств, которые позволяют скромному провинциалу круто изменить свой путь и добиться успеха. Возможно, он не проявит столь сильной воли, чтобы уехать за рубеж, но окажется в приличном отечественном университете по квоте для

военнослужащих. Возможно, он начнет карьеру в качестве активиста молодежного движения правящей партии. Или у него обнаружится влиятельный родственник среди власть имущих. Но если наш герой с детства воспринял жесткую семейную установку ничего не менять, не уезжать из родного села, не соблазняться городским образом жизни, не стремиться к суетному успеху, а думать о спасении души или поддержании традиционных ценностей, никаких перемен в его жизни не случится.

Я не собираюсь выставлять этические оценки этим житейским стратегиям, не собираюсь говорить, что хорошо, а что плохо. Я стремлюсь показать влияние на будущее человека его зависимости от пути и зависимости от культуры. Если есть лишь первая зависимость, «судьбу» можно переломить собственными усилиями и под влиянием благоприятных обстоятельств. Если доминирует вторая зависимость, «судьба» будет именно такой, какой намечалась «на старте».

Признание того, что на историческом пути могут быть разные альтернативы, не означает признания возможности абсолютно любых поворотов. Не стоит путать альтернативную историю, представляющую собой бесполезное интеллектуальное упражнение, с чистым мифотворчеством, способным принести лишь вред в стремлении понять свою страну, свою историю, свое место на планете. Историческая альтернатива — это то, что могло бы случиться, если бы сочетание реальных обстоятельств оказалось несколько иным. Мифотворчество — это выдуманная альтернатива, основанная не на изучении реальных обстоятельств, а на недобросовестной подгонке истории под наши желания. Нам часто не нравится, как страна прошла тот или иной этап своего развития. Нам хочется заклеить нелюбимых героев истории и возвести на пьедестал любимых. Так возникают фантазии, больше похожие

на захватывающие исторические романы, дающие безграничный простор вымыслу автора, а не на приемлемые в науке размышления об альтернативах. По мере нашего погружения в «бездонный колодезь прошлого» я буду давать характеристику некоторым утвердившимся в массовом сознании мифам, стараясь показать, чем они отличаются от возможных альтернатив.

В предлагаемую вам небольшую книгу предполагается впихнуть чрезвычайно большой объем материала, и это может вызвать скептические оценки. Много лет назад, задумав популярное изложение извилистых исторических путей России, я понимал связанные с таким подходом опасности, а потому не спешил публиковать книгу. Первую попытку изложения своих взглядов по данному предмету я предпринял в большой серии статей для «толстого» журнала «Звезда» в 2013–2015 годах. Характер подачи материала был традиционным: от прошлого к современности. Затем была попытка краткого рассказа, построенного уже по принципу «история наоборот», для интернет-издания economytimes.ru РАНХиГС. Были и лекционные курсы на данную тему. Но я не превращал наработки в научно-популярную книгу до тех пор, пока не проделал основную часть своей большой исследовательской работы о модернизации России, предполагающей ее сравнение с модернизацией других европейских стран. Сегодня моя работа близка к завершению. Читатель, желающий ознакомиться с материалом более подробно, может обратиться к моим книгам «„Особый путь“ России: от Достоевского до Кончаловского», «Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии», «Почему Россия отстала?», «Русская ловушка», «Как мы жили в СССР», «Очерки новейшей истории России: 1985–1999», а также к написанному совместно с Отаром Марганией двухтомнику «Европейская модернизация» (где подробно

рассказано о преобразованиях, осуществлявшихся в XVIII–XX веках на Западе) и к первым пяти главам написанной совместно с Владимиром Гельманом и Андреем Заостровцевым книги «Российский путь: Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии» (где говорится о том, что в это время происходило на нашей земле). Для самых внимательных, любознательных и в то же время нетерпеливых читателей есть препринты моих докладов, сделанных за годы работы в Европейском университете в Санкт-Петербурге (ЕУ СПб). Эти доклады — базовый материал для глав тех книг, которые еще находятся в стадии подготовки к изданию. Их можно изучить на сайте ЕУ СПб, открыв страничку Центра исследований модернизации.

Вся эта многолетняя работа позволила мне взяться наконец за небольшую научно-популярную книгу, поскольку теперь я могу опустить многие важные детали повествования и доказательства выводов, зная, что вы имеете возможность обратиться за разъяснениями к другим моим трудам. В этой книге читатель не найдет многих чрезвычайно любопытных примеров из нашей истории. Но что поделать: я должен был, не перегружая рассказ фактами, цитатами и сносками, максимально высветить общую логику развития нашей страны. В этой книге мне крепя сердце пришлось отказаться от демонстрации всего европейского фона, на котором шло развитие России: я должен был сохранить динамизм повествования, ведя своего читателя кратчайшими путями сквозь долгие столетия. Лишь в завершающей книгу главе я очень кратко демонстрирую на примере нескольких других стран, что зависимость от исторического пути прослеживается не только в российском случае. В общем, «Пути России от Ельцина до Батыя» не будут зависеть подолгу на отдельных крутых поворотах истории, чтобы не утомлять читателя, но тот, кто сам захочет «утомиться» в поисках истины, легко найдет для

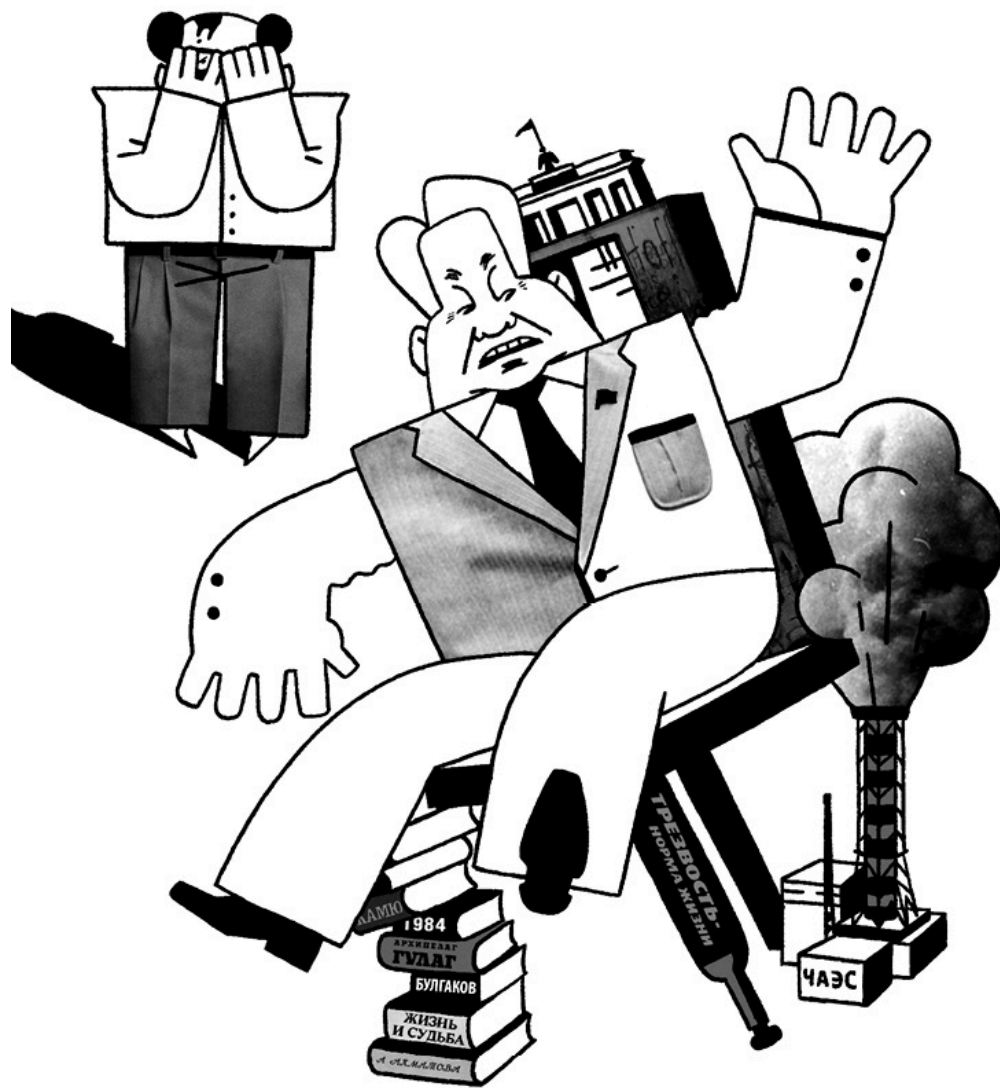
этого необходимые тома, тем более что в каждой из упомянутых выше книг я даю подробнейшие списки литературы.

Ну и под конец надо честно признать, что стимулировали меня к написанию этой небольшой книги грустные размышления, навеваемые некоторыми событиями последних лет. В иной ситуации надо было бы, наверное, потратить четыре-пять лет на превращение препринтов в монографии, а затем уже представлять читателям научно-популярную версию научных трудов. Но все чаще в голову закрадывалась мысль, что, если нам предстоит пройти еще через пару столь крутых поворотов, на которых «наездников» вышибает из седла, я могу вообще не окончить свою большую исследовательскую книжную серию. Читатель должен будет выискивать по препринтам не только собранный для будущих книг материал, но даже основные авторские тезисы, завершающие размышления об историческом развитии России. Надеюсь, что мои пессимистические соображения не превратятся в реальность. Но мне трудно совсем их выкинуть из головы, поскольку речь идет о деле почти всей моей долгой научной жизни. Поэтому, руководствуясь принципом не откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня, я решил вначале предложить читателям эту книгу, а затем уже, при благоприятном развитии обстоятельств, завершить большую научную серию.

Поскольку книга эта писалась сравнительно быстро, а вызревала практически всю жизнь и отразила в той или иной мере многие мои прошлые труды, здесь сложно выразить все принятые в таком случае благодарности. Они есть во многих моих старых предисловиях. Сейчас скажу лишь одно: всем, что имею, я обязан авторам сотен книг и статей, давших мне нужные для работы знания, друзьям и коллегам, помогавшим с этими знаниями разбираться на семинарах или за чашкой чая,

научным библиотекам, в которых мне никогда не надоедает сидеть, издателям, материализовавшим мои идеи в интересах тысяч читателей, самим читателям, вдохновлявшим к материализации путаных и порой авантюрных идей, а главное — семье, без которой всё в моей жизни было бы путаницей и авантюрой.

Глава первая. О том, как Михаил Сергеевич подкузьмил Бориса Николаевича

Сложившуюся сегодня в России ситуацию часто характеризуют на основе тех двух подходов — субъективного и объективного, — о которых говорилось в предисловии.

Субъективный подход обращает внимание на роль персоналий. Комментаторы, считающие эпоху девяностых кризисным временем России, обращают внимание на то, что Владимир Путин вытянул нас из кризиса, укрепив вертикаль власти, подняв международный престиж страны и дистанцировав олигархов от Кремля. Комментаторы, считающие девяностые успешной эпохой рыночных преобразований и демократического развития, также обращают внимание на роль Путина в значительных переменах, но с отрицательным знаком. Они обращают внимание на связанное с его деятельностью торможение реформ и экономического развития, исчезновение политической конкуренции, а также рост противоречий на международной арене.

Объективный подход обращает внимание на специфику нашей национальной культуры. Оптимистично настроенные комментаторы полагают, что мы — особый великий народ и что Россия — особая великая цивилизация. Подчеркиваются наша приверженность традиционным ценностям, утраченным на

Западе, наша исконная религиозность, наши коллективизм и общинность, а также героический настрой в борьбе за все то, что для России свято. Пессимистично настроенные комментаторы соглашаются с тем, что мы — особый народ и что Россия — особая цивилизация. Но традиционализм, коллективизм, общинность, склонность к авторитаризму и упорство в приверженности особым ценностям, по их мнению, становятся тормозом для развития. Так называемая русская матрица препятствует, по мнению пессимистов, восприятию позитивного опыта соседей и обрекает Россию на отставание в экономическом и социальном развитии. Впереди нас ждут, как полагают пессимисты, лишь деградация и нищета, вполне устраивающие общество, поскольку демократия, модернизация и свобода нашему обществу глубоко чужды.

Но оставим в стороне роль персоналий и анализ национальных особенностей. На мой взгляд, нынешнее состояние России, как бы мы его ни оценивали с политических позиций, является в значительной степени следствием тех трансформаций, которые происходили в девяностые годы. Общество вполне рационально реагировало на происходившие в то десятилетие события. Примерно так же рационально, как реагирует на происходящие с ним радикальные изменения любое нормальное человеческое сообщество. Но для понимания сути реакции надо четко, без мифологизации разобраться в том, что же с нами случилось в девяностые годы. Надо взглянуть на реальные экономические перемены, отбросив штампованные представления как о предательстве и ограблении народа реформаторами, так и о героическом спасении страны Борисом Ельциным.

Влияние субъективного фактора, конечно, нельзя списывать со счетов, хотя его исследование останется за пределами этой книги. А вот представления о нашей принципиальной особенности

видятся чрезвычайно натянутыми. Да, русские — не американцы, англичане — не французы, а немцы — не испанцы. Специфика существует. И, конечно, всегда можно найти людей, которым приятно себя возвеличить и провозгласить особо духовными или особо героическими. А кому-то нравится погружаться в самоуничтожение, тем более что мыслители такого типа считают обычно особо непутевыми не себя любимых, а так называемых ватников, представителей «широких масс». Однако для объяснения причин нашей реальной сегодняшней жизни стоит прибегнуть к серьезному анализу событий, происходивших в девяностые годы, а не к абстрактным рассуждениям о духовности и бездуховности.

Кто выиграл, а кто проиграл от реформ

Наши размышления о событиях девяностых порой слишком сильно политизируются, и это мешает трезво оценивать их влияние на формирование путинской России. В частности, сторонники демократии и рынка (особенно успешные люди, выигравшие от происходивших в то время перемен) полагают порой, что здоровое общество в целом должно было бы воспринимать реформы в качестве позитивных преобразований, а не в качестве внезапно обрушившегося на них бедствия. Но при этом возникают две важные проблемы. Во-первых, сторонники реформ иногда переоценивают готовность населения реагировать на абстрактные моральные ценности, а не на свои конкретные интересы. Во-вторых, успешные люди недооценивают масштаб трудностей, с которыми столкнулись те, кто сильно пострадал от инфляции, потери работы или длительной невыплаты заработанного. Иными словами, если мы считаем, что «российский простой человек» должен был думать в девяностые не о собственном кармане или желудке, а о свободе, демократии и судьбах будущих поколений, то удивляемся выбору масс. А вслед за удивлением приходит осуждение: народ превращается в «ватников», вечных «совков» или даже в «тупое быдло», неспособное размышлять. Но если мы считаем, что этот самый «простой человек» в первую очередь взвешивает плюсы и минусы перемен, происходящих в его собственной жизни, то

у нас будет значительно меньше оснований для огульного осуждения.

Попробуем с этой точки зрения взглянуть на события, происходившие в девяностые годы, и на то, как эти события повлияли на массовый выбор нулевых.

Реальные девяностые начались чуть позже календарных. В августе 1991 года группой высокопоставленных советских руководителей была предпринята попытка государственного переворота с изоляцией президента СССР Михаила Горбачева в Крыму. Пutsch завершился полным провалом. Советский Союз фактически распался уже тогда, а в декабре 1991-го демонтаж СССР был официально осуществлен в Беловежской Пуще лидерами России, Украины и Белоруссии. Соответственно, с этого времени у всех союзных республик возникли свои собственные исторические пути, хотя связь между решениями, принимавшимися разными странами — наследниками СССР, еще долго в той или иной степени сохранялась.

В 1992 году начались российские экономические реформы. Именно они радикально изменили жизнь миллионов людей. Если демократизация и гласность, возникшие при Горбачеве в эпоху перестройки, были важны для тех миллионов советских граждан, которые их реально могли оценить, то рынок, свободная торговля, возможность создания собственного бизнеса, наполнение магазинных прилавков товарами и необходимость поиска работы, которая, казалось бы, советскому человеку была гарантирована, изменили жизнь сотен миллионов не только в России, но на всем постсоветском пространстве от Эстонии до Таджикистана. Когда мы сегодня говорим о «лихих девяностых» или «великих девяностых», то вспоминаем именно эпоху рыночных перемен вне зависимости от того, жили ли мы сами в те трудные, но интересные годы либо знаем о них по серьезным книгам, простеньким материалам, добытым в Сети, или рассказам старших родственников и учителей.

Президент России Борис Ельцин, лично возглавив правительство, доверил осуществление преобразований вице-премьеру Егору Гайдару и той небольшой команде экономистов, которую он подобрал. Суть преобразований состояла в переходе от сложившейся в СССР с 1930-х годов административной системы хозяйствования к системе рыночной. Переход этот предполагал осуществление целого комплекса мероприятий, включавших, в частности, приватизацию государственной собственности, налоговую реформу, разрушение «железного занавеса», отделявшего российскую экономику от мировой. Но самое большое воздействие на население России оказало то, что с января 1992 года произошел переход к рыночному ценообразованию для подавляющего большинства товаров. Рыночная экономика невозможна без рыночных цен. Благодаря этой либерализации на прилавках российских магазинов появились товары и исчезла наконец многолетняя советская практика формирования товарного дефицита. Если раньше для приобретения товара часто приходилось стоять в очередях (а многое из необходимого вообще было недоступно простым людям), то теперь покупатель мог прийти в удобный ему магазин и без долгого ожидания приобрести по рыночной цене нужную продукцию. Однако подобный переход не мог пройти безболезненно.

Реформа сама по себе не создавала новых товаров для насыщения рынка. Она могла лишь создать условия для того, чтобы, во-первых, спрос и предложение вошли в равновесие при более высоком уровне цен, чем тот, который существовал в эпоху дефицита, а во-вторых, предприятия получили стимул расширять производство подорожавших (и, соответственно, очень выгодных им) товаров. Поскольку рост цен происходит быстро, а расширение производства требует времени, да еще и массы дополнительных условий (больших инвестиций,

хорошего менеджмента, защиты прав собственности), которые могут не сложиться, российский потребитель столкнулся в 1992 году с высочайшей инфляцией. Цены росли порой в прямом смысле не по дням, а по часам. А уж «по дням» они росли постоянно практически до середины девяностых. В худшие инфляционные периоды (осенью 1992 года) они могли за месяц возрасти на четверть или более того.

Старт этой инфляционной гонке задал так называемый «денежный навес», возникший при Горбачеве. Суть «наследства», оставленного Борису Николаевичу Михаилом Сергеевичем, состояла в том, что еще до либерализации цен на руках населения скопилось много денег, которые потратить хотелось, но не удавалось, поскольку на прилавках было пусто. Обратим внимание на это важнейшее явление — «денежный навес», но выяснение его причин оставим до следующей главы. А пока посмотрим на то, к чему привело существование «денежного навеса» в 1990-е годы. Если денег много, а товаров мало, не стоит удивляться тому, что наполнение прилавков после января 1992 года сопровождалось ажиотажным спросом. Все хотели обменять скопившиеся деньги на появившиеся товары. Естественно, цены при этом постоянно росли. И должны были бы расти до того момента, пока ажиотаж не исчез бы по причине исчерпания «денежного навеса».

Впрочем, для объяснения того, почему теория разошлась с практикой, в эту и без того нерадостную картину следует внести дополнительный штрих. «Денежный навес» распределялся неравномерно. «Лишние деньги» были у многих, но далеко не у всех российских граждан, причем после резкого первоначального скачка цен число счастливых, способных тратить, тратить и тратить, резко сократилось. «Старые деньги» заканчивались у самых бедных, умеренно бедных и даже не слишком бедных групп населения, а заработать «новые деньги»

становилось гораздо труднее, чем в 1980-е. Дело в том, что российские предприятия и организации делились на две группы. Первая производила те товары и услуги, в которых нуждались потребители: продукты питания, одежду, бытовую технику, автомобили, строительные материалы и т.д. Либерализация и даже рост цен в основном шли им на пользу. Предприятия получали выручку и частично тратили ее на зарплату, а частично — на приобретение сырья, материалов, комплектующих, что способствовало образованию зарплаты на предприятиях-поставщиках. Вторая группа предприятий и организаций производила товары и услуги, за которые рынок не платит. Соответственно, деньги за свой труд они могли получить только от государства. Работники оборонных заводов, чиновники, врачи государственных больниц и поликлиник, школьные учителя и университетские преподаватели, библиотекари, артисты, военнослужащие, а также многие другие группы населения могли заработать только в том случае, если им предоставляли средства из государственного бюджета. Если же они не получали денег или получали меньше, чем требовалось в связи с ростом цен, то оказывались в числе людей, проигравших от экономических преобразований.

Таким образом, получается, что, хотя все российские потребители выиграли от наполнения прилавков магазинов в условиях рыночной экономики, для некоторых этот выигрыш обернулся настолько неприятными последствиями, что они скорее сочли себя проигравшими. По-настоящему выиграли те, кто мог хорошо зарабатывать и уверенно подходить к прилавкам с толстым кошельком. Еще больше выиграли те, чьи доходы росли даже быстрее роста цен (в основном это были предприниматели и высококвалифицированные работники, востребованные рынком), особенно если эти люди могли не только заработать, но и сохранить свои деньги. В числе

проигравших оказались те, чей заработок не покрывал инфляцию, и особенно те, кто вообще потерял заработок, поскольку ни потребители, ни государство не готовы были оплачивать их трудовую деятельность.

К числу проигравших можно, наверное, отнести еще целый ряд граждан, чьи связанные с рынком ожидания вступили в противоречие с реальностью. Например, работников, сводивших концы с концами в новых условиях, но видевших, что сосед зарабатывает гораздо больше, чем они. Или тех, кто обладал высоким статусом в советское время (профессоров и доцентов университетов, инженеров и конструкторов военно-промышленного комплекса, знаменитых артистов, передовиков производства) и надеялся его сохранить, но в итоге утратил. Может быть, по гамбургскому счету всех этих людей не стоило бы считать проигравшими, но если сами себя они таковыми считали и, соответственно, оказались сильно недовольны реформами, то для понимания долгосрочного влияния событий девяностых годов на положение дел в России нам следует принять эту неудовлетворенность во внимание.

Государство пыталось поддерживать тех, кто проиграл от реформ. Неверны популярные в некоторых кругах представления, будто реформаторы практиковали шокотерапию и бросили всех на произвол судьбы, руководствуясь гипотезой, что рынок все расставит на свои места. Не будем сейчас включаться в спор о моральной стороне вопроса, но ясно, что любой прагматично мыслящий государственный деятель заинтересован смягчать социальную напряженность хотя бы ради самосохранения и предотвращения массовых возмущений. Однако описанные выше монетарные и структурные экономические проблемы препятствовали эффективному выходу из кризисной ситуации.

Теоретически существуют три возможных сравнительно быстрых выхода.

Первый сводится к оказанию финансовой поддержки бедствующим предприятиям хотя бы для того, чтобы те могли выплачивать зарплату работникам. Такая поддержка активно оказывалась, но возможности госбюджета в пореформенный период были невелики. Для того чтобы собрать побольше денег, «либеральное» правительство установило высокий налог на добавленную стоимость, за что его критиковали некоторые либералы-теоретики, не отвечавшие за реализацию реформ. Но денег для поддержания огромной постсоветской экономики, плохо вписывавшейся в рыночные условия, все равно не хватало. В конечном счете Центральный банк — орган власти, обладающий правом увеличивать денежную массу (проще говоря, «печатать» деньги), — предоставил предприятиям для осуществления платежей крупный кредит, что означало, по сути дела, масштабную денежную эмиссию. Но такого рода действия, согласно законам экономики, приводят к росту цен. И инфляция не заставила себя долго ждать. Возник своеобразный механизм постоянного удорожания: рост цен приводит к снижению уровня жизни, предприятия просят власти оказать им финансовую поддержку, оказание такой поддержки за счет «печатания» денег приводит к новому росту цен и т. д.

То есть поддержка людей с помощью денежной эмиссии настоящей поддержкой не является. Точнее, она эффективна лишь для тех, кто, получив деньги, потратил их до того, как цены в очередной раз выросли. А те, кто долго ждал от государства зарплату, скорее проигрывали от «поддержки», поскольку цены успевали вырасти еще до того, как человек мог воспользоваться своими деньгами. В такой ситуации находились ушлые люди, профессионально наживавшиеся на инфляции. Например, если банк, через который шла на

предприятие финансовая поддержка государства, задерживая платежи, предоставлял бизнесу краткосрочные кредиты, получатели поддержки проигрывали, а банкиры наживались. Неудивительно, что по мере усиления инфляции самые разные люди (от ученых-экономистов и чиновников до директоров и простых работников) все чаще стали говорить о необходимости финансовой стабилизации, то есть принятия мер, противодействующих инфляции. Правительство пыталось ее осуществить, переходя от первого (вышеописанного) варианта ко второму.

Этот второй вариант мог состоять в том, чтобы остановить рост цен рыночными методами и тем самым прекратить обесценивание доходов трудящихся. Многие ученые-экономисты, как российские, так и зарубежные, настаивали на осуществлении финансовой стабилизации в соответствии со стандартными требованиями «учебников». Некоторые восточно- и центральноевропейские страны, осуществлявшие рыночные преобразования одновременно с нашей страной, добились в этом деле неплохих результатов (их жесткая финансовая политика получила тогда название «шокотерапия»). Россия до середины девяностых на этом пути сильно вперед не продвинулась. Осуществление финансовой стабилизации означало бы резкое сокращение масштабов денежной эмиссии, прекращение кредитования безнадежных предприятий и экономию средств государственного бюджета. Всякие попытки двинуться в этом направлении вызывали сопротивление людей, желавших получать государственную поддержку, а также многочисленных лоббистов, обогащавшихся за счет денег, направляемых на предприятия. Обогащались банки, через которые шли кредиты, директора заводов и фабрик, сквозь руки которых проходили выделенные на зарплату средства, ушлые политиканы, «отстаивавшие интересы

трудящихся». Сторонники «шокотерапии» не могли всерьез сопротивляться этому давлению и продолжали правдами и неправдами накачивать экономику деньгами.

Третий вариант выхода из кризисной ситуации предполагал, по сути дела, возврат к дореформенным временам и экономике советского типа. Можно было бы в директивном порядке заморозить цены, то есть запретить предприятиям повышать их с определенного момента времени. Подобную попытку предпринял Виктор Черномырдин, заняв пост премьер-министра в конце 1992 года, но другие члены правительства быстро разубедили его в эффективности подобных методов стабилизации. Замораживание цен при слабом развитии производства быстро бы привело к восстановлению системы товарных дефицитов. Имеющийся в магазинах запас продукции раскупили бы граждане, у которых в кошельках оставался хоть какой-то запас денег, а новых товаров по невыгодным для производителя ценам предприятия не стали бы изготавливать.

Иной вариант возврата к советской хозяйственной системе мог получиться не путем замораживания цен, а путем активного перераспределения денег от эффективных предприятий и обеспеченных граждан к неэффективным и малообеспеченным с помощью установления высоких налогов или даже конфискации капиталов, нажитых предпринимателями за время недолгой экономической либерализации. Подобный подход был весьма популярен среди коммунистов — сторонников равенства, а несколько позже — среди борцов с так называемыми олигархами. Но если налоги устанавливаются на слишком высоком уровне (особенно в условиях еще не преодоленной финансовой нестабильности), бизнес теряет интерес к производству и либо ударяется в спекуляции, либо прекращает коммерческую деятельность. А при конфискации капиталов развитие, отличающееся от

«развития» советской экономики, вообще становится немислимо. Поэтому возможности для антиолигархического маневра были жестко ограничены. Представители российских элит той эпохи (крупные государственные деятели, серьезные ученые, директора предприятий, даже ведущие лидеры оппозиции) никогда не стремились вернуться в советское прошлое: слишком памятли были тогда его проблемы. Чуть забегаая вперед, стоит отметить, что, когда осенью 1998 года правительство на какое-то время оказалось сформировано из оппозиционно настроенных политиков (Евгений Примаков, Юрий Маслюков и др.), никаких попыток «вернуть все взад» не предпринималось.

Таким образом, государство в начале девяностых не имело ни одного эффективного способа выйти из кризисной ситуации за короткий промежуток времени. Жизнь оказалась гораздо сложнее, чем в популярных «агитках», когда за пару минут (или на двух страничках текста) излагается чудодейственная программа решения всех проблем. Кризис экономики был связан не с тем, что кто-то из политиков что-то не понимал или что-то украл у народа. Он фактически предопределялся тем состоянием экономики, которое уже существовало в СССР на момент его распада и начала рыночных преобразований. Большой размер «денежного навеса» и большое число предприятий, неспособных с помощью коммерческой деятельности покрыть свои убытки доходами, вводили многих людей в шок без терапии. Отложив серьезный разговор о причинах формирования «денежного навеса» до следующей главы, мы пока посмотрим, как государство пыталось справиться с ситуацией в середине 1990-х.

Где взять деньги, когда их нет

В среднесрочной перспективе у государства имелись реальные способы выйти из кризиса, обеспечив финансовую стабилизацию и поддержав предприятия. Все эти способы были связаны с заимствованием денег, и все они были не очень-то хороши.

Лучший способ заимствования предполагал поддержку российской экономики со стороны богатых зарубежных стран и международных финансовых организаций. Иностранные кредиты могли дать нашей стране передышку, позволить выйти из кризиса, а затем расплатиться с долгами, благодаря начавшемуся экономическому росту и увеличению бюджетных доходов. СССР во времена правления Горбачева получал довольно большие средства от Запада, не столько, правда, по экономическим мотивам, сколько по политическим.

Империю зла, как называл Советский Союз президент США Рональд Рейган, ублажали, чтобы она не начала с голодухи ядерную войну и согласилась на объединение двух Германий — капиталистической (ФРГ) и социалистической (ГДР). Но после распада СССР, демократизации России и проявления миролюбивой политики Ельцина желание кредитовать нашу страну у западных лидеров снизилось.

Суммы, которые Россия получила в девяностые годы, не могли существенно поддержать экономику.

Худший способ заимствования предполагал фактическое осуществление поддержки предприятий за счет самих же предприятий. Способ этот назывался «неплатежи». Государство обещало поддержку экономике, но из-за отсутствия реальных средств поддерживало ее лишь на бумаге. Тем самым оно оказывалось в долгу у предприятий, однако взыскать

с правительства долг удавалось в основном лишь сильным лоббистам. Иногда деньги государство реально перечисляло, но они зависали в банках-посредниках, желавших на этом зарабатывать. В условиях высокой инфляции даже непродолжительная задержка платежа давала банкам возможность неплохо заработать, пустив чужие деньги в бизнес (как говорили тогда, «прокручивая» их). Нетрудно понять, что, заимствуя столь нецивилизованным способом деньги у тех, кому оно намеревалось помогать, государство фактически лишь раздражало работников, месяцами ожидавших зарплату.

Наконец, третий способ заимствования вполне соответствовал мировой практике государственного управления и стал широко применяться в России с середины 1990-х. Он состоял в том, что государство выпускало облигации вместо новых денег, способных лишь усилить инфляцию. Облигации представляли собой ценные бумаги (своеобразные «долговые расписки»), по которым со временем правительство обещало выплатить деньги: вернуть одолженное, да еще и обеспечить кредитору доход. Приобретали облигации те, кто имел свободные деньги, хотел с их помощью заработать и готов был вложить накопления в бизнес. Таким образом, вместо того чтобы навязывать проблемы беднякам в виде неплатежей, государство брало займы у богачей, обещая им хороший доход.

При таком прагматичном подходе к кредитованию государства все стороны оказывались более-менее удовлетворены. Тот, кто давал деньги, готовился заработать на этом. Тот, кому должны были дать деньги, получал реальные суммы, а не пустые обещания. И наконец, государство переносило бремя ответственности за кризисные явления в экономике на будущее — на то время, когда придет пора платить по счетам. Но и эту ответственность оно могло, как долгое время казалось, с себя снять, поскольку, создав

своеобразную пирамиду государственного долга, расплачивалось с кредиторами не из бюджета, а из денег новых кредиторов, которые все более активно приобретали облигации. Обладатели временно свободных денежных средств видели, что правительство раз за разом исправно платит по счетам, и соблазн кредитовать его ради получения дохода становился все больше. Зачем заниматься рискованными видами бизнеса, если можно купить государственную облигацию и через несколько месяцев положить в карман выручку от этой операции? Большим минусом построения пирамиды государственного долга становилось своеобразное вытягивание средств инвесторов из реального сектора экономики в финансовые операции, но с учетом описанных выше проблем следует признать, что не существовало лучшего способа остановить инфляцию и одновременно хоть как-то поддержать тех, кто бедствовал, не вписавшись в рынок.

В 1995–1996 годах правительство стало активно налегать на займы. Расплата по счетам в этой ситуации переносилась на отдаленное время или даже вообще отменялась, в том случае если пирамиду госдолга удалось бы возносить в небо до бесконечности. Как известно, в США эта пирамида гораздо выше вознеслась, чем когда-либо возносилась в России, но ни разу не рухнула благодаря доверию, которое испытывает международный бизнес к американской администрации, всегда платящей по своим долгам. Однако в условиях, когда не существует такого доверия, эта пирамидальная конструкция может оказаться весьма неустойчивой при определенных неблагоприятных обстоятельствах. Российская пирамида госдолга рухнула в 1998 году, вызвав новую волну недовольства в нашем обществе.

Проблема состояла в том, что возносить пирамиду за облака можно было лишь при условии полной уверенности

покупателей облигаций (кредиторов государства) в том, что с ними расплатятся при любых обстоятельствах. Если на финансовом рынке возникает паника, новые кредиторы перестают покупать облигации, а старые начинают их спешно «сбрасывать», благо никто не обязан ждать срока выплаты денег правительством и может продавать ценные бумаги на рынке по рыночной цене. Падение этой цены является лучшим показателем ненадежности государства как заемщика. Если курс облигаций падает, значит, от них избавляются быстрее, чем приобретают. В такой ситуации государство может поддержать курс, если станет само скупать облигации на рынке, но, как мы помним, всю эту историю оно затевает именно потому, что не имеет свободных денег даже на выплаты предприятиям. Поэтому паника на финансовом рынке часто оборачивается падением пирамиды госдолга. Именно такая ситуация и получилась в России второй половины 1990-х.

Первым серьезным препятствием на пути финансовой стабилизации оказались президентские выборы 1996 года. Основным соперником Бориса Ельцина являлся коммунист Геннадий Зюганов, принципиально осуждавший капитализм, и у инвесторов, вкладывавших деньги в приобретение облигаций, возникли сомнения в том, сохранится ли система госдолга в случае смены президентов. Не откажутся ли «большевики» от государственных обязательств перед инвесторами, как это было после революции 1917 года? Разные игроки по-разному оценивали вероятность краха госдолга. Кто-то настроен был оптимистично, полагая, что Ельцин победит или, по крайней мере, если победит Зюганов, новая власть будет выполнять обязательства, принятые старой. Кто-то был настроен пессимистично и, продав свои облигации, больше не инвестировал средства на этом рискованном рынке. Оптимистов оказалось все же побольше, чем пессимистов.

В итоге рынок государственного долга не рухнул, но возросла доходность ценных бумаг: проще говоря, государству для привлечения новых денег приходилось больше платить инвесторам в расчете на каждый вложенный рубль. И без того небогатое государство впало в еще большую зависимость от госдолга. Снизилась вероятность того, что оно расплатится со всеми долгами в обозримой перспективе.

Ельцин победил на выборах, и, казалось бы, дело должно было пойти на лад. Однако в 1997 году возникли новые проблемы, на этот раз связанные с состоянием дел в мировой экономике. Эти проблемы в очередной раз показали, что нанести сокрушительный удар по слабой финансовой системе может что угодно: и политическая нестабильность внутри страны, и экономическая нестабильность вовне. Некоторые азиатские страны во второй половине 1997 года оказались под воздействием серьезного экономического кризиса. Инвесторы, не доверяя этим странам, стали выводить оттуда капиталы, вкладывая их в наиболее надежные активы: например, в государственные бумаги США.

Поначалу казалось, что восстанавливающаяся российская экономика не будет затронута кризисом. Напротив, некоторые государственные деятели полагали, что бегущие с азиатских финансовых рынков капиталы могут осесть в России и поддержать наш рынок (в том числе систему госдолга). Увы, действительность оказалась иной.

Финансовая паника, распространявшаяся по разным уголкам Азии, дошла и до России. Инвесторы не оценили намечавшееся уже в 1997 году укрепление экономики. Трудно сказать точно, почему бедствия не миновали Россию. Возможно, паника оказалась столь сильной, что даже финансовые эксперты уже не вникали в детали, а возможно, они заранее пришли к справедливому выводу, что главные паникеры все равно побегут из России и потому в целях собственной безопасности

лучше начать бегство раньше их. Как бы то ни было, в 1998 году азиатский финансовый кризис полностью захватил нашу страну. Инвесторы, кредитовавшие правительство, вновь стали «сбрасывать» государственные облигации, вкладывать высвободившиеся таким образом деньги в иностранную валюту и выводить ее за рубеж — в надежные «финансовые гавани» развитых стран мира.

Правительство и Центральный банк пытались этому противостоять, однако их усилий оказалось недостаточно. Не помог и спешно полученный кредит Международного валютного фонда (МВФ), который предполагалось потратить на поддержание курса российского рубля и курса государственных ценных бумаг. В августе 1998 года властям пришлось отказаться от этой поддержки. Рубль рухнул, обесценившись за несколько месяцев примерно в пять раз (это принято не совсем точно называть августовской девальвацией), а от выплат по государственному долгу пришлось на долгое время вообще отказаться (это принято называть дефолтом). Те инвесторы, которые не успели продать облигации и вывести деньги, понесли ущерб.

Важнейшим печальным последствием, которое нас интересует в связи с темой этой книги, стали потери, понесенные в результате падения рубля большинством российского населения. Рухнувший рубль резко и существенно снизил уровень реальных доходов граждан. Во-первых, произошло значительное удорожание импортных товаров. Покупатели, которые не могли или не желали перейти на приобретение отечественных заменителей, вынуждены были платить в несколько раз больше за те же самые товары, которые приобретали до августовского кризиса. Во-вторых, подорожали, хотя, как правило, не в такой степени, и отечественные товары. Связано это было, с одной стороны, с ростом издержек

(удорожанием импортного сырья и материалов, необходимостью повысить зарплату работникам), а с другой — с тем, что отечественные производители воспользовались возможностями, которые были у них в связи с отсутствием сильной рыночной конкуренции.

Кроме падения реальных доходов населения важнейшей проблемой, связанной с девальвацией, оказалось обесценивание сбережений, созданных гражданами на протяжении девяностых и хранившихся в рублях, а не в иностранной валюте. Получалось, что даже те группы, которые выиграли от преобразований, были долгое время довольны своим положением, хорошо зарабатывали и копили деньги на приобретение домов, квартир, автомобилей, бытовой техники или, скажем, на хороший летний отдых, вдруг оказались в числе проигравших. В первые годы реформ они обычно меняли рублевые доходы на наличную валюту, что часто нелегко было сделать. Спрос на американские доллары или немецкие марки в обменных пунктах был столь велик, что приходилось порой бегать от одного окошка к другому в поисках вожделенных купюр. Это было утомительно и унижительно. Поэтому, как только во второй половине 1990-х сформировалось доверие к рублю, многие хорошо зарабатывавшие граждане предпочли иметь рублевые депозиты в коммерческих банках вместо долларовых пачек, запиханных в стеклянные банки из-под консервированных огурцов. И вот их доверие вдруг рухнуло!

В целом получилась следующая картина. Миллионы российских граждан, которые в той или иной степени проиграли (или чувствовали себя проигравшими) от рыночных преобразований первой половины 1990-х годов, худо-бедно терпели трудности и даже готовы были до поры до времени поддерживать ельцинскую систему в надежде на позитивные перемены. Но терпеть трудности, не теряя надежд, можно лишь

ограниченное время. В 1993 году российское общество демонстрировало еще в целом поддержку Ельцина и даже (в ограниченных масштабах) поддержку Гайдара и возглавляемых им политических сил. К президентским выборам 1996-го поддержка существенно снизилась, но пока еще сохранялась. Во всяком случае, с помощью активной предвыборной кампании удалось обеспечить победу Ельцина над Зюгановым, хотя, судя по всему, многие из тех, кто тогда голосовали за действующего президента, очень быстро разочаровались в своем выборе. Если бы начавшийся в 1997 году медленный подъем экономики сохранялся до начала нулевых, настроения российских граждан могли перемениться, поскольку они почувствовали бы некоторый рост реальных доходов. Однако августовский кризис привел к новому, причем резкому падению доходов, что особенно сильно ударило по возрождавшимся позитивным ожиданиям.

К этой истории, наверное, можно применить знаменитое парадоксальное выражение Виктора Черномырдина «Никогда такого не было, и вот опять!». Никогда еще российские граждане не сталкивались с дефолтом и девальвацией в том виде, как это случилось в августе 1998 года, но ощущение «вот опять!» появилось тогда у многих. Имелось в виду, что стране никак не удастся выбраться из кризиса, длящегося почти десятилетие. Конкретные причины экономических трудностей могут меняться, однако в любом случае они оборачиваются снижением уровня жизни. Сохранявшаяся какое-то время вера в то, что реформы рано или поздно приведут к экономическому подъему, стала уходить. Сформировалась база для отторжения практически всего, что происходило в девяностые. Надо отметить, что так размышляли далеко не все. Люди, способные анализировать ситуацию, понимали, каковы причины трудностей в каждом конкретном случае. Но много было и тех,

кто не способен был к такого рода анализу или не желал к нему прибегать, предпочитая психологически более простую позицию отторжения всего постсоветского прошлого.

Это отторжение не было связано с культурой, с ментальностью российского общества. Оно стало конкретным результатом накопившихся за трудное десятилетие проблем. В начале 1990-х, когда были провозглашены рыночные реформы и когда они теоретически могли быть отвергнуты большинством (если бы это большинство обладало врожденной антирыночной ментальностью), преобразования в целом поддерживались массами. Однако накопившиеся проблемы со временем привели к разочарованию. От того, кто десять лет ждет личных успехов и не может дождаться, трудно требовать высоких оценок прошедшего десятилетия.

Говорится это, естественно, не в осуждение реформаторов. Еще раз подчеркну, что так толком и не решенная проблема «денежного навеса» была унаследована ими из 1980-х (к чему мы вернемся в следующей главе). Рыночные реформы 1990-х были важными, нужными, эффективными. По большому счету только они и дали результат, поскольку сейчас уже видно, что реформы в сфере демократизации страны, совершенствования госуправления, развития гражданского общества потерпели крах вне зависимости от того, какие прогрессивные люди ими занимались. Но, несмотря на успех рыночных преобразований, экономисты-реформаторы оказались в зависимости от исторического пути России и потому не сумели дать народу все то, на что он рассчитывал.

Палка о двух концах

Функционирование экономики в России радикально изменилось после августовского кризиса 1998 года. Девальвация на самом деле — это палка о двух концах. Одним концом она бьет по населению, но другим — стимулирует работу отечественных производителей. Во-первых, исчезновение импорта из магазинов, в которых покупают товары люди с низкими и средними доходами, формирует импортозамещение. Во-вторых, дешевые отечественные товары в такой ситуации начинают проникать на зарубежные рынки. Второе последствие девальвации не слишком характерно было для конца 1990-х, но зато первое — проявилось в полной мере. С 1999 года в России начался мощный экономический подъем, который не прекращался почти десять лет. Рост этот был поддержан высокими ценами на нефть, установившимися в нулевые годы и продержавшимися до кризиса 2008 года. В конечном счете подъем обернулся ростом реальных доходов населения. Таким образом, для массовой поддержки той политической системы, которая сложилась с приходом на президентский пост Владимира Путина, имелись весьма серьезные экономические основания. Точнее, наверное, можно сказать, что имелись основания психологические, связанные с упрощенной интерпретацией экономической истории трудного десятилетия 1990-х годов. Как бы то ни было, и принятие нулевых, и отторжение девяностых основывались на рациональных (пусть часто ошибочных) решениях миллионов людей, а не антирыночной, антидемократической культуре.

Вряд ли у нас есть основания говорить, будто российское общество проявило иррациональную склонность к автократии. Но у нас есть основания полагать, что у многих людей имелись вполне рациональные мотивы быть довольными своим экономическим положением в нулевые (по крайней мере, на фоне девяностых). Многие реально стали жить лучше. Некоторая часть населения страны позитивно реагировала не столько на личное положение, сколько на общие признаки выхода России из длительного экономического кризиса. Но вне зависимости от того, каково было влияние рациональных и эмоциональных мотивов в позитивном восприятии связанных с Путиным перемен, следует признать, что это был выбор между хорошей жизнью и плохой, а не между свободой и несвободой.

Нам может нравиться или не нравиться то, что значительная часть общества принимает во внимание лишь поверхностные изменения, а не глубинную суть событий, но это реальность, с которой следует считаться.

Дальше перед нами встает вопрос о том, почему Россия оказалась с самого начала девяностых в столь сложном положении, что не могла из него выбраться на протяжении целого десятилетия. Для ответа на этот вопрос нам следует двинуться вглубь истории. Точнее, отправляясь в прошлое, нам надо разделить поставленный вопрос на два. Во-первых, почему к началу девяностых образовался такой большой «денежный навес», что дело обернулось высокой инфляцией, неплатежами, пирамидой государственного долга и дефолтом. Во-вторых, почему структура постсоветской экономики оказалась такой, что значительное число предприятий ни в какой степени не было способно функционировать в рыночных условиях и просто повисло на госбюджете, высасывая из него соки? Для ответа на первый вопрос нам следует отправиться в эпоху горбачевской

перестройки и посмотреть, какие преобразования тогда осуществлялись в экономике. А для ответа на второй вопрос отправляться придется в сталинские времена для изучения сути индустриализации и построения административной хозяйственной системы.

Альтернатива первая. Не столь лихие девяностые

Если мы исходим из представления, что российское общество выбрало нынешний путь, поскольку было разочаровано в конкретных экономических итогах девяностых, а вовсе не потому, что стремилось к автократии или социализму советского образца, то разрушаются модные в определенных кругах концепции предопределенности развития России. Конечно, все население страны в любом случае не могло быть удовлетворено конкретным ходом реформ, появлялись бы группы проигравших, разочарованных и даже озлобленных. Однако размер и влияние этих групп могли быть разными при разных обстоятельствах. Для того чтобы понять эти обстоятельства, следует перейти от абстрактных рассуждений об особой русской ментальности, которыми часто злоупотребляют, к конкретному анализу финансовых возможностей эпохи реформ. Могли ли реформаторы при ином ходе событий «подстелить соломку» народу при его «падении в рынок»? Конечно, могли. Рассмотрим несколько альтернативных сценариев.

Сценарий первый связан с ценами на нефть. Россия, как известно, является крупным экспортером энергоносителей, а потому доходы государственного бюджета и общий приток денег в экономику зависят от объема нефтегазовой выручки. При этом цены на мировом рынке зависят от множества обстоятельств. Эти обстоятельства сложились так, что в девяностые годы цены были низкими, а в нулевые — стали

быстро расти. То есть в самый тяжелый момент реформ, когда правительству требовались деньги, валютная выручка российской экономики оказалась мала, соответственно, пришлось больше денег «печатать», а затем больше занимать. Это существенно повлияло на темпы инфляции и масштабы августовского кризиса 1998 года. А когда общество разочаровалось в девяностых, конъюнктура мирового энергетического рынка стала к нам более благоприятной, и это увеличило возможности финансовой поддержки населения, которые появились у политических руководителей нулевых годов. Но ведь конъюнктура рынка могла сложиться иначе: если бы эпоха высоких цен на нефть совпала с эпохой реформ, «слой соломки» был бы значительно толще.

Сценарий второй связан с поддержкой, которую оказывали российским реформам зарубежные страны и международные финансовые организации. Валюту, необходимую для финансовой стабилизации, можно было не только заработать, но и получить в долг. С теми долгами, которые образовались бы в период плохой конъюнктуры энергетического рынка, можно было расплатиться позднее — по мере роста цен на нефть и газ. Богатые страны формально проявляли стремление поддерживать Россию деньгами, однако на самом деле эта поддержка оказалась незначительной в сравнении с теми потребностями, которые возникли в девяностые годы. Крупные кредиты предоставлялись в конце 1980-х Горбачеву. А когда в 1990-е начались реальные рыночные реформы, размер поддержки резко снизился. Если сравнить ее с поддержкой, которую получала впоследствии маленькая Греция для решения финансовых проблем, угрожавших ее пребыванию в зоне евро, становится очевидным, что по отношению к российским реформам Запад вел себя индифферентно. Но если бы западные

политики оказались более прозорливыми, этой индифферентности не было бы и «слой соломки» стал толще.

Третий сценарий связан с азиатским финансовым кризисом. Подобный разрушительный кризис совсем не обязательно должен был разразиться именно в 1997–1998 годах. Он мог случиться несколько позже или раньше. Если бы он случился позже, неустойчивая пирамида российского госдолга устояла бы. Соответственно, не было бы резкого снижения реальных доходов населения в конце девяностых — прямо перед очередными президентскими выборами. Политические процессы могли в тот момент пойти по-другому. Во всяком случае, наиболее вероятным «преемником» Ельцина становился бы многолетний премьер-министр Виктор Черномырдин, в заслуги которого была бы поставлена удачная финансовая стабилизация (пусть даже осуществленная с помощью пирамиды госдолга). Да и политический вес такого крупного демократического лидера, как Борис Немцов, был бы значительно выше без августовских потрясений 1998 года.

При любом позитивном сценарии финансовой стабилизации лучше обстояли бы дела не только с ценами и займами, но также с инвестициями. Экономика так устроена, что при нестабильности капиталы бегут из бедствующей страны или используются для краткосрочных спекуляций, а при стабильном положении дел инвестируются в развитие. Подобные инвестиции создают новые рабочие места, обеспечивают людям выплату хорошего заработка, способствуют расширению выпуска товаров отечественными производителями. Именно так обстояло дело в начале нулевых: как только появились стабильность и первые признаки роста экономики, капиталы перестали бежать из России и стали возвращаться. Если бы не августовский кризис, это могло произойти раньше.

Я не хочу определять вероятность позитивного развития при каждом из указанных выше сценариев. Подобные гадания антинаучны, хотя весьма захватывающи. Цель моей книги состоит лишь в том, чтобы показать зависимость развития страны от ее исторического пути и тех крутых поворотов, которые на нем встречаются, а также отметить, что любая зависимость не детерминирует будущее.

Миф первый. О китайском пути

Аналитические размышления о сложности преобразований девяностых нравятся далеко не всем. Как и любая сложность. С простыми объяснениями жить значительно проще. Одним из таких объяснений является миф о китайском пути, по которому следовало идти нашей великой державе. Если китайским реформаторам удалось за несколько десятилетий превратить свою полуголодную страну во всемирную промышленную мастерскую, то почему это не удалось сделать России?

Иногда шутники отвечают на этот вопрос, что, мол, для китайского пути у нас оказалось слишком мало китайцев. Такой ответ, конечно, неверен как по форме, так и по содержанию. Народы не делятся на склонных к строительству эффективной рыночной экономики и не склонных к этому. Успех зависит от установленных в стране правил игры (от институтов, если по-научному), а не от национальности. Китай был не слишком успешен в экономике как до установления маоизма, так и при его господстве. Но после маоизма он вдруг преуспел, поскольку правила игры радикально изменились.

Тем не менее в некотором смысле приведенная выше шутка верна, поскольку намекает на то, что очень важные объективные различия между Россией и Китаем все же имелись. Проблема не в принадлежности людей к той или иной нации, а в том, как они жили к началу реформ, чем занимались: в России и в Китае. Если выразиться по-научному, проблема состояла в принципиально разных структурах экономики.

Китай был почти целиком страной аграрной, Россия — в основном промышленной. В Китае крестьяне могли голодать, в России 1970–1980-х голода не было, страдал народ лишь от товарного дефицита.

В Китае государство не брало на себя социальных обязательств перед большей частью населения, в России для всех существовали пенсии, больничные листы, а также хлеб с макаронами и крупами по искусственно заниженным ценам. Поэтому и ожидания реформ, и цели преобразований были принципиально различными.

Китайские крестьяне, составлявшие подавляющую часть населения, хотели (чтобы не голодать) трудиться на самих себя, а не на коммуну. По сути, они были противниками госрегулирования, хотя вряд ли мыслили в таких терминах. И когда желанное право получили, они взялись за работу засучив рукава. Трудились на своих полях или простеньких промышленных предприятиях, разбросанных по провинциальным городкам и «крышуемых» местными властями. Несколько упрощая, можно сказать, что не мы пошли китайским путем в реформах, а китайцы — нашим, если вспомнить о том, в чем состояли преобразования НЭПа, проведенные в ту эпоху, когда Россия была столь же аграрной страной, как Китай.

Российские горожане в основной массе уже не могли представить себе жизнь без государственного патернализма. Когда предприятиям предоставили свободу, общество потребовало от государства, как говорилось выше, серьезных гарантий, то есть различных денежных выплат, позволяющих хотя бы сохранить тот уровень жизни, что был раньше. Более того, гарантий требовало и сельское хозяйство: страна должна кормить свое крестьянство, как заявил один известный аграрный лоббист.

Вот парадокс. Поскольку в Китае сохранилась власть коммунистической партии, нам кажется порой, что там государственное регулирование было сильнее, чем в России. Однако на самом деле большая часть огромной крестьянской страны работала на выживание без помощи государства, но

и без больших помех с его стороны. У нас же государство, чтобы удовлетворить своего избирателя, помогало тем, кто сам конкурентоспособную продукцию не производил, и мешало (собирая высокие налоги) тем, кто в иной ситуации мог чрезвычайно успешно работать.

Если бы мы пошли китайским путем, государство должно было бы сказать в девяностые годы миллионам людей: крутитесь как знаете, не будет ни дотаций, ни пенсий, ни зарплат значительной части бюджетников... Понятно, что подобный китайский путь вызвал бы в России даже большее отторжение, чем та политика, которая вышла у нас на деле. Хотя при таком «зверином капитализме» мы, возможно, могли достичь такого же экономического чуда, которое сотворил Китай.

Чудо это состояло в том, что Китай завалил весь мир чрезвычайно дешевой продукцией, победившей иностранную в конкурентной борьбе. А дешевизна производства определялась низкими зарплатами и низкими налогами. У нас же за столь низкую зарплату, как в Китае, ни рабочий, ни колхозница трудиться не желали. И государство, зависимое от рабочих и колхозниц, не желало снижать налоги. Вместо экономического чуда в итоге получили экономическую стагнацию.

И еще один момент отличал нас от Китая. Туда активно шел иностранный капитал, привлеченный дешевой рабочей силой. Он приносил свои технологии. И китайцы не кричали, что их поработают, а радовались создаваемым этим капиталом рабочим местам. У нас же зарплата в сравнении с Китаем была высокой, крики — громкими, а качество рабочей силы (обладающей склонностью приложиться к бутылочке) — плохеньким. Так что прежде чем проиграть Китаю

в конкурентной борьбе на мировом рынке товаров, мы проиграли ему конкурентную борьбу за инвестиции.

Глава вторая. О том, как Иосиф Виссарионович подкузьмил Михаила Сергеевича

Важнейшим рубежом в истории нашей страны стала перестройка, провозглашенная Михаилом Горбачевым во второй половине 1980-х. После долгого правления весьма немолодых руководителей Советского Союза — Леонида Брежнева, скончавшегося в 1982 году, Юрия Андропова, скончавшегося в 1984-м, и Константина Черненко, скончавшегося в 1985-м, на посту генерального секретаря ЦК КПСС оказался Михаил Горбачев, которому в тот момент исполнилось лишь 54 года. По меркам позднесоветского времени это было немного для политического лидера страны. Но принципиально важно было, пожалуй, даже не количество исполнившихся генсеку лет, а то, что он принадлежал к новому поколению советских людей — поколению шестидесятников, как принято его называть.

Великую Отечественную войну Горбачев застал еще подростком, трудился в тылу, на фронте не бывал. Житейская мудрость, сформированная опытом предыдущего поколения, — лишь бы не было войны, остальное как-нибудь устроится, — для него не имела определяющего значения. Не в смысле войны, естественно, — Горбачев был очень миролюбив, — а в том смысле, что помимо мирного сосуществования с соседями он хотел еще как следует обустроить наше существование

внутреннее: провести преобразования, позволяющие исправить недостатки социализма, ставшие к тому времени очевидными. Большое влияние на него оказала десталинизация, осуществленная на XX съезде КПСС в 1956 году, и в целом эпоха хрущевской оттепели.

Вместе с Горбачевым пришла к власти целая плеяда партийных руководителей из поколения шестидесятников со схожими взглядами, если говорить о них в целом, но очень разными подходами, если рассматривать конкретные методы исправления социализма, которые эти люди считали эффективными. В целом политиков, начавших преобразования, иногда называют прорабами перестройки. Среди этих прорабов были люди более консервативные — например, Николай Рыжков и Егор Лигачев, — и более радикально настроенные — например, Борис Ельцин и Александр Яковлев. Но все они по своим взглядам сильно отличались от уходивших из жизни в ту эпоху партийных стариков брежневского поколения.

Прорабы перестройки в борьбе с наследием прошлого

Для того чтобы разобраться во влиянии горбачевской перестройки на дальнейшую жизнь России, следует внести существенные уточнения в сложившиеся представления о событиях второй половины 1980-х, поскольку сегодня (сорок лет спустя) некоторые важные преобразования тех лет вспоминаются и обсуждаются постоянно, тогда как другие практически исчезли из памяти, причем как у людей, поддерживавших перестройку, так и у тех, кто считал ее комплексом разрушительных действий. Горбачев запомнился в основном двумя реформами. Во-первых, он осуществил демократизацию Советского Союза, предоставив народу свободу слова, а затем организовав свободные выборы народных депутатов. Во-вторых, он провозгласил новое мышление в международных отношениях, устранил конфронтацию СССР с НАТО и отпустил на свободу страны Центральной и Восточной Европы, находившиеся в политической зависимости от Москвы. Об этом сегодня вспоминают постоянно. Однако практически позабытой оказалась экономическая реформа, осуществленная в эпоху перестройки.

В массовом сознании сохранились кооперативы, которые возникли при Горбачеве после многих десятилетий господства государственной собственности, но не сохранились преобразования, осуществленные на государственных предприятиях, хотя по воздействию на экономику они были

значительно важнее. Именно реформа системы управления госпредприятиями сформировала ту кризисную экономическую ситуацию, которая сложилась в СССР к началу 1990-х годов и из которой затем пришлось выводить хозяйственную систему реформаторам девяностых. Горбачев хотел изменить к лучшему материальную сторону жизни советских людей, повысить эффективность производства, ликвидировать товарный дефицит, создать материальные стимулы для работников госпредприятий. Но реформаторы эпохи перестройки опасались выйти за рамки социализма и отказаться от так называемых «исторических преимуществ социализма перед капитализмом», о которых твердили все советские учебники обществознания. Реформаторы эпохи перестройки опасались создать такую экономическую систему, при которой возникнут инфляция, безработица и кризисы перепроизводства товаров. Они стремились совместить хорошее с лучшим, ориентируясь в основном на опыт рыночного социализма, существовавшего в некоторых странах соцлагеря, однако этот опыт был изучен ими весьма поверхностно. В результате по итогам перестроечной реформаторской деятельности получилось сочетание худших качеств, присущих административному и рыночному социализмам, что вогнало советскую экономику в тяжелейший кризис.

Что же предстояло реформировать в экономике перестроечной эпохи? Во-первых, эта экономика основывалась на государственной собственности, не допускавшей частного предпринимательства. Во-вторых, государственные предприятия управлялись при помощи планов (приказов), разрабатывавшихся в экономическом центре (правительстве, министерствах, государственных комитетах). Планы предписывали предприятиям, какую продукцию производить и в каком объеме. В-третьих, согласно существовавшей тогда

системе распределения прибыли хорошо работавшие предприятия не могли сильно оторваться от плохо работавших. В-четвертых, плохо работавшие предприятия искусственным образом поддерживались на плаву, поскольку государство по определенным причинам хотело получать их продукцию, а также было заинтересовано в том, чтобы трудящиеся не теряли работу и зарплату. В-пятых, отсутствие материальных стимулов и жесткость планов приводили к товарному дефициту, поскольку предприятия, с одной стороны, не желали работать больше и лучше из-за отсутствия материальной заинтересованности, а с другой — не имели права самостоятельно менять структуру производства, ориентируясь на реальный потребительский спрос, а не на планы, составленные чиновниками. В-шестых, дефицит стимулировал предприятия формировать большие запасы сырья и материалов, что серьезно усугубляло и без того сложную ситуацию: получалось, что, сколько ни производи дефицитных товаров, все будет мало.

Весь этот чрезвычайно странный по современным представлениям комплекс хозяйственных проблем остался Горбачеву в наследство от прошлых эпох. Сейчас мы не будем выяснять причины его возникновения. Оставим этот аспект нашего анализа для следующей главы, а пока разберемся, каким же образом прорабы перестройки осваивали свое тяжелое наследство.

В первые годы перестройки у руководства страны не было четкого понимания того, как можно исправить положение дел в экономике. Применялись меры, которые не могли изменить суть дела. С одной стороны, предпринимались усилия для того, чтобы повысить трудовую дисциплину на предприятиях с помощью жестких ограничений продаж алкогольной продукции. С другой — инвестировались дополнительные

средства в развитие машиностроения, поскольку считалось, что механизация производства увеличит выпуск товаров. Но к середине 1987 года созрела наконец программа радикального реформирования, которая основывалась на реальном понимании сути стоявших перед советской экономикой проблем, но не на понимании того, как эти проблемы можно успешно разрешить. Реализацию этой программы начали в 1988 году, и примерно к середине 1990-го она серьезно ухудшила положение дел в экономике. Если к началу перестройки товарный дефицит имел ограниченный характер (на прилавках магазинов всегда что-то приемлемое для потребителя лежало, хотя за товарами выстраивались порой длинные очереди, а выбор был минимальным, особенно в провинции), то к концу перестройки прилавки стали по-настоящему пустыми. Вместо формирования у производителей стимулов к активной работе по преодолению дефицита были созданы стимулы у потребителей для массивной скупки всего, что можно было скупить, и формирования больших товарных запасов. Почему же это произошло?

Реформа включала в себя несколько важнейших элементов. Внешне она напоминала переход от советской административной экономики к рыночной. Должен признаться, что в те годы я — молодой преподаватель экономики — сам ошибочно полагал, что налицо нормальное движение к рынку, и с энтузиазмом пропагандировал реформу в студенческих аудиториях и на предприятиях, где выступал перед трудовыми коллективами. Мой энтузиазм был связан с недостатком экономических знаний и избытком перестроечного энтузиазма. На самом деле преобразования не были по-настоящему комплексными, а потому переходом к рынку перестроечную реформу назвать было нельзя.

Самым привлекательным элементом реформы стало предоставление предприятиям самостоятельности в решении вопроса, что и как производить. Планы производства теперь можно было составлять самим. Роль министерств и других вышестоящих органов резко сокращалась в сравнении с эпохой старой административной системы хозяйствования. Идея самостоятельности была тогда очень популярна в обществе. Многие люди полагали, что на местах гораздо лучше знают особенности производства, чем в далекой Москве, где в больших кабинетах сидит оторванное от реальной жизни высшее начальство. Директора предприятий были уверены в том, что они компетентнее министров и партийных секретарей, постоянно вмешивающихся в производство.

Но что означало принятие предприятием самостоятельных решений? Кто конкретно их должен был принимать в условиях сокращения роли министерств? Ясно, что на первый план выходили менеджеры, точнее «красные директора», как прозвали их в эпоху девяностых. В перестроечной экономике альтернативы им не имелось, но в настоящей рыночной экономике (капиталистической) менеджмент находится под контролем акционеров, а точнее — под контролем финансового рынка, если не существует крупного акционера, владеющего контрольным пакетом акций. На финансовом рынке в случае неэффективной работы компании происходят массовые продажи акций, что негативно сказывается на положении менеджеров. Зависимость от рынка делает их ответственными за свои решения, хотя не устраняет ошибок и злоупотреблений. В СССР не было частной собственности (машина, квартира, садовый домик и т. д. именовались личной собственностью), не было акционерного капитала, не было финансового рынка. Что в этой ситуации формировало бы ответственность директоров? Если ни министр, ни финансовый рынок не могут их наказать за

плохие решения, как будет работать такая система? Выход из положения был найден с помощью идей рыночного социализма и рабочего самоуправления, использовавшихся в Югославии с 1950-х годов, когда трудовые коллективы сами выбирали директоров своих предприятий, а специальные советы контролировали деятельность менеджеров. Формально такая система была похожа на настоящий рынок. Казалось бы, не все ли равно, кто выбирает начальство: большое число работников или большое число мелких акционеров? Но разница оказалась весьма существенной. Акционеры заинтересованы в росте прибыли, курса акций, а следовательно, эффективности производства. Работники — в росте зарплаты и сохранении своих рабочих мест, что часто противоречит эффективности. Кроме того, работники не настолько квалифицированы в управлении, чтобы эффективно контролировать менеджмент. Мелким акционерам тоже не хватает квалификации, но им и не надо спорить с ушлыми директорами: достаточно «скинуть» акции на рынке. А рабочие ничего «скинуть» не могут. Но и обнаружить скрытые злоупотребления директоров не могут тоже. Они удовлетворяются ростом зарплаты и часто не замечают, что хищения, осуществляемые их избранником, значительно превышают по объему средства, выделяемые на премии.

Формирование фактически бесконтрольного директорского корпуса в ходе перестроечной реформы привело к такому явлению, как номенклатурная (так ее называли у нас), или спонтанная (этот термин преобладал в странах Центральной и Восточной Европы), приватизация. Началась она задолго до того, как массовую приватизацию провел в 1992–1994 годах Анатолий Чубайс. Приватизация массовая как раз в значительной степени была направлена на то, чтобы остановить приватизацию номенклатурную, проходившую не

по установленным государством принципам, а по принципу «кто смел, тот и съел». Действия «красных директоров» и их деловых партнеров были далеко не столь заметны в конце 1980-х, как деятельность «приватизаторов» 1990-х, но именно события, происходившие в перестройку, во многом заложили основы будущих крупных состояний российского бизнеса.

В конце 1980-х директора перенаправляли финансовые потоки предприятий в собственные карманы. Этому процессу сильно способствовало появление кооперативов, которые гораздо больше напоминали частные фирмы, чем самоуправляемые государственные предприятия. «Красный директор» мог, например, заказать кооперативу какие-то работы для своего предприятия: ремонт крыши, покраску стен цеха, настройку нового оборудования или даже проведение исследовательских работ в целях повышения эффективности производства. Заказать эти работы он мог у одного кооператива, а мог у другого. Тот, который он предпочел, был благодарен директору за выгодный заказ и, соответственно, давал ему хороший откат — взятку, представлявшую часть той суммы, которую предприятие заплатило кооперативу за работу. Более того, директор мог не искать кооператоров на рынке, а сам создать кооператив с помощью друзей или родственников, которых тем самым обогащал, не забывая собственной выгоды. При таком подходе к делу расценки за работу кооператива могли быть сильно завышены, а деньги госпредприятия шли не столько на развитие бизнеса, сколько на рост личных доходов людей, связанных с этой махинацией. В то же время работники предприятия, с махинацией совершенно не связанные, могли получать от заводского начальства все большие деньги за не слишком пристальный контроль за действиями менеджмента. Это особенно важно понять для ответа на интересующий нас главный вопрос. Деньги, которые в старой административной

системе предприятие не могло тратить на зарплату, через номенклатурную приватизацию оказывались в карманах разных людей. Возникла база для формирования «денежного навеса», о котором говорилось в первой главе и с причинами возникновения которого мы и хотим сейчас разобраться.

Главная проблема возникала даже не на базе номенклатурной приватизации. Гораздо серьезнее оказалась неспособность прорабов перестройки осуществить реформу ценообразования, которая была запланирована в нормативных документах, описывавших суть реформ, но так и не проведена. Реформа должна была состоять в переходе к так называемым договорным ценам. Имелись в виду цены рыночные, но такие чуждые идеям социализма слова в 1987 году употреблять было еще невозможно. Договоренность об установлении цены между поставщиками и потребителями продукции с учетом спроса и предложения означала, конечно, формирование цены рыночной. Необходимость такого подхода авторы реформы в основном, наверное, понимали, но двигаться по этому пути боялись. Ясно было, что в условиях товарного дефицита, то есть существенного превосходства спроса над предложением, многие цены сильно подскочат и это ударит по карману советских граждан. Тогда (в 1987 году) это было уже понятно всем специалистам. То есть проблема возникла не в момент гайдаровской реформы, когда скачок цен произошел, а значительно раньше.

Общее понимание характера проблем, которые могли возникнуть при переходе к договорным ценам, отличало даже наиболее умных и образованных простых граждан, а не только ведущих экономистов и чиновников. В те годы мне часто приходилось выступать с лекциями на предприятиях и разъяснять суть реформы. В целом выступления проходили на ура. Я видел, что народ ждет преобразований. Людей,

обожающих сложившийся в СССР образ жизни, я практически не встречал. Товарный дефицит, очереди, убогость советской системы потребления раздражали подавляющее большинство моих слушателей. И та часть лекции, в которой шло разъяснение роли самостоятельности предприятий, воспринималась с энтузиазмом. В позитивную роль хозяйственных стимулов народ искренне верил. Но как только я переходил к рассказу о той части концепции реформ, в которой шла речь о ценообразовании, слушатели заметно снижали. Появлялись недоуменные вопросы и откровенные возражения. При том низком уровне жизни, который сложился даже у работников ведущих предприятий Ленинграда, все боялись дальнейшего падения реальных доходов, связанного с ростом цен. Убедить слушателей в том, что реформа должна быть комплексной, поскольку без одной ее части другая не заработает, мне толком не удавалось. Умом люди это понимали, но душой смириться с новым ударом по своему карману были не готовы.

В итоге прорабы перестройки поступили с экономикой примерно так же, как часто мы поступаем при решении обычных бытовых вопросов. «Приятную часть» реформы хозяйственной системы осуществили, а неприятную — оставили на потом. Никто не отказывался официально от перехода к договорным ценам, никто не заявлял о необходимости возвращения к администрированию, поскольку это, мол, истинно социалистический метод управления. Но либерализацию розничных цен не проводили до тех пор, пока за нее не взялся Гайдар — уже после распада СССР.

Стоит ли удивляться тому, что в 1992 году цены столь сильно подскочили? Как иногда выражаются экономисты, Гайдар своей либерализацией лишь перевел скрытую инфляцию (сочетание товарного дефицита с «денежным навесом») в открытую. Сам по себе масштаб ценового скачка, произошедшего в начале

1992 года, российские реформаторы никак не могли регулировать, поскольку получили проблему в наследство от реформаторов, которые работали до них. Ельцин, Гайдар, Черномырдин и другие политики девяностых могли воздействовать лишь на ход финансовой стабилизации, а не на ту дестабилизацию, что случилась раньше. Стабилизация 1990-х шла далеко не оптимально, но о том, что влияло на реформаторские решения той эпохи, мы уже говорили.

Для сравнения отметим, что в польских реформах начала 1990-х годов политическая ситуация сложилась иначе. Ответственность за либерализацию розничных цен взяло на себя последнее коммунистическое правительство, управлявшее страной перед демократизацией. Это существенно облегчило ход реформ, поскольку народ не предъявлял претензии новым реформаторам за проблемы, созданные старыми. Но в России многие из тех, кто так или иначе был связан с накоплением экономических проблем во времена правления КПСС, обрушивались на российских реформаторов с критикой за осуществление шокотерапии, и значительная часть общества верила в их правоту. Понятно, что шанс осуществить реальную терапию в условиях недоверия «больного» к врачебным подходам оказывается не так уж велик. Ведь ко всем описываемым здесь объективным проблемам, связанным с состоянием дел в экономике, присоединяются проблемы субъективные, связанные с состоянием умов, путающих боль, происходящую от болезни, с болью, вызванной операцией.

Как возникал «денежный навес»

Печальное наследство, оставленное прорабами перестройки реформаторам девяностых, не ограничивалось сферой ценообразования и последствиями номенклатурной приватизации. На рубеже 1980–1990-х годов активно осуществлялась финансовая дестабилизация, и это было гораздо хуже торможения ценовой либерализации. Поскольку перестройка не допускала, как уже говорилось выше, отхода от социалистических принципов управления экономикой к капиталистическим, прорабы не могли допустить закрытия неэффективно работавших предприятий и появления безработицы. Неэффективное хозяйствование продолжало существовать. Даже если бы новая система стимулов всерьез заинтересовывала людей в хорошей работе, плохие предприятия все равно оставались бы. Для коренной перестройки нужны не только краткосрочные методы воздействия на экономику, но и долгосрочные — крупные инвестиции в те заводы и фабрики, которые не имеют нормального оборудования для производства продукции, пользующейся спросом. Проблема инвестиций требует даже в лучшем случае очень больших сроков, а главное — формирования финансового рынка, на создание которого тогда никто не готов был пойти. В итоге позитивные начинания в экономике так и не появились. Прорабам перестройки приходилось решать, что делать с плохо работавшими предприятиями. Содержать ли их, и если да, то за чей счет? За счет государства или за счет эффективно работавших предприятий?

В итоге для разрешения сложных проблем плохие решения стали сочетать с очень плохими. Вместо налоговой системы, при которой плательщик вносит в бюджет долю прибыли, добавленной стоимости или личного дохода, которая заранее утверждена законом, перестройка создала систему нормативов, которые можно было постоянно менять. Скажем, от хорошо работающих предприятий можно было потребовать внесения в бюджет большей доли прибыли, чем от плохо работающих. А если плохо работающее предприятие вдруг начинало функционировать лучше, ему могли изменить нормативы распределения прибыли в худшую сторону: ты, мол, богатый — поделись с бедными. Такая система была все же несколько лучше, чем старая система, существовавшая до перестройки, поскольку тогда фонды стимулирования предприятия вообще были крошечными и практически никакого воздействия на его работу не оказывали. В новых условиях кое-какие стимулы появились, но они оказались ничем не гарантированы. Руководители предприятий понимали, что успешная деятельность скорее превратит их в дойную корову государства, чем позволит обогатиться. Работа в интересах потребителя требовала больших усилий, преодоления ряда преград, установленных государством, и сулила при этом неясные перспективы. А между тем под ногами у директоров лежали золотые россыпи. Неудивительно, что мысль об обогащении связывалась многими «красными директорами» с номенклатурной приватизацией, то есть с разворовыванием предприятия, а не с превращением его в успешно функционирующее.

Для тех, кто не мог или не хотел успешно вписаться в новую систему хозяйствования, появилась практика государственных заказов. Перестроечный госзаказ серьезно отличался по сути дела от госзаказа, используемого в рыночной экономике.

В любом рыночном хозяйстве государство является одним из потребителей производимой продукции (для военных целей, для строительства административных зданий и объектов инфраструктуры, для систем культуры, образования и здравоохранения), поэтому оно формирует систему заказов, выполняемых не только госпредприятиями, но и частным сектором. А то, что потребляется рынком, в систему госзаказа обычно не входит. Но госзаказ перестроечный мог распространяться практически на любые товары, а не только на те, которые потребляет государство. Фактически эта была своеобразная система «спасения утопающих», создаваемая за счет умелых пловцов. Тот, кто не мог или не хотел воспользоваться системой стимулов, формируемых хозяйственной реформой, мог как бы оставаться в «старой системе». Через госзаказ он получал от государства гарантии того, что его продукцию возьмут, а ему за это выплатят деньги. Если продукция при этом не была востребована, предприятие все равно должно было получать от государства средства, чтобы работники не оказались на улице и не утратили доверие к идеям горбачевской перестройки.

Многие предприятия охотно соглашались работать по госзаказу. С одной стороны, так жить было спокойнее. Директора могли потихоньку разворовывать предприятия, используя методы номенклатурной приватизации, а трудовые коллективы до поры до времени могли не замечали того, что их продукция в условиях рынка не окупает трудозатраты. С другой стороны, отсутствие нормальной налоговой системы и рыночного ценообразования убивало желание работать интенсивнее даже у тех, кто в принципе мог это делать. А отсутствие частной (акционерной) собственности и финансового рынка, на котором акции могли бы перепродаваться, а контроль над предприятиями мог

переходить в иные руки, снижало вероятность прихода предприимчивого менеджмента.

Ушлый «молодой бизнес» получал стимулы разворовывать предприятия вместе со «старыми директорами» через кооперативы, а не реконструировать их. Со временем к кооперативам добавились коммерческие банки (в советской административной системе их не существовало) и совместные с иностранцами предприятия. Номенклатурная приватизация, осуществляемая через коммерческий банк, могла состоять в предоставлении негосударственному бизнесу средств госпредприятия почти за бесценок (с откатом директору). Номенклатурная приватизация через совместное предприятие могла предполагать вывоз на мировой рынок и продажу на металлолом по высоким ценам старого советского оборудования или утилизируемой военной техники.

И наконец, самое главное. В этой половинчатой системе даже варьирование нормативов распределения прибыли не давало государству возможности поддерживать на плаву плохо работавшие предприятия, а также всю огромную некоммерческую сферу, которую государство обязано поддерживать (армия, милиция, образование, здравоохранение, культура и т. д.). Почему нужна была столь серьезная поддержка, мы сейчас разбирать не будем. С некоммерческой сферой разбираться вообще не надо, поскольку она существует в любой современной стране и всегда в большей или меньшей степени требует государственной поддержки. А с предприятиями надо разбираться чрезвычайно серьезно, и это будет сделано в следующей главе, поскольку огромный сектор экономики, неспособный сам себя окупать, был унаследован эпохой перестройки от административной системы управления, создававшейся еще в сталинские времена. Понять причины ее появления и столь длительного существования непросто.

Походя это мы делать не будем и пока лишь констатируем, что в перестройку государство стало все активнее «печатать» деньги для затыкания бюджетных дыр. Считалось, что это временные меры, используемые до тех пор, пока не начнется комплексная работа по реализации реформы. Но «временные меры» использовались долго, причем в чрезвычайных масштабах. Экономика накачивалась деньгами, которые все труднее было использовать.

Квалифицированная часть руководителей страны понимала опасность происходящего. Еще до распада СССР и до гайдаровской реформы (в начале 1991 года) союзным правительством была предпринята попытка изъять из экономики «лишние» деньги. Денежная реформа сводилась к обмену старых крупных купюр на новые.

В основу этой операции была заложена весьма сомнительная идея, что «лишние» деньги копятя в виде наличности «под подушками» и «в тумбочках» у быстро разбогатевших людей. Поэтому считалось, что обмен старых купюр на новые с определенными ограничениями позволит отделить «агнцев» (простых советских граждан, имевших небольшие честные заработки) от «козлиц» (непростых, а может, и несоветских граждан, которых государство вправе «раскулачить»). Эта денежная реформа была проведена плохо и не дала экономического эффекта. «Денежный навес» продолжал нарастать. Но нам сейчас важны не частные моменты, а понимание того, что проблема «лишних» денег была осознана высшим руководством Советского Союза и четко зафиксирована в его действиях почти за год до начала гайдаровской реформы.

Таким образом, важнейшим итогом перестройки в экономике стал выход денежной эмиссии из-под контроля. Государство «откупалось» деньгами от народа, боясь идти на решительные реформаторские меры, а в это время участники номенклатурной приватизации перекадывали себе в карманы деньги, принадлежавшие предприятиям. Все это полностью дестабилизировало финансы. «Денежный навес», который

в брежневские времена был относительно умеренным, нарастал теперь как снежный ком. Квалифицированные экономисты понимали, что, если этот навес когда-нибудь рухнет, он погребет под собой тех, кто обладает небольшой зарплатой и крохотными сбережениями.

«500 дней», которые мы так и не прожили

Серьезные политические реформы в СССР начались только после того, как забуксовала экономическая реформа. В первые годы перестройки Горбачев не осуществлял политических институциональных преобразований. Он менял старые кадры на новые, увеличивал число своих соратников в высшем руководстве страны, сокращая влияние руководителей старшего поколения, подобранных еще Брежневым. Лишь в середине 1988-го, то есть через год после принятия программы экономических преобразований, было принято решение о проведении весной 1989 года выборов народных депутатов СССР по новому принципу. Вместо старых псевдовыборов, при которых на одно место имелся только один кандидат (формально выдвинутый так называемым «нерушимым блоком коммунистов и беспартийных», а на самом деле — советским партийным руководством), проводились реальные выборы из нескольких кандидатов, хотя и с существенными ограничениями, снижающими степень демократичности. Весной 1990 года в СССР уже проводились практически полностью демократичные выборы народных депутатов союзных республик (в том числе Российской Федерации), на которых системы ограничителей не было. В итоге в законодательную власть на союзном и республиканском уровнях попало много новых людей, настроенных на углубление преобразований и не придерживавшихся старых

социалистических догм о недопустимости капитализма, конкуренции, рынка.

У нас нет точных данных, позволяющих судить о логике действий Горбачева и его ближайших соратников — в частности, о том, почему политические преобразования были осуществлены после экономических. Однако резонно предположить, что логика здесь имелась. Политическая реформа могла стать своеобразной реакцией на неудачу реформы экономической. Если бы в экономике все шло успешно, вряд ли Горбачеву понадобились бы рискованные политические изменения, которые в конечном счете вышли из-под его контроля и привели к утрате власти. Но в первые год-полтора Михаил Сергеевич власть не терял, а приобретал, несмотря на приход в ряды советской политической элиты большого числа народных депутатов из «низов». Политическая реформа существенно снижала роль старой советской партократии и увеличивала личную роль Горбачева. После выборов 1989 года он сохранил пост генерального секретаря, но одновременно с этим стал председателем Верховного Совета СССР, то есть получил легитимность уже не от партократии, а от реальных народных избранников. В начале 1990 года Горбачев сосредоточил в своих руках максимум власти, заняв пост президента СССР, никогда ранее не существовавший (фактически созданный специально под него).

Надо понимать, что человек, занимавший пост генерального секретаря ЦК КПСС, имел в постсталинский период существенно меньше личной власти, чем русские цари до революции или президенты России сейчас. Генсек был лишь первым среди равных в коллегиальном руководстве, которое осуществляло политбюро ЦК КПСС. Случай Никиты Хрущева, свергнутого с поста партийного лидера по решению Центрального комитета, показывает, что, если мнение вождя по какому-то важному

вопросу расходилось с мнением большинства его соратников, существовала угроза внутрипартийного переворота. Таким образом, Горбачев, затевавший большие преобразования, все время должен был считаться с мнением своих соратников, и, если большинство из них было настроено консервативно, генсек не мог продвигать вперед реформы по тому сценарию, который ему виделся наиболее приемлемым. Призрак отправленного в отставку Хрущева наверняка стоял тогда перед его глазами.

Когда Горбачев стал одновременно партийным лидером и парламентским, он оказался относительно независим как от ЦК КПСС, так и от народных депутатов. Горбачев тогда еще был очень популярным лидером, и непопулярные партократы опасались, что он встанет на сторону «народа», бросив КПСС на произвол судьбы или даже объявив ее партией противников перестройки. В то же время народные депутаты опасались, что без поддержки генсека они утратят свое еще очень шаткое положение во власти. Ведь консерваторы по-прежнему руководили силовыми органами, что проявилось, кстати, во время путча августа 1991 года.

Таким образом, Горбачев, успешно сидевший на двух стульях (генсека и президента), мог какое-то время манипулировать и партократами, и депутатами. В конечном счете он проиграл, поскольку ближайшие соратники в августе 1991-го отстранили его от власти, но в 1990 году позиции Михаила Сергеевича еще были довольно сильны. И характерно, что практически сразу же, заняв президентский пост, он предпринял действия по дальнейшему углублению реформ, переводя их из разряда «совершенствование социализма» в разряд «построение рыночной экономики». Думается, это свидетельствовало о том, что за несколько лет пребывания у власти Горбачев сумел понять недостаточность преобразований, которые были начаты

в 1987–1988 годах, но основная масса высокопоставленных партийных лидеров была при этом по-прежнему настроена весьма консервативно. Эти партаппаратчики не решались ломать фундаментальные принципы функционирования старой советской хозяйственной системы. Или, по крайней мере, опасались трудностей, которые сопровождали бы переход экономики из одного состояния в другое.

Для принятия решений об углублении преобразований Горбачев еще весной 1990 года распорядился готовить правительственный проект перехода к рынку. При этом многие народные депутаты уже не доверяли союзному правительству, дискредитировавшему себя неудачной экономической реформой конца 1980-х. Поэтому позднее, после республиканских выборов, когда Борис Ельцин возглавил Верховный Совет России, была сформирована совместная союзно-республиканская рабочая группа по подготовке проекта (альтернативного правительственному) перехода к рынку. В нее входил ряд авторитетных ученых старшего поколения, но наиболее важным членом этой группы и фактическим ее лидером оказался молодой экономист Григорий Явлинский (впоследствии ставший известным как создатель партии «Яблоко»). Разработанная под руководством Явлинского программа получила название «500 дней» и стала благодаря своему радикализму на некоторое время символом реформаторского движения в Советском Союзе.

Нет сомнения в том, что Горбачев понимал незавершенность экономических реформ и готовился к рыночным преобразованиям. В начале 1990 года он существенно улучшил качество своих экономических знаний. В самых общих чертах и правительственная программа реформ, и «500 дней» исходили из необходимости перехода к рынку, а не совершенствования социализма с его административной хозяйственной системой.

Как Горбачеву, так и Ельцину подобный подход импонировал. Но правительственная программа скорее декларировала этот переход, чем реально его обеспечивала. Предполагалось, что в течение сравнительно долгого времени страна будет готовиться к преобразованиям (в частности, устраняя «денежный навес» путем осуществления финансовой стабилизации) и начнет их лишь тогда, когда реформы можно будет провести без особого ущерба для населения. Программа «500 дней» на подготовку к преобразованиям выделяла лишь первые 100 дней и указывала все конкретные сроки реформаторских действий так, чтобы преобразования нельзя было ни заболтать, ни бесконечно откладывать на потом в ожидании благоприятного момента. Думается, что программа «500 дней» в этом смысле отличалась большим реализмом, хотя, конечно, задачи подготовительных 100 дней выглядели почти фантастическими. Подготовить рыночные реформы так, чтобы они прошли безболезненно, было практически невозможно по причинам, о которых говорилось выше. Поэтому реалистичная программа преобразований должна была сосредоточиваться не столько на подготовке безболезненного перехода, сколько на конкретных реформаторских действиях, осуществляемых быстро и энергично. В этом смысле «500 дней» обещала, что при любых удачах и неудачах подготовительного периода реформы будут проведены примерно за полтора года, тогда как от правительственной программы конкретики уже мало кто ожидал.

В конечном счете Горбачев не пошел ни по пути реализации правительственной программы, ни по пути реализации стратегии «500 дней». По-видимому, он испугался последствий «шокотерапии» (хотя этот термин тогда еще не использовался), поскольку начало любых серьезных реформ было чревато шоком для населения страны. Был «принят к реализации»

совершенно декларативный текст, обещавший в перспективе построение настоящей рыночной экономики, но не указывавший конкретных сроков проведения преобразований. Явлинский в ответ на это ушел в отставку с занимаемого им поста вице-премьера правительства России, Рыжков принудительно был отправлен в отставку с поста главы союзного правительства. Вплоть до августовского путча 1991 года Горбачев продолжал политическое маневрирование, видимо предполагая, что ему удастся укрепить свои позиции так, чтобы можно было предпринять действия шокового характера. В новых условиях он хотел опереться уже не столько на народных депутатов, сколько на республиканские политические элиты, полностью переформатировав СССР.

Укрепить политические позиции Горбачеву, однако, не удалось. Почти все высшее союзное руководство сплотилось против него, сочтя, по всей видимости, что именно Горбачев со своим маневрированием вносит хаос в систему управления страной. Во всяком случае Валентин Павлов, сменивший Рыжкова на посту главы союзного правительства, входя в августе 1991 года в состав путчистов, явно рассчитывал на укрепление властной вертикали ради проведения реформ, которым суматошная активность Горбачева препятствовала.

Таким образом, мы видим, что практически все перестроечные годы прошли в активных поисках возможностей осуществления экономической реформы. Сначала, ничего, по сути, не меняя, — в попытках добиться успеха. Затем, не меняя сути социалистической системы и не затрагивая интересов широких слоев населения, — в попытках радикально изменить систему управления экономикой. И наконец, когда стало ясно, что социалистическая система сформировала такую экономику, из которой безболезненно не выберешься, — в попытках найти

подходящую политическую модель для осуществления радикальных рыночных преобразований.

Почему же доставшаяся в наследство Горбачеву экономика оказалась такой косной, неэффективной и не поддающейся преобразованиям? Почему она создавала проблемы при каждой попытке ее реформировать? Почему Горбачев вместо того, чтобы разгрести хозяйственные завалы, оставшиеся ему от предшественников, воздвиг новые завалы на пути реформ, оставив своим преемникам (Ельцину и Гайдару) огромный «денежный навес»? Было ли это все случайностью? Или в возникновении проблем советской экономики имелась своя логика?

Для ответа на эти вопросы нам придется отправиться еще дальше вглубь того исторического колодца, в который мы забираемся. Причем не в брежневские времена, когда сформировался Горбачев как политический деятель, и даже не в хрущевские, про которые принято сейчас говорить много плохого из-за волюнтаризма тогдашнего политического лидера, а во времена более далекие — сталинские, когда сформировалась экономика, которую Хрущев и Брежнев, по сути, лишь укрепляли. С того поворота исторического пути нашей страны, который произошел при Сталине, не удавалось вывернуть вплоть до 1980-х годов.

Не будем рассматривать так называемую косыгинскую реформу середины 1960-х, которая имеет в целом неплохую репутацию среди историков и экономистов. Эта реформа, несмотря на благие намерения главы советского правительства Алексея Косыгина, представляла собой попытку осуществления преобразований и ничего толком не преобразовала. Тем более нет смысла копаться в сумбурных структурных трансформациях, осуществленных Никитой Хрущевым. Оставим Хрущева историкам оттепели. А мы двинемся прямо

в трагическую эпоху Октябрьской революции и выросшего из нее сталинизма.

Альтернатива вторая. Перестраивание перестройки

Перестройка не была predetermined комплексом обстоятельств, сложившихся в середине 1980-х годов. Конечно, рано или поздно советские элиты должны были начать поиск приемлемой модели своего существования, но если бы этот поиск не начал Горбачев, то, возможно, лет через тридцать — тридцать пять после его избрания генсеком народ все так же славил бы, стоя в длинных, унылых очередях, «мудрую миролюбивую политику нашего дорогого Михаила Сергеевича», как славил перед этим «мудрую миролюбивую политику нашего дорогого Леонида Ильича».

Скорее всего, очереди за это время удлинились бы, а структурные перекосы в экономике сильно увеличились. Нараставшая в предперестроечные времена гонка вооружений с Америкой еще сильнее подрывала возможности развития гражданского сектора народного хозяйства. А уменьшение нефтегазовых доходов в 1980–1990-х снизило бы и без того невысокий уровень жизни советских людей. Но мы понимаем сегодня, что революции не происходят от низкого уровня жизни, что для социального взрыва должен сложиться целый комплекс обстоятельств и что правящие элиты при наличии эффективного репрессивного аппарата могут долго отказываться от поиска эффективного аппарата экономического. Более того, мы понимаем сегодня, что даже ослабевшая ядерная держава может продолжать жить рядом со значительно более успешными странами и те не станут

предпринимать открытой агрессии, поскольку риски ее осуществления слишком велики. В общем, Советский Союз способен был еще долго длить свое существование без всяких попыток изменения экономической или политической системы. Снижение цен на нефть и повышение американских расходов на ведение каких-нибудь «звездных войн» всерьез повышали вероятность того, что советское руководство востепенится и начнет искать новые пути, но вовсе не предопределяли такие радикальные перемены, какие осуществил Горбачев.

Перемены эти во многом вытекали из мировоззренческих особенностей поколения шестидесятников, сменивших у руля брежневское военное поколение. Шестидесятники не были реформаторами по определению и вполне могли бы сохранять старую систему, но они не вполне понимали, зачем она существует в таком диковатом виде. Ради чего надо затягивать пояса, если мы не строим коммунизм, не собираемся воевать со всем миром ради мировой революции и не чувствуем угрозы со стороны соседей, радостно согласившихся на мирное сосуществование? Как отмечал мудрый поэт-шестидесятник Булат Окуджава,

*Вселенский опыт говорит,
Что погибают царства
Не оттого, что труден быт
Или страшны мытарства.
А погибают оттого
(И тем больней, чем дольше),
Что люди царства своего
Не уважают больше.*

Шестидесятники плохо понимали, за что следует уважать свое советское «царство» в его текущем состоянии. Но они готовы были уважать Советский Союз, если бы его удалось привести в порядок в соответствии то ли со старыми ленинскими нормами, то ли с новыми гуманистическими ценностями, распространявшимися по всему миру в XX столетии. Таким образом, вероятность того, что шестидесятник у власти начнет поиск лучшей жизни, была велика. Хотя, окажись этот шестидесятник менее умным, образованным и энергичным человеком, чем Горбачев, советский народ мог бы еще долго ждать какой-нибудь перестройки.

Как мы видели, четкого плана у горбачевской перестройки не было. Стремясь к прогрессивным переменам, Горбачев мог зарулить в одну сторону, а мог — в другую. Это зависело уже не от тех установок, с которыми он начинал свое правление, а от целого комплекса обстоятельств: от настроения его соратников, от политической борьбы в верхах, от результатов предшествующего этапа правления и неудач уже осуществленных реформ, от международной обстановки, от того, как пробуждались народные массы в СССР и кто брал на себя руководство этим пробуждением. Деятельность Горбачева по мере осложнения ситуации все больше превращалась в политическое маневрирование, а не в конструктивную работу по совершенствованию социализма. И на каждом этапе этого маневрирования существовало множество развилок, способных завести страну в одну или другую сторону.

Экономические реформы можно было заморозить, как косыгинские, а не углублять, разрабатывая рыночные проекты преобразований. Консерваторы могли, воспользовавшись каким-нибудь случаем, снять с должности генсека Горбачева, как в свое время сняли Хрущева, а не уходить поодиночке с ключевых политических постов под давлением

маневрировавшего Михаила Сергеевича. Августовский путч 1991 года мог вообще не состояться, если бы не активность главы КГБ Владимира Крючкова, а мог завершиться победой путчистов, если бы не миролюбивая позиция министра обороны Дмитрия Язова, отказавшегося устраивать кровавую баню в центре Москвы. Наконец, Советский Союз мог не развалиться по итогам поражения путчистов, а сохраниться в той или иной форме. В общем, возможных вариантов развития событий было чрезвычайно много, и наш нынешний исторический путь стал следствием как давления объективных обстоятельств, так и сочетания множества случайностей.

Миф второй. О всесильной идеологии

Чем дальше уходит в прошлое советская эпоха и чем активнее идеологизируется сегодняшняя жизнь, тем больше разрастается миф о всесильной коммунистической идеологии и о том, как пленила она людей, попавших под ее воздействие в предперестроечные годы. Однако на самом деле идеология тогда была слабой, деградирующей, и под ее воздействие попадали обычно лишь самые отсталые слои населения. Нам трудно будет объяснить общественный подъем эпохи перестройки и тот искренний отклик, который находила у миллионов людей идеология перестроечная, если мы сочтем, будто все советские граждане были жестко индоктринированы коммунистическими догмами. Предпринимаемые иногда попытки увидеть преемственность между идеологией 1970-х и современными лозунгами сильно упрощают историю. Они сбрасывают с нашего исторического пути вторую половину 1980-х, а также эпоху 1990-х, когда мы искали принципиально новые идеологические опоры, поскольку старые оказались ненадежны.

Советская идеология возвеличивала созданное Лениным революционное движение и формировала символику (революционные памятники, красные пионерские галстуки, значки с портретом вождя, разнообразные сказания об Ильиче, демонстрации 1 мая и 7 ноября), которая должна была помогать людям идентифицироваться с Красным Октябрем. В современной российской идеологии Октябрь вместе со всей

революционной символикой сдан в утиль, а революционность считается признаком опасного вольнодумства. Главными героями становятся цари (Петр I, Екатерина II, Николай II) или революционеры, ставшие «царями» (Сталин).

Советская идеология была антикапиталистической и Запад критиковала как оплот буржуазного образа жизни, тогда как мировой пролетариат считался прогрессивным. Сегодня у нас построен капитализм. Образцами для подражания становятся люди, заработавшие много денег и продвинувшиеся по карьерной лестнице, тогда как разрушителей уютного буржуазного мира подвергают наказаниям. Противостояние с Западом основано не на классовом подходе, а на национальном. Недружественная нам часть мира критикуется не за установившийся там социальный строй, а именно за недружественное по отношению к Российскому государству поведение.

Советский режим являлся атеистическим. Действующих храмов оставалось мало, недействующие были откровенно изгажены. Про старорусских святых знали лишь те, кто специально разыскивал информацию в книгах. В школах могли сказать что-то позитивное даже про царей и полководцев прошлого, но не про церковных деятелей и духовных подвижников. Сегодня у нас ситуация прямо противоположная. За оскорбление чувств верующих наказывают, за оскорбление атеистических чувств — нет. Руководители страны демонстративно религиозны, даже если в советское время формально придерживались атеистических норм ради карьерных целей.

Нынешнюю идеологию можно принять за своеобразную «реинкарнацию» советского духа, только если все идеологизированные общества сваливать в одну кучу и противопоставлять свободному миру, якобы вообще

неидеологизированному. На самом деле старая советская идеология почилла в бозе, а через какое-то время родилась идеология новая, которая в чем-то на старую, естественно, похожа (как похожи друг на друга любые идеологии, ставящие своей задачей формировать скрепы, сплачивающие разнородные человеческие массы ради поставленных вождями целей), но во многом непохожа.

Почему же советская идеология умерла, хотя обладала ресурсами, позволявшими ставить памятники, вести пропаганду в СМИ и учебных заведениях, контролировать всякое проявление свободной мысли? Дело в том, что большие ресурсы позволяют проникнуть в умы людей, но не в сердца. Человек понимает, как надо себя вести, и становится конформистом, предпочитающим не нарушать установленных норм, говорить лишь дозволенное, но пропускать при этом мимо ушей все, что утверждает пропаганда. Идеология, хорошо работавшая в эпоху веры в построение коммунизма, перестала быть эффективной, когда вера эта умерла, но в сердцах людей постепенно формировалась вера иного рода. Кто-то стремился верить в Бога, кто-то — в гуманистические ценности, а кто-то сочетал возрождение традиционной религиозности с заимствованием идей, характерных для свободного мира. Даже сами коммунистические пропагандисты, как правило, уже не верили в то, что должны были проповедовать, но делали положенное, поскольку были конформистами.

Советский опыт показывает нам, что если все как один клянутся в верности вождям и той идеологии, которую они считают правильной, то не стоит делать вывод, будто общество целиком индоктринировано. Со сменой политических условий чрезвычайно быстро может измениться ментальность. Люди будут преследовать цели, соответствующие их рациональным интересам. Но при этом какой-то части общества (возможно,

очень большой) понадобятся мифы. Мифологизация позволяет тешить то иррациональное, что в нас сидит. Человек хочет не только гнаться за выгодным лично ему, но и чувствовать себя частью сообщества, ставящего великие цели. Ради этих целей он готов «покупать» идеологию. Но лишь ту, которая ему реально подходит. Просроченный, дурно пахнущий и небрежно упакованный товар он будет брать лишь в том случае, если ему его навязывают.

Глава третья. О том, как Владимир Ильич подкузьмил Иосифа Виссарионовича

Рассказ о том, почему сталинская индустриализация создала серьезные проблемы для горбачевской перестройки и ельцинских реформ, следует начать не с государственной деятельности Иосифа Виссарионовича, а с антигосударственной деятельности Владимира Ильича. Проще говоря, с того, как Ленин организовал русскую революцию в октябре 1917 года.

Впрочем, если бы это была только русская революция, она не имела бы столь больших и печальных последствий. Февральская революция 1917 года представляла собой чисто отечественное явление. И если бы все на ней завершилось, перемены свелись бы, по-видимому, лишь к трансформации монархии в республику. Революция октябрьская была не простой, а мировой. Точнее, она должна была стать мировой, согласно идеологии совершивших ее революционеров. И октябрьские события в Петрограде представляли собой, по мнению большевиков, лишь начальный этап длинной революционной цепочки событий, которая должна была привести к установлению власти трудящихся по всему миру или хотя бы в ведущих капиталистических государствах Европы с мощным и сильным пролетариатом.

Не простая, а мировая

Для того чтобы понять суть происходивших в России событий, нужно хотя бы кратко рассмотреть суть теории, которой руководствовались большевики в октябре 1917-го. Из основных положений марксизма следует, что капиталистический мир должен быть уничтожен пролетарской революцией. Утвердившаяся в марксистском учении теория диалектики производительных сил и производственных отношений предполагала, что развитие капиталистической экономики на определенном этапе вступает в непримиримое противоречие с буржуазным государством и с самой системой буржуазной эксплуатации человека человеком. Согласно этой теории, в рабочем классе постепенно растет понимание того, что капиталист присваивает часть продукта, созданного трудящимися, и это является вопиющей несправедливостью. По мере роста своего классового сознания рабочие все больше стремятся к тому, чтобы коренным образом изменить ситуацию. Для этого пролетариат осуществляет революцию, в результате которой ликвидируется система частнособственнического предпринимательства. Капиталист исчезает, а весь произведенный рабочими продукт поступает в распоряжение общества.

Согласно марксистской теории, подобная революция может произойти не в любой момент и не в любой стране, а только там и тогда, где и когда рабочий класс достаточно силен и сознателен. А это означает, что революция возможна лишь в развитых странах с высокой степенью индустриализации и урбанизации, где численность крестьянства резко

сократилась, а численность рабочего класса возросла, где появились многонаселенные мегаполисы, в которых и разразятся революционные бои. Более того, поскольку (как показал опыт некоторых революций прошлого) терпящий поражение режим может получить поддержку со стороны соседних капиталистических стран, необходимо международное объединение сил рабочих, восставших против буржуазии. Революция может победить лишь в том случае, если она произойдет одновременно в ряде высокоразвитых государств, а следовательно, буржуазия одних стран, поглощенная собственными заботами, не сможет оказать помощь буржуазии других стран. В качестве практического вывода из марксистской теории возник тезис о необходимости мировой революции. Хотя на практике, конечно, предполагалось, что для революционной победы рабочего класса достаточно достижения одновременного успеха не по всему свету, а лишь в нескольких ключевых европейских государствах.

Итак, согласно ортодоксальному марксизму, социалистическая революция в России никак не могла победить. Во-первых, потому, что наша страна была преимущественно крестьянской, с не слишком развитыми городами и с малой численностью рабочего класса. А во-вторых, потому, что победа революции в одной стране в принципе исключена. Однако Владимир Ленин и Лев Троцкий сильно трансформировали марксистскую теорию. Они повернули ее так, чтобы обосновать возможность осуществления радикальных преобразований именно в России. Согласно этой реформированной теории, социалистическая революция начинается не обязательно там, где высокоразвитые производительные силы вступают в противоречие с отсталыми (капиталистическими) производственными отношениями, а там, где в силу определенных частных причин возникла

революционная ситуация. Там, где комплекс противоречий, разрывающих страну на части, обострился сильнее обычного, где низы, как отмечал Ленин, уже не хотят жить по-старому, а верхи не могут ими по-старому управлять. Именно такой страной большевики считали Россию.

Корректировки, внесенные Лениным и Троцким в марксизм, были столь радикальны, что фактически ничего не оставляли от теории как таковой. Однако надо признать, что именно Ленин с Троцким, а не старые теоретики марксизма лучше понимали, как на практике разрушаются режимы. То есть какое значение для революции имеет комплекс накопившихся в обществе противоречий, в том числе тех, которые не имеют непосредственного отношения к классовой борьбе рабочих с буржуазией (в частности, противоречий межэтнических, межрегиональных, межпоколенческих). Русская революция подтвердила правоту Ленина и Троцкого. Падение старого режима произошло там, где сплелись десятки неразрешимых проблем, а вовсе не там, где производительные силы достигли самого высокого уровня развития.

При этом партия Ленина была марксистской, а влияние марксизма на умы многих российских интеллектуалов (не только большевиков) — чрезвычайно сильным. Любые корректировки, вносимые в теорию, должны были каким-то образом состыковываться с ее основами. Поэтому наши вожди не отказались от концепции мировой революции, а лишь сформулировали так называемую концепцию «слабого звена». Она утверждала, что революция поначалу должна совершиться в стране, являющейся наиболее слабым звеном в большой цепи капиталистических (империалистических) государств, но затем обязательно распространиться повсюду, где производительные силы переросли буржуазные производственные отношения. Россия в представлении Ленина и Троцкого была как раз таким

слабым звеном. Но для того чтобы социалистическая революция победила, процесс, начавшийся в России, должен был получить развитие в других европейских государствах. На практике это означало, что революция из нашей страны должна быть перенесена как минимум в Германию — страну высокоразвитую, урбанизированную, промышленную, обладающую многочисленным сильным пролетариатом и при этом территориально расположенную сравнительно неподалеку (в отличие, скажем, от Англии).

Четко и лаконично эта идея выражена в работе Троцкого «Перманентная революция», где он отметил, что сохранение достижений пролетарской революции в национальных рамках может быть лишь временным режимом, хотя бы и длительным, как показывает опыт Советского Союза. Однако, по мнению Троцкого, при изолированной пролетарской диктатуре противоречия, внешние и внутренние, растут неизбежно вместе с успехами. Оставаясь и далее изолированным, пролетарское государство в конце концов должно пасть жертвой этих противоречий. Поэтому выход для него состоит только в победе пролетариата передовых стран.

Таким образом, специфической особенностью русской революции была не особая разрушительность, особая жестокость или особая непримиримость сторон. Разного рода революционных ужасов хватало в истории многих стран мира — Англии, Франции, Испании, Мексики, Китая... Специфической особенностью нашей истории после победы большевиков стало формирование в новых коммунистических элитах представления о том, что революция не может остановиться, что она должна стать перманентной, что мы находимся лишь на первой ее стадии и должны обязательно готовиться к продолжению. Причем продолжения этого нельзя избежать, поскольку оно предопределено историческими законами,

открытыми Марксом, Энгельсом и Лениным. Именно с этих позиций следует взглянуть на экономическое развитие СССР и на то, какую экономику пришлось реформировать в 1980–1990-е годы.

Обычная, «нормальная», если можно так сказать, революция рано или поздно кончается (как показывал богатый европейский опыт), а революционные власти трансформируются, «бронзовеют» и начинают стремиться не к мифическим идеалам, а к конкретным земным благам. Это понимали многие русские люди в начале 1920-х. Соответственно, частью отечественной интеллектуальной элиты последствия русской революции не воспринимались трагически. Так, авторы эмигрантского сборника «Смена вех», вышедшего в июле 1921 года, полагали, что победившие в России большевики могут рано или поздно стать «нормальными» прагматичными правителями. Сменовеховство было естественной, рациональной реакцией образованных людей на свершившиеся события. Исторический опыт революций показывал, что это, бесспорно, ужас, но отнюдь не ужас без конца.

Сменовеховец Юрий Ключников считал, что после Ленина не будет других радикалов в большевистском руководстве. Отныне надолго или навсегда, полагал он, покончено со всяким революционным экстремизмом. За отсутствием почвы для него. За ненужностью. По мнению Ключникова, к началу 1920-х фактически завершился длинейший революционный период русской истории. В дальнейшем должен был открыться период быстрого и мощного эволюционного прогресса.

Вывод Ключникова разделяли многие современники. Он представлялся вполне логичным, причем другие сменовеховцы подтверждали его сравнением российской жизни с Великой французской революцией, которая трансформировалась от

ужасов якобинского террора к прагматизму Термидора, Директории и наполеоновского правления. Николай Устрялов приводил мнение Наполеона, считавшего Робеспьера способным изменить весь свой образ действий в случае, если бы ему удалось удержать власть. В свете подобного подхода Ленин представлялся сменовеховцам эдаким переродившимся Робеспьером. К мысли о том, что конец революции налицо, вела, в частности, ленинская новая экономическая политика (НЭП), принятая на партийном съезде за четыре месяца до выхода в свет «Смены вех». Согласно стратегии НЭПа, большевики отходили от коммунистических методов в экономике, заменяли продразверстку продналогом и допускали в ограниченных масштабах свободное предпринимательство. Это, по мнению Устрялова, означало, что советская власть, повинувшись голосу жизни, решилась на радикальный тактический поворот, отказавшись от правоверных коммунистических позиций.

Увы, сменовеховские интеллектуалы не принимали во внимание того, что для коммунистических интеллектуалов революция отнюдь не завершилась. Революция, конечно, — это не ужас без конца, однако конец еще очень далек, и ради того, чтобы к нему прийти, следует совершить немало разного рода ужасов. Одним из важнейших элементов политики большевиков после прихода к власти было стремление стимулировать развитие революции в Германии, а по возможности и в других странах — Чехословакии, Венгрии, Румынии, даже в Италии, не говоря уж о Польше. Этим, в частности, определялось движение войск Михаила Тухачевского на Польшу в 1920 году. Красноармейцы стремились на штыках нести счастье всему человечеству, раздувая пожар мировой революции. Добейся тогда Тухачевский успеха, пройди он со своими войсками от Вислы до Одера, германских рабочих можно было бы поддержать непосредственно красноармейскими штыками. Однако штыки эти не смогли довести советскую власть даже до Вислы. Поляки, разгромившие Тухачевского и свершившие так называемое «чудо на Висле», предотвратили непосредственное слияние российских и германских революционных сил.

Тем не менее в дальнейшем советские власти пытались решить те же задачи иными методами. С одной стороны, им пришлось признать, что какое-то время СССР неизбежно будет существовать в одиночку, находясь во враждебном окружении. В связи с этим возникла теория построения социализма в отдельно взятой стране. Но, с другой стороны, проблема выживания одинокой социалистической страны во враждебном окружении не снималась с повестки дня. Страх империалистической агрессии оставался. Мирная передышка рассматривалась лишь с точки зрения подготовки к новой войне, которая неизбежно должна была наступить. А потому деятельность Коминтерна была призвана способствовать усилению революционных сил в различных государствах мира. А СССР как единственная опора этих сил готов был использовать свои внутренние ресурсы для того, чтобы зарубежные коммунисты получили возможность совершать социалистические революции.

С наших сегодняшних прагматичных позиций подобная растрата ресурсов в бедной стране, едва преодолевшей ужасы Гражданской войны и гиперинфляции, видится чуть ли не безумием. Или, во всяком случае, действием иррациональным, противоречащим здравому смыслу. Но для советской элиты, опиравшейся на марксизм, деятельность Коминтерна представлялась чрезвычайно важной, поскольку без нее невозможно было довести до конца главное дело их жизни. Собственно говоря, без этого невозможно было, как тогда представлялось, даже выжить во враждебном окружении. Правовверные коммунисты бредили мировой революцией и готовы были принять в ней самое активное участие.

Если довести до логического конца представления о перманентной революции, то надо признать неизбежным стремление западных империалистов задавить силой молодую

Советскую республику. В ортодоксальном марксистском сознании того времени господствовало представление, что борьба мира капитала с миром труда идет не на жизнь, а на смерть. Поскольку восстание рабочего класса развитых стран, по Марксу, объективно обусловлено развитием производительных сил и поскольку Советская Россия, по Ленину, является своеобразной базой, обеспечивающей это восстание, империализм в целях самосохранения должен рано или поздно осуществить интервенцию против молодой социалистической республики. Хорошо подкованные теоретически марксисты полагали, что капиталисты стран Запада не дураки, чтобы сидеть и ждать, пока мускулистая рука пролетариата поднимется по всему миру и ярмо деспотизма разлетится в прах.

На самом деле политические лидеры европейских капиталистических стран не обязаны были думать о будущем человечества именно в марксистских категориях. И, соответственно, не обязаны были так уж страшиться перманентной революции. Им в тот момент хватало собственных проблем. В частности, они были озабочены повышением эффективности экономики, которая после мировой войны толком не хотела приходить в порядок. Однако для понимания курса, который взяли на вооружение в СССР, важно не то, что думали западные лидеры, а то, как складывалось представление о мотивах их деятельности в головах лидеров советских. Эти головы не могли допустить представления о долговременном мирном сосуществовании двух социальных систем. Подобное представление утвердилось лишь в брежневскую эпоху, когда практически перевелись искренне верующие марксисты. А до тех пор пока таковые доминировали в советской элите, господствовало представление: либо мы их, либо они нас. Война должна была

обязательно начаться в обозримой перспективе, поскольку отсутствие войны противоречило марксистско-ленинской теории. Истинность этой теории коммунистической элитой не оспаривалась. Она верила во враждебное окружение сама и соответствующим образом выстраивала систему пропаганды и агитации. Многие советские граждане видели себя в то время защитниками осажденной крепости, обложенной со всех сторон врагами, желающими их раздавить. Стране требовалось превратиться в огромный военный лагерь. Это был не вопрос выбора стратегии, но, как представлялось тогда значительной части советской элиты, вопрос элементарного выживания в капиталистическом окружении. Либо ты спровоцируешь мировую революцию, либо подвергнешься интервенции.

«Гремя огнем, сверкая блеском стали...»

Поскольку Советская страна ощущала себя державой, противостоящей всему миру капитала и вынужденной готовиться к обороне от агрессии империалистов, Сталин стал осуществлять широкомасштабную индустриализацию. Суть сталинской индустриализации состояла вовсе не в том, чтобы создать промышленность в аграрной стране. Нормальная индустриализация в царской России уже давно осуществлялась и особенно активно шла в последние четверть века перед революцией благодаря Великим реформам Александра II (особенно — отмене крепостного права), финансовой реформе Сергея Витте и аграрной реформе Петра Столыпина. Сталин продолжил начатый до него процесс, но особый акцент сделал на милитаризации страны, и это имело долгосрочные печальные последствия.

Дело в том, что стандартная индустриализация основывается на спросе населения и создает тяжелую промышленность лишь в той мере, в какой отрасли, работающие на потребительский рынок, предъявляют спрос на машины и оборудование.

Базой для классической индустриализации, происходившей в Англии XVIII века, стало создание хлопчатобумажной промышленности. Новые, удобные, практичные и сравнительно недорогие ткани пользовались спросом у населения и активно экспортировались за рубеж (в том числе в английские колонии). Для того чтобы развивать хлопчатобумажную промышленность, бизнес стал предъявлять спрос, с одной стороны, на оборудование, а с другой — на топливо. Импульс к развитию получили машиностроение и металлургия, угольная промышленность и транспорт. Сначала по всей Англии рыли каналы для транспортировки промышленных грузов, а в XIX веке их

постепенно стали заменять железные дороги, которые использовались и для грузовых, и для пассажирских перевозок. Ну и, конечно, развивался океанский флот, который был необходим как для импорта хлопка из Америки, так и для экспорта хлопчатобумажных тканей в Индию. Таким образом, мы видим, что потребительский спрос в Англии создавал импульс для развития рынка, а каждая новая отрасль экономики, активизировавшаяся благодаря спросу на ее продукцию, в свою очередь порождала спрос на какие-то иные товары и давала тем самым импульс дальнейшему развитию экономики. Страна богатела, и заработанное в рыночных условиях богатство стало частично использоваться для развития военной индустрии, укрепления армии и поддержки английских союзников на континенте. Такова примерно (в упрощенном виде) модель стандартной индустриализации.

Сталинская индустриализация основывалась на спросе, который формировало государство: в первую очередь — на создание предприятий военно-промышленного комплекса, а во вторую — на создание предприятий тех отраслей, которые так или иначе обслуживают ВПК. В целом вся хозяйственная работа ориентировалась на будущую войну: «Гремя огнем, сверкая блеском стали, пойдут машины в яростный поход, когда нас в бой пошлет товарищ Сталин, и первый маршал в бой нас поведет», — пелось в известной песне. Отрасли экономики, которые ориентированы на массовый потребительский спрос, в 1930-е годы почти не развивались в сравнении с отраслями, производившими различные виды вооружения, машины, оборудование, а также сырье и материалы для них. Советские люди плохо питались, а порой даже голодали ради укрепления обороноспособности страны. Советские люди жили в бараках и старых перенаселенных коммуналках ради строительства оборонного комплекса. Советские люди не имели личных легковых автомобилей ради того, чтобы мощные грузовые автомобили в достаточном числе производились для армии. Советские люди носили скромную одежду, производимую отечественной легкой промышленностью, главной задачей

которой оставалось изготовление военного обмундирования для миллионов солдат и командиров. В общем, советская индустриализация представляла собой не отклик экономики на спрос со стороны населения, а элемент непримиримой борьбы мира труда с миром капитала, которой были подчинены все имевшиеся ресурсы.

Усугубила ситуацию специфика межвоенной эпохи. Первая мировая показала, что война принципиально изменилась. Она стала более механизированной и дорогостоящей. Поэтому подготовка к новому противостоянию со странами Запада должна была включать создание принципиально новых для ВПК отраслей — в частности, танкостроения и самолетостроения. Поскольку война может оказаться чрезвычайно длительной и напряженной, поскольку она может на протяжении длительного времени ежедневно перемалывать массу современного оружия в металлолом, милитаризация промышленности должна быть столь масштабной, чтобы постоянно возобновлять утраченные в боях запасы вооружений. Для формирования ВПК, способного снабжать оружием армию для такой войны, нужны особо крупные государственные инвестиции. Неудивительно, что сталинизм, собиравший средства для этих инвестиций, практически выпотрошил советское крестьянство, доведя до голода миллионы людей в разных частях страны.

По всей стране строились предприятия, способные выпускать военную продукцию. Порой они имели двойное назначение. Советские школьники 1970-х годов, изучая советскую индустриализацию, обнаруживали, например, как много тракторных заводов строилось в то время. Тракторы для сельского хозяйства действительно создавались. Но в то же время это были предприятия, способные выпускать танки, —

фактически предприятия ВПК, «замаскированные» под сельхозмашиностроение.

Важной особенностью милитаризации XX века было то, что, начавшись однажды, она уже не могла остановиться, если, конечно, милитаризирующаяся страна не отказывалась от своих геополитических амбиций. Вооружение постоянно требовалось обновлять. После Великой Отечественной пришлось создавать ракетостроение и производство атомного оружия. Постоянно совершенствовались модели самолетов. Формировался атомный военный флот, способный решать боевые задачи в любой точке Мирового океана. Вплоть до перестройки различные отрасли советской промышленности, работавшие для военных целей, потребляли огромные ресурсы и создавали все новые рабочие места для трудящихся. Возможно, поначалу советские индустриализаторы полагали, что со временем развитие промышленности будет все больше ориентировано на нужды людей, поскольку мир капитала погибнет и вооружений больше не понадобится. Однако мир капитала становился все крепче благодаря возможностям, создаваемым рыночной экономикой, и СССР перенапрягался в гонке вооружений, откладывая на потом удовлетворение потребностей всего многомиллионного населения.

Обычно мы рассматриваем проблемы обороноспособности и экономики отдельно друг от друга. В рассуждениях об укреплении военной мощи Советского Союза принято демонстрировать гордость за державу. В рассуждениях об эффективной экономике принято забывать о том, что ее значительная часть создавалась не для эффективности, а для гордости. Но сейчас нам придется рассматривать эти проблемы вместе, поскольку лишь так можно понять, какие проблемы встали перед реформаторами в тот момент, когда народ захотел

гордиться не только военной мощью страны, но еще и возможностью приобретать продукты без очереди.

Не только масштабы ВПК, но и его география создавали серьезные проблемы. Немереные просторы России позволяли располагать новые секретные производства в самых отдаленных районах страны — в Сибири и на Крайнем Севере. С точки зрения обороноспособности это было вполне разумно. Предприятия оказывались вдали от вероятной линии фронта новой войны и не могли быть захвачены противником, как это произошло со многими советскими предприятиями во время Второй мировой. Их тогда пришлось спешно эвакуировать на восток и разворачивать там производство на голом месте. Теперь же предприятия сразу оказывались на севере и на востоке. К тому же в ряде случаев на предприятиях, заброшенных в малые, удаленные от цивилизации городки, легче было сохранять секретность. Однако жизнь в таких удаленных моногородах обходилась государству в копеечку, снабжение даже самыми элементарными продуктами осуществлялось издалека. Некоторые места снабжались только по морю в период, когда оно не покрыто льдом. Соответственно, возникала проблема так называемого северного завоза: если не отправить в городок продукты летом по морю, зимой придется возить самолетами и платить за них втридорога. И самое главное — закрыть такие предприятия невозможно даже в том случае, если государство захочет сократить военные расходы. Люди в отдаленных городках с промышленной моноструктурой не смогут найти иную работу: ее там просто не существует.

Если продукцию предприятия ВПК, расположенного в крупном городе, государство не захочет больше приобретать, ориентируясь на структурную перестройку экономики ради развития отраслей, которые производят продукты питания и одежду, бытовую технику и легковые автомобили, а также

создание инфраструктуры отдыха и развлечений, его работники могут найти новую работу на других предприятиях или реконструировать свое собственное. Но если размеры предприятий ВПК огромны, подобные перемены не могут пройти безболезненно даже в крупных городах. А размеры советского ВПК и впрямь были огромны.

По некоторым приблизительным оценкам, СССР на оборонные цели пускал примерно половину своего валового продукта. Не стоит слишком большое внимание уделять таким оценкам, поскольку структура производства и советская статистика не позволяли четко отделить военное производство от гражданского (возьмем хотя бы описанный выше пример тракторостроения, являющегося одновременно танкостроением). Еще труднее отделить военное от гражданского, если мы рассматриваем отрасли, обеспечивающие ВПК сырьем, топливом и материалами. Сталинская индустриализация и развитие промышленности при Хрущеве и Брежневе предполагали большие инвестиции в развитие черной и цветной металлургии, в добычу угля и те направления машиностроения, которые снабжали ВПК комплектующими. Многие предприятия этого типа вполне могли развиваться не только в условиях административной, но и в условиях рыночной экономики. Например, металлургия стала важнейшей базой для формирования в пореформенный период «олигархического бизнеса». Но угольная промышленность вошла в тяжелейший кризис, поскольку к концу XX века сильно изменилась структура потребления энергии. Шахтеры стали в пореформенный период одной из самых бедствующих категорий трудящихся, тогда как в годы индустриализации они были очень нужны промышленности, которая быстро увеличивалась и потребляла все больше топлива. Подобные же проблемы испытывали многие

работники машиностроения, связанного с ВПК: их продукция была столь специфична, что быстро приспособить свои навыки к мирной жизни они оказались не способны. И эти люди, со времен сталинской индустриализации гордившиеся тем, что куют щит родины, должны были при сокращении размеров «щита» оказаться не у дел.

В известной мере похожие проблемы возникали и на транспорте. Скажем, одной из самых масштабных строек брежневской эпохи была Байкало-Амурская магистраль (БАМ). Эта железная дорога строилась от Байкала до Амура в значительной степени ради военных целей, поскольку старая железная дорога, связывавшая европейскую часть страны с Дальним Востоком, шла близко к китайской границе, а Китай при Мао Цзэдуне стал одним из возможных военных противников Советского Союза.

Укрепление обороноспособности страны на Дальнем Востоке требовало новой системы коммуникаций, и на строительство БАМа пускались большие ресурсы. Предполагалось, что магистраль даст и экономический эффект, вовлекая в хозяйственную жизнь страны новые регионы, однако в реальной жизни все оказалось сложнее, чем на бумаге. Поэтому зона БАМа стала в конечном счете еще одним регионом, которому трудно было окупить себя в условиях рыночного хозяйства.

Административная хозяйственная система советской экономики, управлявшаяся не рыночными стимулами, а плановыми заданиями, возникла в первую очередь в связи с военными потребностями. Однако, укрепившись, она все больше стала существовать ради самой себя, а не ради потребителей. Многие «красные директора» были уверены в необходимости расширения своих предприятий. Подобная уверенность существует не только у «красных директоров», но и у многих менеджеров, работающих в условиях рынка, но там ограниченность рыночного спроса сковывает их амбиции.

Если нельзя продать больше продукции, то нельзя и расширить производство. В советской же экономике все было дефицитно, а потому расширение почти каждого производства представлялось необходимым. Если директора или министры были сильными лоббистами, они добывали у правительства средства для новых инвестиций и строили, строили, строили...

В результате возникало большое число предприятий, которые формально были нужны экономике, но из-за каких-то «мелочей» оказывались лишними. Например, трудно было спорить с необходимостью производства большого числа станков для промышленности. Станкостроение стало одной из важнейших отраслей советской экономики. Однако число станков превышало число станочников, готовых на них работать. Рабочая сила тоже была дефицитной. Таким образом, без значительной финансовой поддержки государства этой отрасли трудно было существовать. В административной хозяйственной системе потребители могли брать новые станки про запас — в надежде на то, что станочники как-нибудь найдутся. Но в рыночной системе такой подход неэффективен. Похожая ситуация сложилась и в сельскохозяйственном машиностроении. Колхозы и совхозы, получавшие финансовую поддержку от государства, готовы были закупать много тракторов и комбайнов, благо старые часто ломались из-за плохой эксплуатации (не все деревенские механизаторы заботились об их сохранности). Но если бы государство перевело сельское хозяйство на самокупаемость, значительная часть продукции сельскохозяйственного машиностроения оказалась бы лишней.

В советской хозяйственной системе сложилось множество групп, заинтересованных в безграничном расширении промышленности. Министры, расширявшие число подведомственных предприятий, обретали большее влияние. Директора, получавшие дополнительные ресурсы, имели

возможность решать с их помощью многие местные проблемы. Простые работники получали множество хорошо оплачиваемых рабочих мест, что приводило к активному переселению советских граждан из деревни в город. В хрущевские и брежневские времена вместе с расширением производств часто расширялась и социальная сфера — появлялись квартиры для трудящихся, школы и детские сады, кинотеатры, магазины с пусть ограниченным, но все же гарантированным запасом товаров.

Жизнь в городе и работа в промышленности давали больше комфорта и стабильности, чем жизнь на селе, где, как помнили многие люди, прошедшие через голод тридцатых годов и страшное военное (да и послевоенное) время, человек мог рассчитывать лишь на самого себя — на свой приусадебный участок, с которого ему приходилось кормиться.

В хрущевские и брежневские времена предпринимались попытки в плановом порядке усовершенствовать структуру экономики, то есть строить больше предприятий для производства предметов потребления, а не военной техники и всего, что с ней связано. Строились жилые дома, появлялась современная бытовая техника (телевизоры, холодильники, стиральные машины, пылесосы), разворачивалось изготовление народных легковых автомобилей, а обеспеченность населения одеждой и обувью была стопроцентной. Но в отсутствие рыночной экономики и международной конкуренции качество потребительских товаров оставалось низким.

В условиях рынка и советским швейникам, и советским автомобилестроителям (наряду с «пылесосостроителями») трудно было бы выдержать конкуренцию с импортными товарами. Поэтому их проблемы в пореформенные годы оказались, как ни странно, похожими на проблемы тех работников, чья продукция вообще оказалась рынку не нужна.

Наследство, полученное Горбачевым

Такое хозяйственное наследство получил Горбачев в 1985 году, такую систему ему надо было перестраивать в связи с провозглашением перестройки. Зависимость развития нашей страны от пройденного ею исторического пути проявилась здесь чрезвычайно ярко. Перестройка не могла начаться с чистого листа. Перестраивать приходилось здание, выстроенное для совершенно иных целей, чем те, какие провозглашала перестройка. Перестраивать приходилось сложнейшую сталинскую хозяйственную машину, ориентированную на военное противостояние всему окружающему нас капиталистическому миру и использовавшую каждого советского человека в качестве винтика, приспособленного к этой машине. За время, прошедшее со времен Сталина до времен Горбачева, сменились поколения, новые люди перестали верить как в коммунизм, так и в мировую революцию. Они захотели стать полноценными людьми в полном смысле слова, а не винтиками. Но лишь немногие из них понимали, какое наследство осталось нам в экономике от сталинских времен и какие проблемы породил долгий исторический путь страны. Все твердили заученные в школе фразы о том, что наша экономика, мол, почти сопоставима с американской, а то, что находится внутри этой экономики, плохо понимали даже учителя, профессора и авторы многочисленных учебников.

Если использовать несколько условную аналогию, можно сказать, что здание, выстроенное для производственных целей, Горбачеву

требовалось превратить в жилое помещение. Теоретически можно огромные пространства цехов нарезать на квартирki, но часть окажется без окон, тогда как другая — без дверей. Придется монтировать дополнительные лестницы, устанавливать лифты, пробивать в стенах новые проходы, перекрытиями разделять гигантские производственные пространства на этажи. А сколько хлопот потребует проведение канализации и водопровода в каждую квартирку! Для благоустройства придомовой территории надо будет снести множество складов, мастерских и всяких мелких сарайчиков, которые существуют на каждом производстве бог знает для какой цели. И еще, возможно, потребуются обеззараживание территории, если там много лет сливали токсичные производственные отходы. В общем, это тот случай, когда снести старое здание проще, чем реконструировать. И новое проще строить на полностью освобожденном от старья и продезинфицированном месте.

Но человеческое общество — не старое здание. Его невозможно снести. Невозможно сказать, что народ у нас, мол, неправильный, работает плохо, не обладает нужными для XXI века навыками, а потому мы возьмем для перестройки новый народ. Старое хозяйственное здание можно только перестраивать, если возникает необходимость обустроить жизнь по-новому. И если ты берешься за эту перестройку, то оказывается, что кто-то и в самом деле остается без окон, кто-то — без дверей, канализации и отопления. А если у тебя нет четкого понимания того, что можно перестроить, а что — нельзя, все эти проблемы выявляются лишь по ходу работ. И оказывается, что бросить все на полпути легче, чем продолжать намеченную без знания дела реконструкцию.

В начале горбачевского правления руководителям страны, видимо, казалось, что, повысив эффективность производства в гражданском секторе экономики за счет развития машиностроения и борьбы с пьянством, можно и дальше тянуть вперед огромный военный и околвоенный секторы. Казалось, если гражданское производство всего-навсего прибавит

колбасы, ее хватит на то, чтобы накормить как производителей предметов потребления, так и производителей средств производства, а также военного разрушения. Но быстро оказалось, что задача много сложнее и без божественного вмешательства такое экономическое чудо невозможно. А Господь прорабам перестройки кормить людей, увы, не помогал.

Реформа, осуществленная в 1987–1988 годах, представляла собой уже не решение конкретных вопросов, но попытку реконструкции всего здания. Однако по мере ее осуществления стало выясняться, что кто-то из перестройщиков готов идти до конца, несмотря на проблемы, с которыми столкнутся сограждане, а кто-то предпочитает остановить процесс, сочтя перестройку чистым разрушением здания, худо-бедно пригодного для неких производственных целей и неспособного превратиться в комфортабельное жилье. Ну а кто-то желает заморозить процесс реконструкции, продолжая искать фантастические варианты решения проблемы. Так и не добившись конкретного результата, прорабы перестройки оставили свою «незавершенку» реформаторам девяностых, которые без долгих споров взялись за дело. Им-то в конечном счете пришлось отвечать перед людьми, ожидавшими жилья и ориентировавшимися на получение квартиры в новом комфортабельном здании западного типа, а не в старом перестроенном производственном помещении. На перестройщиков недовольные обитатели реконструированного здания еще порой кивали, но про тех, кто построил давным-давно здание, пригодное для производства, но непригодное для жилья, мало кто вспоминал. Те времена казались уж очень далекими и совершенно не связанными с современными проблемами.

Наша попытка взглянуть на сложности исторического пути страны и показать, как искаженная структура экономики может повлиять на реформы через много лет и даже десятилетий, помогает объяснить и некоторые различия между ходом преобразований девяностых годов в разных странах Центральной и Восточной Европы.

В целом можно сказать, что ни одна из этих стран не прошла через процесс рыночного реформирования без существенных трудностей. Однако все они обладали разной структурой экономики, унаследованной от прошлого, и, соответственно, в разной степени прошли через структурную ломку, обусловившую спад производства и появление проблем для значительной части населения. Скажем, Эстония, Латвия и Литва вынуждены были трансформировать примерно такую же экономику, как Россия, Украина и Белоруссия. Но в Эстонии и особенно в Латвии существовал мощный промышленный сектор, на предприятиях которого часто трудились люди, переехавшие в Прибалтику из России после Великой Отечественной, или их дети. В Литве же этот сектор оказался в силу ряда исторических причин не столь значительным. Соответственно, трудности трансформации экономики оказались у республик различными.

В Польше и Чехословакии, как и в СССР, к началу 1980-х существовала административная хозяйственная система. Чехи и словаки пытались ее реформировать в ходе так называемой Пражской весны 1968 года, но попытки преобразований были остановлены советскими танками. Поляки начали умеренные преобразования в 1980-е годы и быстро столкнулись с проблемами, похожими на советские. А вот в Югославии, где система рыночного социализма формировалась с 1950-х годов, структура экономики не была столь искажена администрированием, зато там задолго до 1980–1990-х возникли проблемы, связанные с недостатками рыночного социализма, такими как инфляция и безработица. Специфическая картина возникла в Венгрии, где умеренные рыночные преобразования шли с конца 1960-х

и, соответственно, структурные перекосы экономики были не столь большими, как в Советском Союзе. В целом про все эти государства надо сказать, что, поскольку их роль в поддержании обороноспособности стран Варшавского договора была не столь значительной, как роль СССР, их экономикам легче было приспособиться к условиям рынка.

Там, где приспособиться оказалось легче, удалось быстрее остановить инфляцию, быстрее перейти к экономическому росту, быстрее уменьшить число людей, бедствовавших из-за неспособности предприятий, на которых они трудились, войти в рыночное хозяйство не попрошайкой, а производителем. Неудивительно, что в этих странах крепче оказались те политические реформаторские силы, которые выступали не за торможение преобразований, а за вхождение в Евросоюз и адаптацию к европейским нормам. У многих наблюдателей, не вглядывавшихся в суть проблем, возникло ощущение, что характер реформ 1990-х годов в России и странах Центральной и Восточной Европы был принципиально различен. На самом деле успехи и неудачи преобразований в большей степени определялись исходными условиями, связанными со структурой экономики, а вовсе не реформаторским видением. Все реформаторы вынуждены были так или иначе приспособляться к условиям, в которых они работали. И там, где условия оказались особо неблагоприятными, приспособление вызвало много болезненных побочных последствий — длительную инфляцию, разрушительные экономические кризисы и слишком медленный выход из кризисных ситуаций.

Альтернатива третья. Мир без Великого Октября

Была ли Россия обречена на то, чтобы стать объектом для проведения жестокого большевистского эксперимента? Нескольким поколениям советских граждан в школах на уроках истории и особенно в институтах на лекциях по истории КПСС вбивалась в голову мысль о том, что в победе Октябрьской революции проявились железные законы истории, открытые Карлом Марксом. Во-первых, утверждалось, будто социалистические революции неизбежно должны происходить при достижении определенного этапа зрелости капитализма, поскольку вырастает пролетариат — сознательный класс, являющийся могильщиком буржуазии. Во-вторых, история ленинской партии большевиков подавалась как эффективная и целенаправленная работа вождя по формированию пролетарского авангарда, готового в нужный момент выступить на борьбу с царизмом или буржуазным правительством.

На самом деле неверно как то, так и другое. Теория социалистической революции не подтверждается фактами. Пролетариат перестает быть революционным классом по мере развития капитализма, повышения жизненного уровня трудящихся и снижения их боевитости. В «Манифесте коммунистической партии» Маркс с Энгельсом утверждали, что пролетариату нечего терять, кроме своих цепей, однако сегодня наемные работники в странах капитализма имеют вполне приличную собственность и такие текущие доходы, которые жаль менять на тюремную камеру с цепями. Вся история

развития капитализма за последние десятилетия показывает, что дело уже не идет к той революции, о которой грезил классики марксизма.

Даже осенью 1917 года большевистская революция не была предопределена, хотя многие обстоятельства складывались благоприятно для Ленина и Троцкого, стремившихся убедить нерешительных товарищей в необходимости брать власть в свои руки. Нерешительность эта проистекала не только из общих представлений о преждевременности борьбы за социализм в такой стране недоразвитого капитализма, как Россия, но в первую очередь — из реальной оценки ситуации. Еще в апреле 1917 года, когда большевистские вожди во главе с Лениным вернулись из длительной эмиграции в Петроград, их партия вовсе не представляла собой сильный отряд пролетарского авангарда, способный бороться за власть с весьма популярным в тот момент Временным правительством.

Популярность Временного правительства подорвало его упорное стремление продолжать мировую войну и поддерживать западных союзников. Но война не обязательно должна была тянуться так долго. Сложись иначе обстоятельства на фронтах и в международных отношениях, Антанта могла с американской помощью победить несколько раньше. И тогда нашлись бы, наверное, в России послушные правительству полки, способные подавить большевистский мятеж.

Позиции Временного правительства были целиком подорваны конфликтом между премьером Александром Керенским и генералом Лавром Корниловым. Однако трагическая недоговороспособность этих двух персонажей российской истории тоже не была предопределена. Если бы у них было больше прозорливости, они смогли бы осознать свои общие интересы перед лицом надвигающейся опасности со стороны политических сил, которые ни в грош не ставили

молодую российскую демократию. И даже если бы демократия все же рухнула, уступив место, скажем, правой диктатуре Корнилова, политический режим был бы не большевистским, мировая революция не встала бы на повестку дня и проблемы, о которых говорилось выше, не трансформировали бы радикально экономику нашей страны. Ведь генералы-автократы частенько «увенчивали» своим жестким правлением ту или иную революцию. От Кромвеля и Наполеона до азиатских и латиноамериканских диктаторов XIX–XX веков тянется длинная недемократическая цепь разнообразных правлений, либо совсем кратковременных, либо вполне совместимых с рынком.

Успех большевистской модели не был гарантирован даже после успеха Октябрьского переворота. В ходе Гражданской войны антибольшевистские силы имели серьезные шансы на победу, однако они оказались чрезвычайно раздроблены. Одни хотели восстановить единую и неделимую империю, другие опирались на национализм (польский, украинский, финский), третьи желали анархии. Четвертые стремились возродить краткий миг российской демократии, возводя власть к Учредительному собранию, разогнанному большевиками. Если бы они объединились, большевики бы не устояли. И тем более не устояли бы они в случае, если бы все западные страны дружными усилиями решили задавить мировую революцию.

В общем, история нашей страны вполне могла пойти по небольшевистскому пути. Но вряд ли Россия могла вообще миновать революцию. Если Октябрь с его описанными выше последствиями был весьма специфическим явлением, то Февраль, скорее всего, должен был случиться. Но о том, почему модернизирующейся стране было сложно вообще избежать революции, ломающей «через колено» старую политическую систему, нужен отдельный разговор.

Миф третий. О возможностях НЭПа

В годы хрущевской оттепели, когда сторонники реформаторского социализма осмысливали варианты противопоставления «правильного» ленинского социализма «неправильному» сталинскому, стал вызревать миф о возможностях НЭПа — о том, что при сохранении взятой на вооружение в 1921 году ленинской политики компромиссов с мелкой буржуазией возможен был альтернативный вариант развития советского общества: без крови, без репрессий, без культа личности жестокого вождя. Теоретически НЭП и впрямь представляется разумной альтернативой сталинской административной системе. Однако эта теория принимает во внимание лишь экономический анализ проблемы без связи с политикой. А ведь политика большевиков была жестко детерминирована. Она исходила не из возможности выбора варианта экономического развития, а из необходимости противостояния с агрессивным, как казалось тогда, миром капитала.

Откуда советская власть могла взять ресурсы для индустриализации, а следовательно, для милитаризации экономики? Теоретически на этот вопрос могло существовать два ответа — правый и левый. Столкновение этих двух взглядов представляло собой, пожалуй, главную дискуссию 1920-х.

С одной стороны, большевики имели возможность пойти традиционным путем. Провозглашение НЭПа означало, что рынок у нас допускается, причем, поскольку Советский Союз

в те годы был крестьянской страной, товарно-денежные отношения фактически должны были охватить большую часть экономики. Крестьяне растили бы хлеб, продавали его, выручали деньги, платили налог государству, и на эти средства советская власть могла осуществлять индустриализацию. Такая модель была ясной, проверенной на практике в иных странах, то есть вполне работоспособной. Но у нее имелся существенный недостаток. Темпы индустриализации, а значит, и милитаризации страны полностью определялись бы объемом тех ресурсов, которые государство могло собрать с помощью своей фискальной деятельности. В случае возникновения серьезного экономического кризиса или при неспособности государства собрать налоги в большом объеме строительство военных объектов было бы замедленным. Готовность страны к обороне детерминировалась ее готовностью к труду. Но что делать, «если завтра война, если завтра в поход»? Получалось, что судьбоносное противостояние мира труда миру капитала, а по сути дела, счастье всего человечества определялось тем, сможет ли российский мужичок продать хлеб и заплатить государству налоги.

С другой стороны, можно было пренебречь рыночными отношениями и попытаться изъять у деревни дополнительный объем ресурсов. Изъять насильственным образом или, как деликатно предпочитали выражаться ученые, внеэкономическим путем. При таком подходе проводить индустриализацию можно значительно быстрее. Можно рассчитать, какой объем вооружений требуется получить стране в кратчайшие сроки, спланировать строительство предприятий, определить потребность в деньгах и, наконец, понять, сколько зерна, проданного на рынке, способно принести государству нужную сумму. А затем изъять тем или иным образом у крестьянства данную сумму, вне зависимости от того, хочет ли

мужичок ее отдавать. Движение в данном направлении больше отвечало приоритетным задачам советской власти, готовившейся к противостоянию мира труда миру капитала. Однако серьезная проблема имелась и здесь. Советская страна только что прошла через годы военного коммунизма, когда ради победы в Гражданской войне большевики с помощью продразверстки изымали у крестьян хлеб. Военный коммунизм привел к сокращению производства сельхозпродукции. Коммунистическая элита не могла не понимать опасности подобного подхода.

В первой половине 1920-х развитие событий шло правым курсом. Однако вскоре выявилась проблема. Хотя крестьянство вставало на ноги и кормило народ, индустриализация фактически не осуществлялась. В стране с капиталистической экономикой разбогатевшие нэпманы и крестьяне-кулаки неизбежно начали бы инвестировать деньги в промышленность. Но в стране с рынком, допущенным лишь в рамках НЭПа, уповать приходилось в основном на государственные инвестиции. Выяснилось, что, если к бизнесу относиться лишь как к дойной корове, он не станет «нагуливать вес». Ведь рано или поздно такую корову пустят на мясо. Так не лучше ли прокутить доходы или припрятать?

К середине 1920-х годов стало ясно, что речь уже не идет о выборе между двумя путями строительства социализма. Речь идет о том, что либо мы возвращаем капитализм и тогда имеем шанс на ускорение роста экономики, либо сохраняем НЭП и надолго расстаемся с планами индустриализации, либо усиливаем вмешательство государства в экономику и получаем средства для укрепления обороноспособности. Естественно, большевики могли выбрать лишь третий путь. Первый был для них неприемлем, поскольку поднимал неизбежный вопрос: за что же мы боролись? А второй решительно отвергался,

поскольку делал Советскую страну беззащитной перед империалистическими агрессорами.

Глава четвертая. О том, как Александр Николаевич подкузьмил Николая Александровича

Внимательный читатель наверняка заметил, что из названия этой главы выпал Владимир Ильич, хотя установившаяся в предыдущих главах традиция требовала вроде бы его присутствия в заголовке. Однако я не забыл про Ленина. Как про него забудешь! Владимир Ильич выпал не случайно. Его отсутствие в названии главы не умаляет, а, напротив, подчеркивает ленинскую роль в истории. Никто не подкузьмил вождя мирового пролетариата. Он сам был творцом своего счастья. Точнее, Ленин собирался сотворить счастье для всего мирового пролетариата, но с этим у него явно не вышло. Даже счастье для большевистской партии вышло весьма относительное. Его хватило лишь до Большого террора 1937–1938 годов. Одна часть партии большевиков уничтожила тогда другую ее часть, похоронив, по сути дела, все иллюзии насчет разрушения «мира насилия», с которыми юные революционеры начинали свою подрывную деятельность в царской России.

Впрочем, сейчас разговор не об этом, а о том, что Октябрьская революция была поистине новаторским явлением в истории и жестко не предопределялась предшествующими событиями. А вот Февральская революция во многом этими событиями предопределялась. Я имею в виду, что массовое недовольство «старым режимом» проистекало из многих

характеристик этого режима, а потому трудно было бы ожидать гладкого вращивания самодержавия в демократический капитализм. Смута постепенно вызревала в России. Но то, что в Смуте победу одержит маргинальная партия большевиков, которая до апреля 1917 года не могла считаться серьезной политической силой, никак не предопределялось развитием капитализма в России.

Резкое ослабление российской монархии при Николае II было связано в известной мере с субъективными, но больше с объективными обстоятельствами. Причем важнейшей причиной, обусловившей Великую русскую революцию, являлись Великие реформы Александра II. Александр Николаевич был одним из самых ярких, смелых, решительных людей в нашей истории. Он многое сделал для того, чтобы страна изменилась в лучшую сторону. Но в истории, увы, все переплетено. У светлой стороны есть оборотная темная сторона. Александр Николаевич не просто двинул Россию вперед по пути модернизации, но и подкузьмил тем самым своего незадачливого внука Николая Александровича, который не справился с управлением страной, когда ее стало заносить на крутых виражах при слишком быстрой езде.

От великих реформ к великой смуте

Хотя модернизированное общество, как правило, стабильно, модернизация порождает нестабильность и политический беспорядок. Это представляется парадоксом, но если мы от теоретических схем обратимся к реальному ходу истории, то обнаружим чрезвычайно сложную картину. Радикальные преобразования не приводят к одинаковым результатам для всех групп и слоев общества. Если одни имеют лучшие условия для того, чтобы воспринять перемены и использовать их в своих интересах, то другие не обладают ни капиталом, ни образованием, ни сноровкой для того, чтобы вписаться в новую жизнь. Дети, скорее всего, впишутся, а внуки, возможно, даже преуспеют, но тот бедолага, который сформировался еще в старом мире и прожил в нем значительную часть жизни, часто бывает обречен на житейскую катастрофу. Чем больше страна, чем разнообразнее ее внутренний мир и чем сложнее она устроена, тем больше вероятность, что в ней обнаружится множество глухих тупиков и пустых закоулков, где происходят подобные катастрофы и где любые перемены люди встречают с недоумением и страхом.

Наблюдателю, живущему в современном обществе и знающему прошлое лишь по сильно упрощенным школьным учебникам, может казаться, что каждый малый шаг к современности (рынку и свободе) должен сопровождаться хотя бы малым сдвигом к современным нравам (гуманности и толерантности), но на деле логика модернизации выглядит

совершенно иначе. Проигрывающие от перемен группы желают бороться за свое «светлое прошлое». Находятся лидеры, возглавляющие эту борьбу. И часто «лузеры» набрасываются на «винеров» с удивительной ожесточенностью, поскольку, как отмечали (правда, сильно преувеличивая) классики марксизма, им нечего терять, кроме своих цепей. Сложный переход от стабильности традиционной к стабильности модернизационной идет через столкновение образующихся в этом процессе групп, а значит, через конфликты, которые могут даже оборачиваться революцией.

Невозможно установить точную дату начала подобного перехода, но в России обострение борьбы произошло после Великих реформ Александра II. Можно сказать, что реформы, исходившие из необходимости учета сложившихся групп интересов, предопределили в пореформенный период новую расстановку сил и новое противостояние таких групп.

Конкретная траектория российской модернизации с 1861-го по 1917-й определялась пятью основными обстоятельствами.

Во-первых, реформа создала потенциальную возможность для ускоренного развития экономики, в том числе промышленности. Дифференциация свободного крестьянства приводила к оттоку части сельского населения в город, что давало нарождающейся промышленности большое число рабочих рук. В то же время ускорившаяся урбанизация формировала емкий товарный рынок, поскольку крестьяне, расставшиеся с деревней и превратившиеся в городских рабочих, должны были теперь покупать большую часть предметов потребления на свою зарплату. В данном смысле модернизация в России шла по пути, проложенному ранее другими европейскими государствами, и показала, как наличие капиталов и рабочей силы обуславливает рост экономики, даже несмотря на сохранение множества проблем в политической, социальной и идейной областях жизни. Хотя успехи российской

промышленности в силу ряда причин выявились далеко не сразу после реформы, тем не менее к началу XX века экономический подъем стал очевиден.

Во-вторых, реформа на долгие годы создала условия для серьезной социальной напряженности, поскольку дала помещикам то, чего, как многим казалось, они не заслужили. Несмотря на утрату бывшего влияния, консервативное дворянство представляло собой столь значительную группу интересов, что пренебречь ею было опасно для самодержавия. Крестьяне оказались недовольны подобным подходом к интересам дворянства. Причем не только по рациональным причинам, связанным с малоземельем и ощущением несправедливости преобразований, но и из-за распространения в крестьянской среде традиционных представлений о том, что земля — дар Божий, которым никто не вправе распоряжаться и превращать в частную собственность. На этом фоне в рядах радикально настроенной части общества возникло ощущение половинчатости преобразований, осуществленных Александром II. Историк и философ Исая Берлин отмечал, что с точки зрения многих молодых людей, надеявшихся на быстрые и справедливые реформы, освобождение крестьян в России стало циничной пародией на их планы и надежды. Царя-реформатора воспринимали как помеху на пути модернизации страны. Террористы охотились за ним, совершили целый ряд покушений и в конечном счете убили — через двадцать лет после отмены крепостного права. При этом терроризм, как и многие преступления, стали списывать на неблагоприятную социальную среду, имея в виду, что в убийстве, краже или хулиганстве виноват не конкретный человек, но система. Адвокаты в судах акцентировали внимание на трудных обстоятельствах жизни подзащитных, чтобы присяжные выносили вердикт не по закону, а из жалости. Таким

образом, нарастание социальных проблем представляло собой обратную сторону медали. Успехи модернизации в экономике неотделимы были от роста недовольства различных слоев населения.

В-третьих, на фоне радикализации небольшой группы общества, активизировавшей террористическую деятельность, значительная часть разочарованной в политике молодежи стала склоняться к пессимизму. Яркий пример такой эволюции — огромные тиражи (более 200 тысяч экземпляров) поэтических сборников Семена Надсона, стремившегося уйти в творчество, устав от «мира борьбы и наживы», как выразился он в одном стихотворении. Читатели Надсона не брались за бомбы и револьверы, но их индифферентность по отношению к происходящим в стране переменам создавала благоприятную почву для действий радикалов. Фанатики получали численный перевес над рационально мыслящими реформаторами, несмотря на то что сами представляли собой относительно маргинальную группу. В дальнейшем, на рубеже веков и в эпоху революции 1905–1907 годов, интеллигенция увлеклась политикой в связи с публикацией Октябрьского манифеста и выборами в Государственную думу. Читательский интерес обратился к Максиму Горькому с его острой социальной проблематикой. Но затем вновь вернулась апатия. В моду вошли мистицизм, нуар, декаданс и даже самоубийства. Вряд ли можно говорить, как это делает Ричард Пайпс, что русские интеллигенты в целом объявили войну монархии, но, бесспорно, они не стали в тех сложных обстоятельствах группой, стабилизирующей страну и проявляющей интерес к ее мирной модернизации.

В-четвертых, подавляющее большинство необразованного населения оказалось в сложном, противоречивом состоянии. Экономика создавала для них новые возможности, но

воспользоваться ими удавалось далеко не всем. С одной стороны, многим людям все труднее было жить по-старому, поскольку не имелось достаточного объема земельных ресурсов. Но, с другой, — жить по-новому психологически трудно, если ты привык к традиционным формам существования. Крестьянская община распадалась, многие ощущали развал не только внешних форм жизни, но и внутреннего мира, развал веками складывавшихся представлений о том, как следует жить. А крестьянам, перебравшимся в город и пытавшимся освоиться в качестве промышленных рабочих, жить оказалось еще тяжелее, поскольку они не чувствовали поддержки общины и вынуждены были привыкать к совершенно новым условиям существования.

В-пятых, поскольку рост недовольства обусловил в России разгул терроризма, консервативно настроенная часть общества стала набирать силу. Обер-прокурор Синода Константин Победоносцев, все критиковавший и ничего не предлагавший для фундаментального укрепления системы, считал реформаторов изменниками, готовящими крушение государства, и идолопоклонниками, боготворящими разные виды свободы. Немало людей разделяли подобные взгляды. Модернизация не могла нравиться всем, тем более что поначалу она обернулась обнищанием пролетариата из-за быстрого притока в город множества крестьян, усиливавших конкуренцию на рынке труда. Экономические успехи страны стали заметны лишь накануне XX века, тогда как «успехи террористические» проявились намного раньше. В итоге в действиях власти наметились явные консервативные тенденции. Если при Александре II один за другим появлялись проекты введения законосовещательного представительного учреждения, то после гибели царя-освободителя его сын отказался от робких попыток формирования народного

представительства, которые содержались в проекте графа Михаила Лорис-Меликова. Александр III осуществил свой консервативный поворот под влиянием Победоносцева и небольшого числа его единомышленников, проигнорировав мнение большинства членов Государственного совета, настроенных на продолжение реформ.

Но торжество консерватизма, в свою очередь, обусловило возмущение радикальных групп, считавших, что реформы должны быть продолжены до тех пор, пока Россия не перейдет от самодержавия к конституционной монархии. При этом нарождающиеся марксисты смотрели дальше радикалов-народников и интеллектуалов-конституционалистов, надеясь уничтожить и самодержавие как политическую систему, и капитализм как социальный строй. Комплекс проблем, сформировавшихся в пореформенный период, представлял собой горючую смесь, готовую вспыхнуть в любой момент. Одна проблема обостряла другую. Любое движение вправо активизировало левацкие настроения, а движение влево озлобляло правые силы.

Александр III и Николай II получили от Александра II идеальные условия для развития российской экономики, но одновременно столь же идеальные условия для развития революционного движения. Финансовая реформа Сергея Витте сделала нашу страну еще сильнее в хозяйственном отношении и привлекательнее для инвестиций, но в социально-политическом плане стабилизатором стать не могла. Ну а аграрные преобразования Петра Столыпина, открывшие путь к быстрому капиталистическому развитию в деревне, могли лишь усилить социальную напряженность. Крепкий, успешный мужик раздражал общину, нарушал сложившиеся в ней представления о справедливости.

Неконструктивность «конструктивных сил»

Могли ли конструктивные силы России успешно сопротивляться постепенному нарастанию деструктивной активности? Людей, выигравших от преобразований, было не так уж мало. Либеральное дворянство могло после долгих лет дискредитировавшего страну крепостничества наконец почувствовать, что мы становимся нормальными европейцами. Земцы обрели первый опыт управления и могли надеяться на будущее развитие парламентаризма. Буржуазия получала возможности для успешного развития бизнеса. Средние городские слои и квалифицированные рабочие могли неплохо зарабатывать благодаря появлению множества эффективно функционирующих промышленных предприятий, развитию строительной отрасли и сферы услуг. Предприимчивые помещики и крепкие мужики благодаря нарастающим экспортным возможностям страны на европейском аграрном рынке имели все основания рассчитывать на дальнейшие успехи. В новых условиях не имелось особых оснований для пессимизма даже у убежденных монархистов и имперцев. Россия оставалась монархией. Позиции аристократии были прочны. Бюрократия разрасталась и приобретала все большее влияние на ход государственных дел. Сохранялись надежды на то, что в очередной успешной войне будет наконец водружен крест над Святой Софией и православное воинство установит контроль над Босфором и Дарданеллами. В общем, имелись, казалось бы, объективные условия для союза различных

выигрывавших (или, по крайней мере, не проигрывавших) от модернизации групп интересов. Однако на деле заключать подобные союзы чрезвычайно сложно. Краткосрочные разногласия для всех очевидны и чрезвычайно болезненны, тогда как долгосрочный выигрыш представляется сомнительным. В результате склоки возникают почти на ровном месте, и потомки с удивлением обнаруживают, листая через много лет пыльные газеты дней минувших, насколько деды и прадеды были ограничены, уперты и недалёковидны. Конфликты, возникавшие между умными, образованными, конструктивными людьми, кажутся субъективными при взгляде на прошлое сквозь толщу веков. Но на самом деле они имеют серьезные объективные основания в ситуации, когда возникновение будущих проблем невозможно просчитать, а на проблемы сегодняшние все политические силы должны решительно реагировать, чтобы не утратить поддержку сторонников.

Революция была бы невозможна без раскола элит, обусловившего слабость государства и его неспособность защитить себя от нарастающего давления снизу. Любопытно, что Максим Горький отразил это уже в 1906 году в пьесе «Враги», где «господа», вступившие в конфликт с рабочими, не могут договориться о единой политике даже на своем заводе. Одни требуют жесткости, другие — компромиссов, третьи симпатизируют пролетариям. Примерно так обстояло дело и на макроуровне. Аристократия не отличалась аристократизмом поведения, монархисты плохо защищали монархию, капиталисты слабо отстаивали буржуазные ценности, интеллигенция не проявляла способность к глубокому интеллектуальному анализу ситуации, рабочие гнались за иллюзорными достижениями, которые им обещали агитаторы, вместо того чтобы строить свою жизнь на уже имевшихся

в динамичной российской экономике реальных достижениях. А на вершине всей этой неустойчивой пирамиды находилась царская семья, которая, не зная, как добиться консолидации общества, постоянно давала поводы для недовольства то одним, то другим политическим силам.

Пожалуй, важнейшим фактором, спровоцировавшим раскол элит, стали образ жизни царской семьи, дискредитировавшей себя скандалом, связанным с Распутиным, и поведение Николая II, демонстрировавшего неспособность эффективно управлять страной. Распутинщина шокировала многих представителей российской элиты. Пик внутривнутриполитического кризиса был достигнут в условиях мировой войны. Князь Феликс Юсупов, рассказывая, как он пришел к решению о необходимости убийства Григория Распутина, рисует картину серьезного ментального кризиса верхов. Элита разрывалась между приверженностью монархии как традиционному для России институту и неприятием поведения царской семьи. Вдовствующая императрица Мария Федоровна, сестра царицы Елизавета Федоровна, великие князья, родовая знать, высшее чиновничество, церковные иерархи, влиятельные парламентарии (начиная с председателя Думы Михаила Родзянко) в той или иной форме указывали на нетерпимость сложившегося положения дел. Поговаривали даже о двух заговорах (в верхах военного командования и среди великих князей), целью которых было добиться отречения Николая II в пользу царевича Алексея при регентстве младшего брата царя Михаила Александровича.

Усугубляло проблему немецкое происхождение династии. Даже в мирное время русские аристократы и чиновники порой сетовали на засилье немцев в госаппарате. Но когда началась мировая война, государство развернуло мощную антигерманскую кампанию, в ходе которой русских немцев

депортировали, лишали собственности и вычищали из армии. Неудивительно, что массовое отторжение всего германского стало подниматься до самого верха многонациональной империи. Назначение премьером Бориса Штюрмера у многих вызвало негодование. Проблемы, возможно, не были бы столь серьезными при успешном ходе Первой мировой войны, однако на положении дел сказалась плохая готовность армии. Естественно, в элитах начался поиск людей, на которых можно было возложить вину за военные провалы.

Наконец, расколу элит серьезно способствовали коррупционные скандалы, происходившие на самом верху. В частности, дело военного министра генерала Владимира Сухомлинова, который, как полагали многие, был виновен в измене родине, плохой подготовке российской армии, нехватке вооружений и боеприпасов, а также в продажности, в том, что свои богатства он нажил путем нанесения ущерба России. При этом Сухомлинов долгое время пользовался покровительством императора.

В условиях многочисленных военных неудач, серьезных коррупционных скандалов, связанных с войной тягот, разложения армии и начинавшегося в столице хаоса высшее военное командование отказалось поддерживать порядок в стране и рекомендовало Николаю II отречься от престола.

Рекомендацию подписали начальник штаба государя Михаил Алексеев и все командующие фронтами, включая великого князя Николая Николаевича. К ним присоединились представители Думы октябрист Александр Гучков и монархист Василий Шульгин, приехавшие к царю в ставку, чтобы принять отречение. Трудно представить себе более масштабный раскол элит. Василий Шульгин позднее отмечал, что в стране было немало офицеров и юнкеров, теоретически способных подавить бунт в зародыше, но оказавшихся морально неготовыми сражаться с революцией в 1917 году. Впоследствии, когда слабость демократии и «прелести» большевистского правления стали очевидны, эти люди составили опору Белой армии.

Впрочем, все вышесказанное характеризует скорее ту часть элиты, которая традиционно стояла на монархических позициях, — аристократии, армии, бюрократии. А как же демократия? Почему она не вступилась за царя, даровавшего Октябрьский манифест? Увы, отношения с демократической общественностью складывались так, что и она не могла быть вполне удовлетворена ходом событий.

Некоторые проблемы были очевидны. Александр Керенский отмечал в мемуарах, что к выводу о необходимости устранения монархии его привело согласие Николая II стать покровителем черносотенного Союза русского народа. Но этот факт является лишь отражением фундаментальных расхождений монархии с общественностью, напоминающих расхождения, характерные для других стран в революционные эпохи.

В середине XVII века английский король Карл Стюарт демонстрировал убежденность в своем божественном праве на престол и сохранял ее даже перед казнью. Подобным образом вплоть до последних дней существования монархии Романовых царская семья была убеждена в своем божественном праве, и эта убежденность мешала ей искать компромиссы и адаптироваться к меняющейся ситуации. Вскоре после восшествия на престол (в 1895 году) Николай II официально заявил о бессмысленности (беспочвенности) всяких мечтаний насчет земского представительства. И хотя в 1905-м ему пришлось пойти навстречу этим «бессмысленным мечтаниям», царь даже перед самым концом своего правления в беседе с английским послом (в январе 1917 года) говорил, что не он должен заслужить доверие народа, а народ — его доверие. В беседе с великим князем Александром Михайловичем в феврале 1917 года царица без тени сомнения уверяла, что ее супруг не может ни с кем делить свои божественные права. Характерно, что обе эти беседы шли в интимной обстановке

и высказанные соображения явно отражали реальную позицию императорской семьи и не были предназначены для публики.

При таком настрое императора неудивительно, что конфронтационным оказался и настрой общественности. Неспособность сторон к конструктивному диалогу прямо вела к политическому кризису.

Василий Маклаков — политик, принадлежавший к правому крылу кадетов, — детально проследил в своих мемуарах, как складывались отношения монархии с общественностью. Он отмечал, что земское движение, сформировавшееся на волне Великих реформ, готово было идти к преобразованиям мирным эволюционным путем, но Николай II отверг этот путь, и началась «война», причем на передний план вышли в ней не старые миролюбивые земцы, а те новые силы, которые уже не верили в желание власти идти на серьезные демократические преобразования, а потому от всей души ненавидели самодержавие.

В итоге демократизация 1905 года оказалась таковой лишь по форме. Под ее прикрытием раскол элит лишь углублялся. Любопытно, что эсеровский лидер Виктор Чернов, бывший чуть моложе Маклакова и учившийся одновременно с ним в Московском университете, вспоминал, как маклаковские упования на смягчение реакционного курса разбивались о правительственную политику, отдававшую предпочтение «ежовым рукавицам» и «бараньему рогу». Владимир Гурко — товарищ министра внутренних дел при Столыпине, — напротив, считал, что власть имела дело с «психически больной» общественностью. Трагедия русской государственной власти состояла в том, полагал Гурко, что интеллигенция была разрушительной силой, с которой нельзя сотрудничать, что все созидательные силы ушли из общественности в бюрократию, но при этом старая бюрократическая форма правления не могла сохраниться, поскольку перестала удовлетворять просвещенную общественность. При этом Сергей Витте, находившийся на стороне власти и даже возглавлявший правительство, считал

«невменяемым» Николая II. Думается, Маклаков ближе к истине, чем его оппоненты слева и справа, считавшие, будто одна из сторон невменяема. Конструктивные силы имелись с обеих сторон, однако взаимные обиды порождали стремление ответить на них соответствующим образом, и неустойчивый компромисс разрушался. Борьба интересов привела к тому, что в момент революции 1917 года Дума стала центром притяжения революционных сил и, казалось бы, взяла власть в свои руки, но быстро ее утратила из-за увлеченности популизмом.

Формирование Государственной думы под воздействием революции 1905 года должно было, казалось, настроить конфликтующие стороны на конструктивный лад: парламентарии могли сотрудничать с правительством. Но это «сотрудничество» лишь четче проявило углублявшийся конфликт элит. Кадетский лидер Павел Милюков полагал, что уступки со стороны власти не могли удовлетворить общество и народ, поскольку были недостаточны, а главное — неискренни и лживы.

Его однопартиец Маклаков критически смотрел на свою партию, полагая, что кадеты возомнили себя не мостом между старой властью и народом, а самим народом. И вместо того чтобы аккуратно перевести страну «на другой берег», стали сдвигать сам «берег». В итоге совместная работа правительства и депутатов больше напоминала боксерский поединок, чем строительство конституционной монархии. А либерализм полпелся в хвосте революции. Впоследствии октябристы, по оценке Маклакова, оказались в плену у правых радикалов.

В общем, вместо сотрудничества различные силы, вполне способные быть конструктивными, стали бороться между собой. Раскол элит усугублялся тем, что царь своими действиями порой противопоставлял себя всему политическому классу: не только парламентариям, но и бюрократии.

Сразу после революции 1905 года I Дума захотела всеобщей амнистии, на что правительству трудно было пойти. Царь в ответ на жесткие

требования народных избранников отказался принимать их депутацию, подчеркивая тем самым нежелание беседовать с Думой на равных. Неудивительно, что в Думе нарастало стремление подчеркнуть свою силу и сформировать правительство, ответственное не перед монархом, а перед народными избранниками.

Депутаты, по сути (но не по методам), солидаризировались с революцией. Они были скорее настроены на борьбу за радикальные перемены, чем на ежедневную конструктивную работу. Когда царь распустил I Думу, после нее практически не осталось принятых законопроектов. Весь пар ушел в свисток. При этом сам факт роспуска резко радикализировал общество. «Изгнанные» депутаты приняли так называемое Выборгское воззвание, призвав народ не платить налоги и не служить в армии (то есть откровенно нарушать законы). В ответ государство подвергло смутьянов тюремному заключению, хотя реального ущерба от их призыва не было. В общем, никто в ситуации жесткого противостояния не шел на уступки. Обе стороны надеялись победить соперника нокаутом. Но победили в итоге самих себя: монархисты ослабили кадетов и лишили их серьезного влияния, а кадеты подрывали позиции монархии вплоть до ее падения.

Серьезной попыткой компромисса стала деятельность Петра Столыпина на посту премьера. Он пытался пригласить общественных деятелей на министерские посты в правительство, но проблема состояла в том, что эти люди представляли лишь меньшинство российского населения и вряд ли могли способствовать разрешению конфликта монархии с теми радикалами, которые полагали, что отражают интересы большинства. Тем не менее со II Думой правительству Столыпина удалось худо-бедно организовать законотворческий процесс. Еще лучше пошло сотрудничество с III Думой, в которой доминировали октябристы, готовые, в отличие от

кадетов, на поддержку правительства реформ, но эту Думу избирало всего 3% населения России, причем механизм выборов был устроен таким образом, что побеждали в основном лояльно настроенные к монархии кандидаты. Победа демократии оказалась иллюзорной.

Компромисс достигался лишь с той «общественностью», которая в кризисной ситуации не смогла бы успокоить страну. Эта проблема ярко проявилась в 1917 году, когда власть быстро ушла из рук тех, кто так долго к ней стремился и, казалось, достиг желаемого. В тот момент «избранники народа» не смогли защитить себя от сравнительно немногочисленной группы радикально настроенных выходцев из народа. Но в предреволюционный период попытки расширить «общественность» до размера истинной Общественности резко снижали культурный уровень депутатского корпуса и выглядели неприемлемыми. Скажем, в I Думе некоторые крестьянские представители не умели ни читать, ни писать, другие пьянствовали и скандалили по кабакам, третьи имели за плечами уголовное прошлое. При всеобщем избирательном праве доля подобной публики в парламенте могла существенно возрасти. Подобное представительство в кризисной ситуации вряд ли оказалось бы более твердой опорой власти, чем представительство на основе цензовой демократии. Можно сказать, что как активное движение оппозиции в сторону расширения демократии, так и попытки властей перейти к дозированному предоставлению «демократии» малокультурной стране не решали быстро нараставших проблем.

Аномия успеха

Раскол элит сам по себе не приводит к революции, но создает условия. Контрэлиты, перешедшие в оппозицию старому режиму, должны для его разрушения мобилизовать массы и наделить их идеями, вдохновляющими на разрушение. И вот здесь-то в первую очередь срабатывает разрушительная сторона процесса модернизации.

Революцию можно рассматривать как проблему, связанную с двумя принципиально разными образами жизни человека: традиционным и современным. Переход от одного к другому не обязательно революционен, но он во всех случаях является крайне болезненным. Для лучшего понимания проблемы ее можно сравнить с проблемой подросткового кризиса. Подросток переходного возраста порой ведет себя разрушительно, но является ли протест свидетельством ущербности? Являются ли признаком ущербности бунт, направленный против родителей, стремление подчеркнуть свою индивидуальность вычурной одеждой или прической, желание строить жизнь по собственным планам, а не по планам, сформулированным семьей и школой? Является ли признаком ущербности подростковая депрессия, связанная с непониманием смысла своей самостоятельной жизни? Нет, подростковый кризис является признаком здорового развития, а не ущербности. Инфантильный подросток, возможно, не доставит семье и школе больших проблем, но может в будущем оказаться не приспособлен к самостоятельной жизни. А переживший кризис подросток к этой жизни будет постепенно адаптироваться. Ведь кризис является признаком того, что человек развивается, перестает быть ребенком и обретает черты, позволяющие жить без опеки. Другое дело — кризис действительно надо пережить, а не утонуть в нем, не пойти вразнос и не дегradировать. Кризис можно пережить с большими или меньшими потерями. Можно быстро взять себя в руки, а можно сильно отстать от сверстников из-за последствий своего асоциального поведения. Успешность преодоления подросткового кризиса будет зависеть как от свойств личности подростка, так и от влияния окружающей среды.

С модернизацией дело обстоит похожим образом. Общество, прочно засевшее в средневековых проржавевших скрепах (сельская община, крепостное право, самодержавие, церковный ритуал), не устроит революции (разве что смуту!), но не добьется и индустриализации с урбанизацией, не повысит уровень жизни и образования, не создаст системы социального страхования. Лишь меняющееся общество способно на развитие. Но вместе с позитивными переменами развитие плодит и негативные. Революция может оказаться спутником модернизации. И это мы вынуждены принимать. Другое дело — революцию желательно переживать с наименьшими потерями, чтобы общество не пошло вразнос и не затормозило модернизацию из-за желания вернуться к старым спасительным скрепам, принявшим форму колхозов, тоталитаризма и единственно верной идеологии.

Думается, историк Борис Миронов удачно связал модернизацию с зарождением предпосылок революции, введя понятие «аномия успеха». Успех в хозяйственной сфере вовсе не противоречит появлению проблем, способных нарушить жизнь модернизирующегося общества. Согласно концепции Миронова, модернизация способствует росту социальных, политических и экономических противоречий. Чем быстрее и успешнее она идет, тем, как правило, выше конфликтность и социальная напряженность в обществе. Нарастание протеста порождается, с одной стороны, дезориентацией людей и связанной с ней социальной напряженностью в обществе, а с другой — полученной свободой, ослаблением социального контроля и возросшей социальной мобильностью. Хотя экономика растет, она не способна быстро удовлетворить все группы населения. Так возникает аномия успеха. При взгляде на развитие с высоты птичьего полета оно выглядит явно

успешным. Но при взгляде из хижины человека, не вписавшегося в модернизацию, картина совершенно иная.

Аномия отдельного человека возникает именно от успеха страны в целом, то есть оттого, что экономика быстро развивается, растет производительность труда, многие люди вытесняются из привычных им ниш в системе разделения труда и вынуждены искать иные ниши для выживания. Если бы человек был всего лишь бесчувственной машиной, которую можно включать и выключать в любом месте в любое время, успех не имел бы, возможно, обратной стороны. Но человек традиционного общества, не привыкший адаптироваться в новых условиях, поскольку его отцы, деды и прадеды потребности в адаптации не испытывали, тяжело переживает перемены. Возможно даже, что в новых условиях его материальное положение улучшается (хотя не всегда), тем не менее он страдает из-за отсутствия привычного окружения, привычного распорядка жизни, привычных смыслов и привычного патернализма. Поэтому плохо адаптировавшийся к перемене условий человек (крестьянин, перебравшийся в город) мог чувствовать себя ущемленным и легко поддаваться на агитацию заинтересованных лиц, готовых использовать его для достижения своих целей.

Населенный бездушными существами распутный и пошлый город представлялся ему в виде глубокой пропасти или засасывающего несчастных людей водоворота. В таком месте аномия была неизбежна, но мог появиться «спаситель», вытаскивающий бедолагу из пропасти бездуховности, разоблачающий вампиров эксплуатации и демонстрирующий, как превратить чужую толпу в братьев по классу. «Спаситель» этот на самом деле был лишь соблазнителем, но чем на деле обернется кажущееся спасение, человек в условиях аномии понять не мог.

В общих чертах мы сегодня вполне можем представить себе механизм этого «спасения», поскольку в советское время

записывались и публиковались воспоминания «сознательных» рабочих, то есть тех, кто в царские времена приобрел поверхностные марксистские знания и обратил их на службу классовой борьбе. Картина просвещения пролетариата выглядит примерно следующим образом. Молодой рабочий, склонный к бунтарству и в то же время задумывающийся, как ему жить, сходил на заводе со старшим товарищем, интересующимся не только деньгами, гулянкой и выпивкой. Выяснилось, что этот товарищ заходит в некий кружок, собирающийся на частной квартире. В этом кружке рабочие совместно читали случайно попавшие к ним книжки и прокламации. Более сложный вариант просвещения состоял в обучении, при котором некий студент проводил уроки для пролетариев, рассказывал о борьбе трудящихся за рубежом и помогал ученикам разбираться в относительно сложных книгах. Такого рода обучение не давало серьезных марксистских или народнических знаний, но настраивало рабочего против капитализма, рождало в его душе ненависть к эксплуатации. Вчера еще, возможно, рабочий удовлетворялся тем, что имеет хороший заработок, приличное питание, жилье и городские развлечения, которых лишены его родные в деревне. Но под воздействием «обучения» он обращал все большее внимание на длинный рабочий день, жесткую трудовую дисциплину и незначительность доходов трудящихся в сравнении с прибылями капиталистов. стакан, который был наполовину полон, становился теперь наполовину пустым. Рабочий начинал искать дополнительных знаний, формировал библиотечки, включающие запрещенные книги, просил членов рабочего кружка и студентов-учителей сводить его со все более знающими людьми. В конце концов он мог выйти на профессиональных революционеров, приобщавших его к работе по разрушению социального строя. «Сознательный рабочий» сам превращался теперь в организатора забастовок

и распространителя прокламаций, воздействовавших на новые отряды молодых пролетариев, недавно пришедших из деревни. Образовательные кружки становились порой базой для культурного сближения, формировавшего в бунтарской среде духовную близость: рабочие встречались теперь по праздникам, пили чай, беседовали, пели революционные песни.

Теодор Шанин показал, из кого в подобных условиях сформировался основной отряд, совершивший революцию. Согласно классическому марксизму, сознательный пролетариат экспроприирует экспроприаторов, понимая, что ему нечего терять, кроме своих цепей. Шанин же показал, что в России опорой большевиков в 1917 году стали молодые рабочие, недавно приехавшие из деревни и не являвшиеся сознательными даже с точки зрения марксизма. Многие из них во время революции 1905–1907 годов еще жили, по всей видимости, на селе и готовы были крушить все вокруг, демонстрируя не знание железных законов истории, но склонность к русскому бунту, бессмысленному и беспощадному. Женщины и особенно влиятельные в сельской общине старики порой сдерживали этот безумный напор молодежи. Но когда бунтовщики оказались в городе, сдерживающая их сила исчезла. Нормы жизни стали совершенно иными. На смену традиционным ценностям пришли ценности, проповедуемые разного рода пропагандистами. В 1912–1914 годах обозначился раскол между старыми профсоюзными активистами, поддерживавшими меньшевиков, и молодыми людьми, которые во время первой революции были детьми и подростками (причем это часто были сельские мигранты, только что приехавшие из деревни). Молодые мужчины в большинстве своем поддерживали большевиков и эсеров. Именно благодаря их поддержке большевики сумели упрочить свое влияние на петербургских заводах и фабриках в 1912–1917 годах, что стало

решающим фактором в событиях рокового 1917-го. Остается гадать о причинах этого влияния, однако важно отметить, что опыт поражения и разочарований 1905 года, массовая безработица 1906–1910 годов и зрелище неудачных попыток социалистов удержать свое организационное влияние в период спада мало значили для этой группы. Ее представители жаждали бросить открытый вызов политике «малых дел» и связанным с ней настроениям, отмечал Шанин.

В известной мере все сказанное в отношении аномии относится не только к рабочим, но и к широким слоям горожан, не удовлетворенных жизнью и легко вовлекаемых в массовый протест. В том числе к тем, кого марксизм именуется мелкой буржуазией. Революция представляла собой скорее большой бунт маленького человека, чем организованное выступление сознательных могильщиков буржуазии, предписывавшееся с середины XIX века «Манифестом коммунистической партии». Все «пролетарии умственного труда» — от учителей и студентов, рефлексирующих по роду своей деятельности, до скучающих дам и лакеев, заполняющих пустоту дней разнообразными «глубокими» мыслями, — генерировали в условиях аномии успеха всевозможные разрушительные идеи. Образованные и полуобразованные люди оказались столь же оторваны от своих корней, столь же дезориентированы, как пролетарии. И при этом имели значительно большие амбиции, чем рабочие: считали себя умниками, способными быстро усвоить из книжек логику исторического развития. Революция делалась на огромном городском пространстве, гораздо более сложном, чем пространство заводской рабочей окраины.

Таким образом, можно сказать, что имелись серьезные объективные основания для революции 1917 года. Вовсе не обязательно она должна была перерасти в Октябрьский переворот, совершенный большевиками, но трудно представить

себе ход событий, при котором рано или поздно социальные противоречия, обострившиеся в ходе модернизации России, не сказались бы на политическом строе. Почему же Великие реформы произошли в нашей стране так поздно? Может быть, мягкая, постепенная трансформация общества в тех условиях, когда еще не могло случиться столь быстрой урбанизации и индустриализации, помогла бы избежать революции? Может быть, растянутый на долгое время успех позволил бы избежать массовой аномии? Для ответа на эти вопросы нам следует еще глубже погрузиться в «колодець прошлого» и рассмотреть, как и когда ставился вопрос об отмене крепостного права.

Альтернатива четвертая. Русская революция 1933 года

Мы выяснили уже, что Октябрьская революция вовсе не была predetermined ходом российской истории, то есть не были predetermined правление большевиков, их участие в организации мировой революции и формирование административной хозяйственной системы. А была ли predetermined русская революция как таковая? Обречены ли мы были на Февраль 1917-го и падение монархии?

Если взглянуть на общую картину хода европейской истории Нового времени, то напрашивается пессимистический вывод. Трудно найти страну, которая обошлась без революции. Во всяком случае, страну большую — с множеством разнообразных внутренних различий и, соответственно, противоречий.

Своеобразным чемпионом в этом деле является Франция, прошедшая через четыре чрезвычайно жесткие и масштабные революции — в 1789, 1830, 1848 и 1871 годах. Каждый раз революции приводили к смене правящего режима, а последствия первой — так называемой Великой французской революции — ощущались до падения наполеоновского режима (1815).

Не сильно отстала от Франции в революционной гонке Австро-Венгрия. Начала она несколько позже: в 1848 году, когда революционная волна прокатилась по большей части Европы. Первая мировая война завершилась распадом этой империи, что в известном смысле уже можно считать революцией, но

в Венгрии, в дополнение к прочим бедам, установилась на некоторое время советская власть. Наконец, в 1989-м по странам Центральной и Восточной Европы, являющимся своеобразными наследниками Австро-Венгрии (Венгрия, Чехословакия, Польша), прокатилась волна революций «бархатных» — мягких и демократичных, но все же революций, поскольку они свергли старые коммунистические режимы.

Испания медленно входила в революционную гонку. По-настоящему мощной и кровопролитной стала гражданская война 1930-х. Но уже в XIX веке Испания прошла через ряд пронунсиаменто — переворотов, которые не совсем вписывались в привычную революционную картину, но все же отражали накопившиеся противоречия в испанском обществе. Не стоит списывать со счетов и боливарианское революционное движение в Латинской Америке. Оно хоть и было за океаном, но отражало накопившиеся противоречия между колониями и метрополией.

Не следует забывать про революции в Англии. Первая страна, двинувшаяся по пути построения промышленного капитализма, и революции начала делать первой — в XVII веке. 1640-е обернулись гражданской войной, а в 1688 году произошла так называемая «Славная революция» — мягкая, но очень важная. В XVIII веке случилась Американская революция (война за независимость от Англии), и лишь с XIX века ход английской истории стал сравнительно мягким, демократичным, что позволяло забыть про трагические катаклизмы, с которых все начиналось.

Германия прошла через революции в 1848-м и 1918-м. Первая была мягкой, вторая привела к падению империи и длительной политической неустойчивости, обернувшейся формированием нацистского режима, который рухнул лишь в 1945-м. Думается, кстати, что фашистская (нацистская)

диктатура является в ряде случаев обратной стороной революционности общества. Возможно, в Италии сравнительно ранний приход фашизма избавил страну от революции, но обернулся в конечном счете гораздо большими бедствиями для народа.

Можно ли на всем этом мрачном фоне говорить о том, что для России революция была случайностью? Вряд ли. В нашей огромной стране, пронизанной социальными, этническими, религиозными, межрегиональными противоречиями, рано или поздно должно было «рвануть». Можно, конечно, порассуждать о том, что мудрое государственное управление — в меру жесткое, чтобы пресечь хаос, и в меру мягкое, чтобы не плодить униженных и оскорбленных, — могло бы избавить Россию от революций. Однако накопление огромного комплекса противоречий, связанных с модернизацией, резко снижает вероятность проведения поистине мудрой политики. Чем сложнее ситуация в низах общества, тем меньше шансов у верхов аккуратно вырваться из кризисной ситуации. Верхи сами по себе расколоты противоречиями и имеют множество совершенно несовместимых друг с другом рецептов антиреволюционной деятельности: от народолюбия, просвещения и конституционализма до «бараньего рога» и «ежовых рукавиц».

Скорее всего, революция не миновала бы Россию, но она не обязательно должна была разразиться в 1917 году. Ее ускорителем стала мировая война, обострившая ряд и без того сложных противоречий. Могла ли Россия избежать участия в Первой мировой? Теоретически — да, но на практике это было маловероятно. А если бы избежала той страшной войны, то разве могла отсидеться в стороне от следующей? Кроме того, надо принять во внимание, что ускорителем революции может стать не война, а, скажем, мощный экономический кризис. Он,

кстати, возникает объективно и, в отличие от войны, не зависит от решения властей. Но если бы Россия оставалась капиталистической до начала 1930-х, смогла бы она без революции пережить Великую депрессию, которая оставила бы без работы многих возбужденных антикапиталистическими настроениями пролетариев?

Если Россия и не была обречена на катастрофу 1917 года, она вряд ли смогла бы остаться счастливым исключением на общем революционном фоне.

Миф четвертый. О рабской душе народа

Все мы помним, как тосковал по крепостному праву чеховский Фирс из «Вишневого сада». Свобода оказалась для него истинным бедствием. Фирс в своей тоске по рабству был не одинок. Многим крепостным людям было гораздо спокойнее существовать в неволе. Есть земля. Есть традиция. Есть привычный и понятный образ жизни. Нужно лишь, чтобы барин был помягче, царь подальше, а Бог поближе. Нужно, чтобы барщина была нетяжела, оброк невелик, а рекрутский набор редок. И чтобы природа благоволила урожаю, чтобы голодные годы по воле Господа нас миновали. Коли все хорошо сложится, зачем нужна свобода?

Подобная философия вполне понятна. Вряд ли стоит отрицать ее существование в народной среде. Но можно ли, как это порой у нас делается, выводить из нее все многовековые российские проблемы? С давних времен у некоторой части русской интеллигенции существует миф, согласно которому наш простой человек — раб по натуре. То ли от ордынского ига такая натура у нас образовалась? То ли от деспотии Ивана Грозного? То ли здесь вообще есть какая-то национальная черта, истоки которой кроются во мраке бездонного исторического колодца? Если подобная теория верна, то переход от деспотии крепостничества к деспотии сталинизма не нуждается ни в каких объяснениях. Мужик, мол, сам тянется к рабству. Случайно выбравшись из одного, тут же попадает в другое.

Это, конечно, миф. В подобном поведении нет ничего национального. Над рабской ментальностью народа подшучивал, например, Генрих Гейне в стихотворении «Китайский богдыхан»:

*Мятежный дух исчез совсем.
Кричат маньчжуры дружно:
«Нам конституция зачем?
Нам палку, палку нужно».*

Имелись в виду, конечно, не маньчжуры и не русские. Гейне волновали немецкие привычки: палочная система формирования дисциплины, которая утвердилась в Пруссии и до поры до времени вполне устраивала цивилизованное немецкое общество.

Вообще-то при самоуничижительных размышлениях о российском рабстве стоит помнить, что оно отнюдь не являлось уникальным для Европы явлением. Крепостного права избежали немногие народы. Например, скандинавы (кроме датчан). Другое дело, что в Западной Европе оно прекратило свое существование еще до наступления Нового времени. В России же, наоборот, именно в Новое время (примерно с конца XVI века) оно расцвело. Впрочем, не только в России. Крепостное право было характерно практически для всех регионов Центральной и Восточной Европы. Условная граница между зоной свободы и зоной крепостничества проходила по реке Эльбе. Таким образом, не только в России, Польше, Венгрии, Чехии, но и на значительной части германских земель (в Пруссии) и в Балтии (Эстляндия, Лифляндия, Курляндия, Литва) рабство долго сохранялось. В Австро-Венгрии оно было отменено в конце XVIII века, в Пруссии — в начале XIX столетия.

Но и в странах Западной Европы дело обстояло не так благополучно, как порой представляется. Постепенная ликвидация рабства на собственных территориях заменялась распространением рабства в колониях, где оно приносило бизнесу хороший доход. А кроме рабства испанцы практиковали такие формы зависимости для индейцев, как энкомьенда и мита, чрезвычайно похожие на восточноевропейское крепостничество. По-настоящему мощное протестное движение, отрицающее рабство в принципе, развернулось в Западной Европе лишь в конце XVIII века. Ликвидировано оно было в Великобритании в 1838 году, а во Франции — в 1848-м. Таким образом, английские и французские колонии ощутили свободу даже позже, чем земли, на которых было распространено крепостничество в Австро-Венгрии и Пруссии. В США рабство исчезло в ходе Войны Севера и Юга в 1860-е годы. В Бразилии и на Кубе оно держалось дольше, чем крепостное право в России.

Таким образом, неверно объяснять разные формы деспотии национальными, а тем более этническими особенностями людей. Свобода как фундаментальная ценность представляет собой сравнительно новое явление для человечества. За нее начали бороться лишь в Новое время и постепенно добивались результата то в одной стране, то в другой. Россия как страна догоняющей модернизации не была лидером в борьбе за свободу. Но и отставание наше в данной сфере жизни не столь существенно, как вытекает из разных полушутливых, но не слишком точных сравнений. У нас, например, любят говорить, что, когда в России отменили крепостное право, в Лондоне построили первое метро. Это действительно так. Но для полноты картины следует помнить, что рабство в Великобритании отменили лишь за четверть века до пуска первой линии метрополитена.

Объяснение причин формирования крепостного права в России — это отдельная сложная проблема. Мы дойдем до нее ближе к концу этой книги. Недооценивать значение крепостничества столь же опасно для понимания специфики исторического пути России, как и переоценивать. Мы действительно долгое время были «рабами», но у этого явления существует вполне рациональное объяснение, связанное не с культурой российского общества, а с некоторыми историческими особенностями России.

Глава пятая. О том, как Александр Николаевич превзошел Николая Павловича

Давайте-ка перенесемся лет на сто в прошлое от бурных событий Первой мировой войны и русской революции. Тихая патриархальная Россия... В городах еще нет аномии успеха... Да и успеха-то самого нет... А если уж писать откровенно, то нет и самих городов как центра сосредоточения промышленности. Не слишком далеко отходя от истины, можно сказать, что русские города того времени — это большие деревни, где мещанское население по образу жизни чрезвычайно похоже еще на крестьянское. Вот бы тогда взять и отменить крепостное право! Изменить характер отношений в деревне до тех пор, пока мрачный город не подхватил обедневших русских мужичков, не втянул в свой кошмарный, беспокойный образ жизни, не перемолол крестьян в пролетариев, не сделал из «мыслящих пролетариев» безумных революционеров! Так и представляешь себе прекрасный зимний денек, когда высоченный красавец император на лихом коне выезжает на большую столичную площадь и, обратившись лицом к Медному всаднику, зачитывает манифест об отмене рабства... Фанфары... Фейерверки... Радостные крики благодарного народа... Новый отец отечества явился.

Увы, в мрачный декабрьский денек 1825 года высоченный красавец император Николай Павлович, выезжая на лихом коне

к Сенатской площади, был поглощен совершенно иными мыслями. Он, собственно, не был еще даже императором. Только принцем. И на манер принца Гамлета размышлял: быть или не быть? Быть ли ему императором в этот день или собравшиеся на площади офицеры-бунтовщики (позднее названные декабристами) с помощью доверившихся им нижних чинов пресекут благословенное правление Николая I в первый же день его царствования? Размышления типа «быть или не быть?» перерастали в «бить или не бить?». Бить ли государю своих солдат, совершивших в 1812 году подвиг, прошедших затем от Москвы до Парижа, а теперь взбунтовавшихся, или урегулировать инцидент мирными средствами: уговорами и уверениями в том, что Константин Павлович — старший брат Николая — действительно отрекся от престола и нет смысла далее хранить ему верность?

Страшный денек 14 декабря 1825 года завершился успешно для императора, однако наверняка наложил отпечаток на все его дальнейшее тридцатилетнее правление. Вплоть до самой своей кончины Николай I должен был помнить о том, как сложно управлять дворянством, если оно выходит из подчинения. В «тихой патриархальной России» не могло быть еще катаклизмов, связанных с формированием пролетариата и аномией успеха, но государю хватало забот, связанных с аристократами, которые, как лебедь, рак и щука, тянули «воз старой империи» в разные стороны. «Раки», думающие о своих шкурных интересах, тянули назад, не желая поступиться правами крепостников. Вольнолюбивые, просвещенные «лебеди» рвались в облака, мечтая о свободной России, за которую не стыдно перед европейцами. А зубастые «щуки-бюрократы» лавировали между различными группами дворянства, стремясь сохранить самодержавие и не давая ни одной из них прорваться к власти.

Но тихой патриархальной России не существовало. Точнее, патриархальной она была, но никак не тихой. Бури политических катаклизмов волновали ее и до начала процесса модернизации. Отвечая на некрасовский вопрос, кому на Руси жить хорошо, православный, самодержавный государь, скорее всего, себя бы не назвал. Начнешь прогрессивные преобразования — схлопочешь от консерваторов. Станешь зажимать гайки — восстанут прогрессисты. Симпатизируешь Пруссии — придет бравый вояка, скажет, что русские, мол, прусских всегда бивали, и государя прибьет заодно. Встанешь за Францию — глядь, англomаны уже замок штурмуют. Ну а поляки и казаки — это вечная головная боль. В общем, если и приходится русскому царю умирать в своей постели, то порой от «апоплексического удара табакеркой по голове».

О том, как Николай Павлович лавировал, лавировал, да не вылавировал

Ко всем этим объективно существовавшим проблемам надо добавить субъективные. Великий князь Николай Павлович, имевший двух старших братьев, никогда не предполагал стать императором. И никто в царской семье этого не предполагал. В розовых мечтах матушки-царицы Екатерины Александру доставалась Россия, Константину — отвоеванная у турок Греция, а Николаю при любом раскладе власть вообще не светила. По духу своему он был гвардейским офицером. И образование получил лишь на офицерском уровне, о чем сам говорил в воспоминаниях. При этом гвардейские офицеры Николая недолюбливали. Князь он был великий, но в душе мелковат. Мелочности в его поведении было много, а великодушия мало. Когда после смерти Александра и отречения Константина на Николая внезапно свалилась империя, да еще столь могучая после Наполеоновских войн, что должна была в известной мере решать судьбы Европы, новоявленный император испытал шок и растерянность: вдруг гвардия его не примет?

Гвардия худо-бедно приняла, но забыть шок было уже невозможно. Государь ощущал веления времени и хотел преобразований, но прошлое на него слишком сильно давило. Особенно потрясение, полученное 14 декабря. Николай стал лавировать вместе со своей бюрократией. Поражение декабристов привело к тому, что вопрос о реформах оказался отложен надолго.

Николай I, наследовавший престол после смерти Александра I, на первый взгляд вроде бы проводил политику, прямо противоположную свободолобивому курсу старшего брата. Расхождение путей двух братьев определялось скорее не столько личными характерами, сколько объективными обстоятельствами. Если Александр Павлович в момент восшествия на престол надеялся на поддержку значительной части общества, то Николай Павлович общества опасался. Особенно той реформаторской его части, которая, вместо поддержки преобразований, осуществляемых сверху, вышла вдруг бунтовать на Сенатскую площадь. Новый император понял, насколько шатким может оказаться российский престол в том случае, если влиятельные группы интересов (особенно вооруженные) попробуют его расшатать. Объективно царь вынужден был с первого дня своего царствования опереться на консервативную часть общества.

В 1834 году Николай Павлович признавался, что говорил об отмене крепостного права со многими из своих сотрудников и ни в одном из них не нашел прямого сочувствия. Шеф жандармерии Александр Бенкендорф прекрасно понимал, что крепостное состояние — это пороховой погреб под государством, но полагал при этом, что не следует спешить с просвещением, поскольку просвещенный народ может поднять руку на своих правителей. Впрочем, позиция Бенкендорфа — это еще полбеда. Склонность жандармов к консерватизму и охранительству хорошо известна и вполне естественна. Зато репутация министра финансов Егора Канкрин вроде бы неплоха. Финансисты у нас часто считаются либералами. Они обычно лучше понимают важность свободы для развития экономики. Тем не менее Канкрин тоже не приветствовал перемены. Одно лишь название записки, подготовленной им в 1827 году, много говорит о «готовности»

Егора Францевича к сложным и энергичным действиям: «О постепенном улучшении крепостного состояния крестьян без вреда для помещиков и без потрясения внутреннего спокойствия». По воспоминаниям графа Павла Киселева, Николай I говорил ему, что давно убедился в необходимости преобразования положения крестьян, «но министр финансов от упрямства или неумения находит это невозможным. Я его знаю и потому <...> решился приступить к нему сам».

При таких соратниках, как Бенкендорф с Канкриным, а также непосредственно тормозившие реформы военный министр Александр Чернышев, министр внутренних дел Лев Перовский и новый (после кончины Бенкендорфа) шеф жандармов Алексей Орлов, осуществлять преобразования императору оказалось сложно. Сохранялась опасность потерять друзей в одном лагере, не приобретя их в другом. Тем не менее Николай понимал необходимость реформ и, как умел, продолжал их готовить. Крепостное право он считал злом. При этом землю считал дворянской.

В период николаевского царствования подготовкой преобразований занимался граф Киселев, который ранее сумел осуществить реформы в оккупированных Россией Дунайских княжествах, где крестьяне не только перестали быть крепостными, но и приобрели гражданские права. Реформы Киселева существенно изменили в лучшую сторону положение государственных крестьян в России. Однако, несмотря на киселевские наработки, по-прежнему оставалось неясно, как конкретно решить проблему крестьян помещичьих, примирив конфликтующие группы населения. Работа секретных комитетов (в 1846 и 1848 годах их возглавлял будущий император Александр Николаевич) ни к чему не привела. И дворяне, и крестьяне считали землю своей, поэтому при ее разделе неизбежно появлялись проигравшие. А поскольку

оптимального варианта раздела, минимизирующего риск возмущения той или иной стороны, не было найдено, император ничего не предпринимал, хотя очень ценил графа Киселева и часто с ним откровенно беседовал о проблемах развития России. Николай Павлович считал себя самодержавным и самовластным государем, но при этом, по его собственному признанию, не решался указывать помещикам в таком важном деле, как крестьянское.

Преобразования в судебной сфере развивались примерно так же, как в крестьянской. Граф Дмитрий Блудов (конформист и убежденный поклонник самодержавия) по велению императора подготовил проект реформы гражданского судопроизводства и даже ввел в него, по примеру центральноевропейских стран, некоторые элементы состязательности. Но их одобрению мешало упорное сопротивление министра юстиции графа Виктора Панина. Волокита с обсуждением деталей тянулась до смерти Николая I, а при его наследнике встал уже вопрос о более серьезных преобразованиях, и блудовский проект умер.

Самые важные изменения во времена правления Николая происходили не в государственном аппарате, а в обществе, где шел, по выражению Александра Оболонского, «процесс медленного размывания прежних стереотипов». Публицист Иванов-Разумник назвал николаевское время эпохой официального мещанства, имея в виду, что власть, опасавшаяся западных веяний, делала все возможное для препятствования развитию интеллектуальных процессов. Возможно, это была слишком жесткая характеристика, но цензура, аресты, а также ограничения на заграничные поездки действительно мешали свободомыслию. И все же остановить трансформацию общества не удалось. В 1830–1840-е годы оно вновь коренным образом стало меняться, причем в больших масштабах, чем раньше.

Умственная жизнь начинает быстро развиваться в нашем поколении, — отмечает в 1832 году в своем дневнике молодой университетский преподаватель Александр Никитенко, сын крепостного (мать и брат его оставались в неволе, даже когда он стал цензором и главным редактором журнала). — Но пока еще это жизнь младенца. Все в ней незрело: только порывы к благородному и прекрасному. <...> Нет еще самостоятельности в умах и сердцах.

Тем не менее Третье отделение констатировало, что в России есть общественное мнение, которое нельзя навязать сверху и которым можно лишь в известной степени манипулировать. Как отмечал историк российского либерализма Виктор Леонтович, «это была эпоха, в которую незаметным образом один строй сменялся другим, а именно — крепостной строй строем гражданским». Пришло новое поколение людей, значительно лучше своих отцов и дедов знакомое с событиями, происходившими в европейских странах. Да и сама Европа к тому времени качественным образом изменилась. В итоге воздействие постепенно утверждавшейся в Европе свободы на несвободную Россию значительно усилилось.

Выдающийся российский историк и правовед Борис Чичерин лучше всех объяснил суть такого возникшего в новом поколении явления, как западники:

Никакого общего учения у них не было. В этом направлении сходились люди с весьма разнообразными убеждениями: искренно православные и отвергавшие всякую религию, приверженцы метафизики и последователи опыта, социал-демократы и умеренные либералы, поклонники государства и защитники чистого индивидуализма. Всех объединяло одно: уважение к науке и просвещению. И то, и другое очевидно можно было получить только от Запада, а потому сближение с Западом они считали великим и счастливым событием в русской истории.

В принципе славянофилы, как и западники, уделяли большое внимание открытиям, совершенным в европейских странах, но при этом упор делали на самобытность отдельных народов, формирующуюся под воздействием местных обстоятельств.

В плане отмены крепостного права, развития земского самоуправления и формирования справедливого суда образованные славянофилы были, по сути, западниками, хотя их взгляд на историю и глобальные перспективы России оставался специфическим.

Появление такой категории интеллектуалов, как западники, свидетельствовало, что часть общества осознанно и целенаправленно стремится модернизировать Россию по взятому из-за рубежа образцу. К этому времени сформировалась целая когорта людей, которая получила образование в Германии (как пушкинский «Владимир Ленский с душою прямо геттингенской», который из «Германии туманной привез учености плоды: вольнолюбивые мечты, дух пылкий и довольно странный») и восприняла германскую философию в качестве последнего слова науки. В немецкие университеты юношей выпускали легко, поскольку российским властям Германия казалась здоровой и патриархальной, в отличие от буйной революционной Франции. Однако тайное франкофильство было в Германии очень сильным, а потому студенты возвращались в Россию с комплексом прогрессивных европейских идей. Некоторые русские мыслители нового поколения взяли за образец германскую философию особого пути, чтобы выстроить аналогичную систему в России. Но большая часть все же, не мудрствуя лукаво, стремилась к тому, чтобы осуществить у нас реформы, близкие по духу германским, и совершить техническую революцию, близкую по духу английской. А самые радикальные западники мечтали о социальной революции на манер французской. Именно тогда один из героев Стендаля сказал, что русские делают все то же самое, что французы, но с опозданием на пятьдесят лет.

Новые идеи, формировавшиеся как в больших университетских аудиториях, так и в узких интеллектуальных

кружках, стали в ту эпоху быстро распространяться по России благодаря журналам, которые, по справедливому замечанию Александра Герцена, «вбирают в себя все умственное движение страны». Кроме того, журнал был адаптирован к текущему состоянию умов. Как отмечал Василий Жуковский, работая над «Вестником Европы», книга

действует исподволь на некоторых частных людей, и очень медленно; напротив, хороший журнал действует вдруг и на многих, одним ударом приводит тысячи голов в движение. <...> Сочинения, обычно помещаемые в журналах, не требуют такой утомительной работы внимания; они вообще кратки, привлекательны своей формой; <...> Ум в движении, любопытство возбуждено, воображение и чувства пылают.

К середине XIX века сошлось несколько связанных с развитием общества важных обстоятельств, которые подготовили кардинальные перемены. Несколько упрощая, можно сказать, что новые реформаторские идеи в ту эпоху победили старые консервативные интересы. В основе новой духовной атмосферы лежала, конечно, вольность дворянская. Выросло три поколения непоротого (как в прямом, физическом, так и в переносном, духовном смысле) дворянства. Лучшие представители общества не были жестко связаны своей службой с самодержавием. Они могли использовать свободное время на интеллектуальное развитие — читать, писать, дискутировать, путешествовать (хоть и с налагаемыми властью на эту свободу ограничениями). Они могли заниматься хозяйством и зарабатывать средства для существования, используя не государственные, но рыночные источники. Развитие образования сформировало интеллектуальную базу для правильного восприятия свободы. Она теперь рассматривалась многими представителями дворянства как важнейший ресурс для развития, а не как возможность всю жизнь оставаться туповатым недорослем. При этом образованный человек чувствовал себя европейцем,

поскольку практически все элементы качественного образования «импортировались» из Европы. Соответственно, разрыв между европейскими идеями и российской действительностью стал восприниматься болезненно. Трудно было чувствовать себя европейцем и оставаться подданным самодержавного государя в стране с крепостным правом. Это по-разному влияло на жизнь выпускника Московского университета и провинциального помещика, чье имение затерялось на бескрайних российских просторах. Но журналы в той или иной форме доводили «европейскость» до самых дальних окраин России, откуда, как говорил гоголевский городничий, «хоть три года скачи, ни до какого государства не доскачешь».

Великие, но добровольно-принудительные реформы

Основной удар по крепостничеству нанесла вовсе не экономика, как можно было бы думать, глядя в прошлое из нашего века. В экономическом смысле крепостной труд мог бы еще какое-то время существовать, но в моральном он действовал отныне угнетающе не только на рабов, но и на господ, которые не могли себя ощущать одновременно и европейцами, и рабовладельцами. Путешествуя по западным странам, наши дворяне часто сталкивались с тем, что русских считают гуннами, грозящими Европе новым варварством. «Перемена сознания беззаконности права произошла не в крестьянах, а в помещиках, и, без сомнения, эта перемена инстинктивно осознается народом», — писал в 1856 году князь Дмитрий Оболенский.

Влиятельные бюрократы, утонченные мыслители, прагматичные помещики все чаще готовы были поддержать отмену крепостного права.

Крепостная система, — справедливо отмечает историк Борис Миронов, — заходила в тупик не из-за ее малой доходности, а по причине невозможности сохранения прежнего уровня насилия. <...> Время для отмены частновладельческого крепостного права наступило в конце 1850-х гг., когда общественное мнение склонилось к мысли о несовместимости крепостного права с духом времени.

Несовместимой с духом времени оказалась и старая правовая система, что предопределило необходимость судебной реформы. «России необходим еще новый Петр Великий, — писал в своем дневнике Никитенко. — Первый Петр Великий ее

построил. Второму надлежало бы ее устроить. Теперь в ней все в хаосе. Кто выведет ее из этого хаоса?»

Ощущение нетерпимости рабства и бесправия усилило поражение, понесенное в Крымской войне. Нельзя сказать, что этот военный конфуз продемонстрировал полную невозможность развивать производительные силы при крепостнических производственных отношениях, как выразились бы на этот счет марксисты. Связь между слабостью армии, уровнем развития промышленности и внеэкономическим принуждением в сельском хозяйстве была весьма сложной и неочевидной. Однако позор, который довелось испытать царскому режиму, неизбежно должен был укрепить позиции сторонников перемен.

В такую интеллектуальную атмосферу попал после своего восшествия на престол Александр II. Как справедливо отмечал в 1862 году известный публицист Дмитрий Писарев,

чтобы напасть на мысль об уничтожении крепостного права, мало быть гениальным человеком; надо еще жить в такое время, когда вопрос поставлен на виду, когда слышатся голоса за и против, когда, следовательно, важность этого очередного вопроса бросается в глаза даже такому человеку, который еще не знает, на чьей стороне логика и справедливость.

Характерны в этом смысле также «посткрымские» наблюдения племянника графа Киселева Дмитрия Милютина, ставшего позднее военным министром и крупным реформатором:

Мертвенная инерция, в которой Россия покоилась до Крымской войны, и затем безнадежное разочарование, навеянное Севастопольским погромом, сменилось теперь юношеским одушевлением, розовыми надеждами на возрождение, на обновление всего государственного строя. Препятствие строгий запрет на устное, письменное и паче печатное обнаружение правды был снят, и повсюду слышалось свободное, беспощадное осуждение существующих порядков.

Если бы правительство после Крымской войны, — отмечал министр финансов Михаил Рейтерн, — и пожелало возвратиться к традициям последних сорока лет, т. е. к неуклонному противодействию

стремлениям новейших времен, то оно встретило бы непреодолимые препятствия, если не в открытом, то, по крайней мере, в пассивном противодействии, которое со временем могло бы даже поколебать преданность народа — широкое основание, на котором зиждется в России монархическое начало.

В атмосфере массового осуждения крепостнической системы царь, справедливо полагавший, что лучше отменить крепостничество свыше, чем ждать, пока его «отменят» снизу, мог наконец осуществлять реформы, поскольку теперь они имели широкую поддержку и не противоречили доминирующим групповым интересам. Возле Александра II сложился кружок реформаторов, важнейшим из которых был его брат, великий князь Константин Николаевич. Круг влиятельных чиновников, непосредственно готовивших реформы (Яков Ростовцев, Николай Милютин, Юрий Самарин, князь Владимир Черкасский и др.), образовался в госструктурах.

Таким образом, длительное воздействие на Россию идей свободомыслия, приходящих с Запада, а также практическое изучение зарубежного опыта преобразований постепенно вели к изменению соотношения сил консервативных и реформаторских групп. Освобождение крестьянства выстраивалось исходя из представлений о необходимости учета их интересов. Крестьяне должны были получить землю, а дворяне — материальную компенсацию за нее.

Более того, надо было устранить признаки насилия со стороны власти. Реформа представляла собой своеобразное «принуждение к миру с крестьянами», которого император требовал от помещиков. Как отмечает Борис Миронов,

выработанную программу надо было непременно утвердить и реализовать под флагом добровольной инициативы дворянства. Иначе нарушались две статьи Жалованной грамоты дворянству 1785 г.: «Без суда да не лишится благородный имения» (11-я) и «Да не дерзнет никто без суда и приговора в силу законов тех судебных мест, коим суды поручены, самовольно отобрать у благородного имение или

оное разорять» (24-я). В силу этого Александр II хотел, чтобы подготовка реформы проходила гласно и, по крайней мере, формально с согласия дворянства и чтобы ее проведение выглядело как ответ на его обращение. Тем самым отмена крепостного права легитимировалась бы в глазах общественного мнения и ответственность за его подготовку, проведение и последствия до некоторой степени ложилась бы на само дворянство.

Друг императора виленский губернатор Владимир Назимов долго уговаривал литовских помещиков, и наконец они выступили с инициативой отмены крепостного права. Александр II милостиво с этой «инициативой» согласился.

Началась реальная подготовка крестьянской реформы. Впрочем, оказалось, что за нее выступает лишь меньшинство членов Государственного совета, несмотря на гуманизацию нравов, проходившую в XIX веке. И тогда император проявил волю и утвердил мнение этого меньшинства по всем спорным вопросам, имевшим программный характер. «Александр II, — пишет Борис Миронов, — принудил дворян к освобождению — включив их в сценарий любви дворянства к крестьянству и государю». Царь понимал всю рискованность таких действий. «Нельзя не признать за Александром Николаевичем той храбрости, которой не доставало покойному отцу его», — отмечал князь Дмитрий Оболенский.

Смелость, терпение и компромиссы

Нам стоит слегка отвлечься от последовательного погружения в исторический колодец Томаса Манна и задаться вопросом о том, почему в какой-то момент разного рода великие и не очень великие реформы, не так давно казавшиеся немислимыми, вдруг совершаются и радикально меняют жизнь страны. На примере Великих реформ сделать это лучше всего, поскольку все остальные преобразования в истории России воспринимаются нашим обществом неоднозначно. Горбачевскую перестройку и ельцинские реформы поддерживает демократически настроенная публика, тогда как сталинский жесткий курс — сторонники твердой руки. Петровские преобразования нравятся вестернизаторам, но не традиционалистам, а ленинская революция — радикалам, но не консерваторам. В столыпинских преобразованиях, осуществленных под лозунгом «сначала успокоение, потом реформы», кому-то не нравится жесткое успокоение, а кому-то — либеральные реформы. Что же касается Великих реформ, осуществленных царем-освободителем, то, несмотря на научную критику ряда конкретных подходов, трудно найти человека, который настаивал бы сегодня на сохранении крепостничества. Необходимость освобождения крестьян признается практически любым нашим современником, тогда как среди современников Александра II ситуация была совершенно иной.

Итак, что же заставило нашу страну сильно измениться в эпоху царя-освободителя? Если сказать кратко, то смелость, терпение и компромиссы. Реформы произошли не раньше, чем для них созрели объективные условия, но они потребовали от реформаторов, с одной стороны, готовности идти на риск, подставляя свои головы под удар многочисленных консерваторов, а с другой — готовности к компромиссам, тоже связанной с риском, поскольку она оборачивалась опасностью оказаться под пулями радикалов. В этой связи можно вспомнить так называемую «молитву Этингера»: «Господи, дай мне спокойствие принять то, чего я не могу изменить, дай мне мужество изменить то, что я могу изменить, и дай мне мудрость отличить одно от другого». Возможно, эта глубокая мысль и не принадлежала немецкому богослову XVIII века Фридриху Кристофу Этингеру, но, думается, все люди, желающие добиться успеха в преобразованиях социальной жизни, могут обращаться к Богу подобным образом.

Если рассмотреть вопрос о причинах успеха Великих реформ подробнее, то следует выделить шесть важнейших обстоятельств.

Во-первых, имела значение фигура самого царя. Субъективные факторы развития, наверное, не главные в истории, но все же очень важные. При сравнении Александра Николаевича с отцом и сыном это хорошо видно.

Николай I при всем его рыцарственном облике и уме, помогавшем понять важность преобразований, никак не мог на них решиться. Вряд ли у нас есть основания считать, что, проживи царь дольше, поражение в Крымской войне заставило бы его все же сдвинуться с мертвой точки. Николай не способен был решиться на реформы в молодости, когда человек обычно больше готов к радикальным действиям, а потому трудно представить его радикалом в старости. Трудно

представить себе реформы и в исполнении Александра III, доведись ему в силу каких-то причин принять страну от отца неререформированной. Александр Александрович был не очень хорошо образован, поскольку в наследники престола готовили его старшего, но рано умершего брата, и очевидно консервативен по природе: слишком легко поддавался он влиянию Константина Победоносцева и слишком быстро вышел из-под влияния реформаторов, в том числе своего дяди Константина Николаевича.

В отличие от отца и сына Александр II был хорошо образован (его наставником был поэт Василий Жуковский) и отлично знаком с европейской интеллектуальной атмосферой своей эпохи. Александр II был по природе решительным и смелым человеком. Он понимал, что может стать жертвой противников реформ, и тем не менее пошел на риск. Царь перенес целый ряд покушений, но не заперся в пригородном дворце с большой охраной, а продолжал готовить новые преобразования. С точки зрения человека XXI века он был далеко не идеальным европейцем: подавил Польское восстание, много ресурсов вложил в войну на Балканах, — однако естественная для XIX века имперскость императора не мешала ему продвигаться вперед в тех важных областях (экономика, право, образование, земское управление, строительство вооруженных сил), в которых и можно было продвинуться.

Как правило, реформы предъявляют запрос на таких сильных людей, как Александр II. Если в силу конкретно-исторических обстоятельств их не оказывается в нужное время в нужном месте, назревшие преобразования могут сильно задержаться или пойти в той форме, при которой используемые для излечения общества лекарства вызовут больше побочных последствий.

Во-вторых, важнейшее воздействие на преобразования оказывает картина мира, которая складывается в головах людей, представляющих элиту общества и оказывающих воздействие на принятие ключевых государственных решений. Европа в середине XIX века представлялась успешным процветающим миром, способным соблазнить отстающие страны (Россию, Испанию, Турцию и др.) на движение вслед за лидерами. В Европе активно шли урбанизация, индустриализация и формирование новых видов коммуникаций, причем их плоды становились все более очевидны для каждого, кто так или иначе следил за развитием экономики и общества. В частности, передвижение по железным дорогам нравилось элитам — путешествующим лично или перевозящим товары на большие расстояния, — тогда как «темные стороны» индустриализации волновали лишь маргиналов вроде молодого Фридриха Энгельса, описавшего положение рабочего класса в Англии.

В принципе, выгоды индустриализации были очевидны для многих и без того наглядного примера, который дала России Крымская война, но понесенное в ней поражение заставило размышлять над происходящими в мире переменами даже весьма консервативно настроенных людей. Стало ясно, что западные страны могут лучше вооружить свои армии и лучше обеспечить логистику с помощью флота, чем Россия, не имевшая даже железной дороги, ведущей из центра в южные регионы империи. В такой ситуации условный Запад стал чрезвычайно привлекательным для Востока, а западные институты стали рассматриваться как прогрессивные и заслуживавшие перенесения на российскую почву. На ней не оставалось места для почвенников, желавших уберечь Россию от откровенной вестернизации, и лишь трудности преобразований впоследствии создали нишу для формирования консервативного интеллектуального течения.

Можно подумать, что Запад всегда был для России манящим ориентиром, но это, конечно, не так. Скажем, в годы Первой мировой войны Запад, запутавшийся в противоречиях, допустивший кровавую бойню и потерявший на ней миллионы людей, привлекательным быть перестал, что стимулировало партию большевиков разрушать до основания старый мир и строить новый, утопический. В наши дни Запад также имеет много проблем, а наряду с ним формируется успешный Восток, что стимулирует нынче российские элиты ориентироваться на Китай.

Сложившаяся в головах картина мира во многом определяет характер преобразований. Если имеются соблазнительные образцы, реформы осуществляются, несмотря на преграды, которые существуют благодаря нашей зависимости от сложного исторического пути. В годы Великих реформ картина мира стимулировала Россию максимально использовать опыт стран Запада.

В-третьих, наши Великие реформы осуществлялись под воздействием сложившихся к XIX веку представлений о важности свободы как европейской духовной ценности. Подобные представления были сравнительно новыми даже для западных стран. Не стоит думать, будто они веками жили в условиях свободы. Обычно свободу воспринимали не как важнейшую цивилизационную ценность, а как сословное, конфессиональное или этническое преимущество. В Средние века дворяне ценили свободу для себя любимых, но не для крестьян, которых закабалляли. В годы Реформации глубоко верующие люди ценили право строить отношения с Господом по собственной модели, но не допускали наличия такого же права у иных конфессий. В Новое время купцы требовали свободы предпринимательства, но важнейшей частью их бизнеса становилась работоторговля. Лишь в конце XVIII века

европейцы стали в основном мыслить иначе. И постепенно перестраивать собственный мир, освобождая крепостных крестьян, запрещая работоторговлю и находя формы для совместного существования людей, мыслящих по-разному.

Россия входила в «мир свободы» с некоторым опозданием по сравнению с теми странами, в которых либеральные и фритредерские идеи вырабатывались ведущими мыслителями. Но в целом события, происходившие у нас, вполне соответствовали духу эпохи. Если успешная индустриализация стран Запада формировала в головах россиян рациональные причины необходимости реформ, то распространение в Европе свободлюбивых идей формировало причины иррациональные. Откровенному крепостнику и охранителю становилось неуютно жить в европейском обществе. Даже если его личные интересы заставляли все же противиться переменам, трудно было публично настаивать на своих взглядах. На человека, противящегося доминирующему общественному мнению, косо смотрят в салонах. О нем постоянно шушукуются за спиной. Его начинают избегать. Распространение свободлюбивых идей не было в России столь массовым, чтобы их противники сделались изгоями, но все же к середине XIX века стать либералом было гораздо проще, чем в конце XVIII столетия. Либерализм постепенно превращался из чудачества в нормальное состояние мысли. Умному человеку уже не грозило «горе от ума», а люди, сужденья черпающие «из забытых газет времен очаковских и покорения Крыма», со сменой поколений уходили в мир иной.

В-четвертых, огромное значение для реформ имеет смена поколений. Люди, сформировавшиеся в определенной интеллектуальной атмосфере, обычно с большим трудом отказываются от доминирующих идей своей молодости. Пересматривать фундаментальные взгляды в середине жизни,

а тем более в старости очень трудно, поскольку такой пересмотр в известной мере наводит на мысль о бессмысленности твоего предыдущего существования. Кроме того, трудно признавать правоту молодежи, которую ты вроде бы должен учить уму-разуму, тогда как в свете новых идей приходится самому у нее учиться. Даже среди выдающихся интеллектуалов на такое редко кто способен. Поэтому новые идеи широко распространяются в обществе не столько под воздействием зрелых размышлений, сколько под воздействием смены поколений: старики уходят в мир иной с непоколебимыми воззрениями вчерашнего дня, сетуя на порчу нравов, а молодежь вступает в сознательную жизнь, основываясь уже на иных идеях, легко принимая их без серьезных оснований и радуясь тому, что можно чувствовать себя значительно умнее отцов и дедов.

В России к середине XIX века новые идеи быстро распространялись среди поколения, к которому принадлежал сам Александр II. Какими бы достоинствами ни обладал царь, как бы ни был он лично настроен на серьезные реформы, ему ничего не удалось бы сделать без большого числа союзников и сотрудников. Великие реформы готовили в основном люди нового поколения, выросшие в николаевской России, но желавшие эту Россию изменить. Люди нового поколения по всей стране способствовали продвижению прогрессивных преобразований, практической реализации Великих реформ. Если бы не реформаторские намерения верхов, подавляющее большинство этих потенциальных союзников осталось бы в рядах конформистов, но высочайшая инициатива дала возможность людям проявить свои истинные склонности.

Наверное, было много интеллектуалов в николаевской России, которые, глядя на свое окружение, пессимистически оценивали будущее страны, полагая, что любые преобразования

утонут в болоте. Но смена поколений осушает болото. Доминирующие представления могут сильно перемениться за десяток-другой лет. Так вызревают любые преобразования в любую эпоху, если имеются объективные основания для формирования новых взглядов в новом поколении.

В-пятых, для того чтобы очередное поколение смогло воспринять идеи, быстро распространявшиеся за рубежом, и получить знания о том, насколько жизнь в иных землях отличается от нашей, должна существовать эффективная система коммуникации. Европейские идеи отнюдь не всегда могли легко проникать в Россию. Сегодня, в эпоху Интернета, трудно понять важность географических и технических ограничителей распространения информации. Но если мы мысленно перенесемся в XVI или XVII век, то обнаружим, насколько малы были возможности получения информации из зарубежных книг и насколько ничтожны были возможности для совершения дальних путешествий. Если уйдем еще дальше в прошлое, в эпоху, когда не существовало книгопечатания, то обнаружим, что много веков назад могли активно коммуницировать страны, географически близкие друг к другу, в то время как страны отдаленные оказывались крайне ограничены в коммуникации. Но уже в XIX веке ограничения, налагаемые властью на получение информации с Запада, не могли запретить Россию в ее границах.

Впрочем, главным ограничителем для России был даже не географический и не технический барьер, а барьер культурный, связанный с конфессиональным отличием от большинства стран Европы, то есть с тем, что для православного человека знание, распространяемое «латинами», «лютеранами» и «кальвинами», являлось ересью. Этот барьер практически перестал существовать в петровские времена, но подробнее о влиянии преобразований, осуществленных Петром

Алексеевичем, речь пойдет в соответствующей главе. Сейчас лишь замечу, что трудно переоценить значение разрушения межконфессионального барьера, которое произошло в начале XVIII столетия, для преобразований XIX века.

Наконец, в-шестых, для осуществления преобразований требуется сложная система компромиссов, как среди тех, кто настроен на серьезные перемены, но видит их по-разному, так и между принципиально разными группами, готовыми к конфронтации. Великие реформы Александра II были и впрямь великими, но отнюдь не радикальными. Они предполагали улаживание и умиротворение разных групп общества и, скорее всего, именно потому оказались реально осуществлены.

Нельзя сказать, что отмена крепостного права была проведена в интересах крестьян — или в интересах помещиков. Часть земли получили земледельцы, часть — землевладельцы. В пореформенный период в России сохранилось и помещичье, и крестьянское землевладение. Такое решение проблемы не было оптимальным ни с экономической, ни с социальной точки зрения. Экономически выгоднее иметь крупные хозяйства, где может развернуться сельскохозяйственная техника, получившая широкое распространение в первой половине XX века. В социальном плане выгоднее все «взять и поделить», чтобы умиловить разнообразных «шариковых», чье влияние на политические процессы в первой половине XX века стало определяющим. В середине XIX столетия еще неясно было, как дальше станет развиваться сельское хозяйство, но преобразования пошли по пути компромиссных соглашений между сторонниками разных подходов. Это сохранило множество проблем, сыгравших в будущем свою роль в дестабилизации политической обстановки. Но в эпоху Великих

реформ компромиссы позволили освободить крепостных и поделить землю.

Земельная реформа, правда, оказалась незавершенной, поскольку, предоставляя землю крестьянам, следует исходить из необходимости купли-продажи участков. Создание условий для функционирования земельного рынка — не менее важная часть преобразований, чем освобождение крестьян и раздел земли. Но полноценного рынка в 1860-е годы возникнуть не могло, поскольку освобожденный от власти помещика крестьянин оказался в плену у общины. Понадобилась Столыпинская реформа, осуществленная уже в начале XX века, чтобы завершить недоделанное ранее. Община являлась удобным средством для формирования коллективной ответственности крестьян за уплату налогов, и отказаться от нее сразу реформаторы не решились. Пришлось идти на компромисс между фискальными интересами государства и интересами развития российской экономики. Трудно сказать, был ли он необходим в тот момент, но, как бы то ни было, крестьяне получили землю и свободу, а казна получала налоги и продолжала финансировать статьи расходов, в которых были заинтересованы различные группы общества.

Таким образом, медленно происходившая на протяжении ста лет трансформация России под воздействием европейских нравов породила альянс бюрократии с обществом, способный осуществить реформы. Но почему же процесс был столь долгим и мучительным? Для ответа на этот вопрос мы еще глубже спустимся в наш бездонный исторический колодезь.

Альтернатива пятая. Могли ли Великие реформы быть справедливыми?

Если наша революция в столь значительной степени определялась итогами Великих реформ, возникает вопрос: можно ли было сделать эти реформы чуть менее великими, но более справедливыми? Можно ли было, скажем, отдать крестьянам побольше земли, чтобы они удовлетворились итогами преобразований, а народники воздержались от охоты на царя-освободителя? С одной стороны, напрашивается ответ, что можно. В европейской истории земельные реформы проводились разными способами. Но, с другой, — преобразования, осуществленные в каждой стране, зависели от исторического пути данной страны и не писались с чистого листа.

Французский вариант земельной реформы был одним из наиболее благоприятных для крестьян. В ходе Великой французской революции и последовавших за ней войн дворянство вынуждено было отправиться в эмиграцию. Оно потерпело политическое, а затем и военное поражение. Соответственно, ничто не мешало крестьянству прихватить помещичьи земли. Впоследствии дворяне смогли вернуться на родину при Реставрации Бурбонов, но устраивать новый передел земли власти не решились. Таким образом, Франция стала страной мелкого крестьянского землевладения. И хотя в рыночной экономике часто происходит концентрация земли через покупки и продажи, французская модель осталась

мелкобуржуазной. Спасло ли это страну от новых революций? Ни в коей мере. Франция в XIX веке прошла через три революции, поскольку земля — землей, но важнейшие условия политической нестабильности при модернизации формируются в городе, где сходятся на малом пространстве все крупные противоречия общества.

Еще два примера стран с моделями развития, ориентированными на крестьянство и мелкую земельную собственность, — Югославия и Польша. В Сербии, ставшей базовой для формирования Югославии страной, крестьянская община традиционно была сильна еще со времен борьбы против турок. В Польше крестьянство было традиционно слабым в сравнении со шляхетством, но дворяне не смогли сохранить свое государство. А после восстановления Польши в 1918 году соотношение сил резко изменилось в пользу крестьян, что предопределило земельную реформу.

Английский вариант развития сельского хозяйства был одним из наиболее благоприятных для дворянства. Аристократия в Англии понесла наибольший урон в ранние времена, в ходе Войны роз XV века. С тех пор она в основном укреплялась. Ее позиции не пошатнули даже революции XVII века. Более того, в XVI веке дворянство укрепилось за счет церковных земель благодаря реформации Генриха VIII. Огораживание общинных земель нанесло самый сильный удар по крестьянству из всех, какие случались в Европе. Переселение бедняков из деревни в город стало массовым. Но при этом с XVIII века Англия была самой политически стабильной страной Европы: никаких революций, только реформы. Промышленный переворот, создавший много рабочих мест в городе, и постепенная демократизация, направившая энергию не удовлетворенных своим положением масс на мирные цели, обеспечили конструктивное развитие. В деревне крестьяне

смогли брать землю в аренду у лендлордов, что при высокой эффективности сельского хозяйства обеспечило взаимоприемлемое сотрудничество классов.

Еще два примера стран с моделями развития, ориентированными на дворянство и крупную земельную собственность, — Пруссия и Венгрия. Позиции прусского дворянства были очень сильными еще с XVII–XVIII веков, когда монархи опирались на него для формирования армии. Союз короны с дворянством возник за счет крестьян, которых отдали в полную власть помещиков. И хотя земельная реформа в XIX веке крестьян целиком не обделила, основой сельского хозяйства стали огромные юнкерские латифундии. Позиции венгерской аристократии были одними из самых сильных в Европе. Они чуть было не пошатнулись благодаря формированию советской республики Белы Куна в 1919 году, но поражение революционеров и формирование авторитарного режима Миклоша Хорти сделало аристократию еще сильнее, что сохранило крупную земельную собственность и эффективное сельское хозяйство в межвоенный период.

Российский путь оказался, пожалуй, средним. Крестьяне получили много земли, но далеко не так много, как им хотелось. Особенно с учетом того, что русское малоэффективное сельское хозяйство не позволяло им нормально кормиться. Если бы крестьянство было сильнее, оно могло получить больше, но к середине XIX века корона опасалась в основном не крестьянского бунта, «бессмысленного и беспощадного», но выступлений дворянства, активно участвовавшего в дворцовых переворотах на протяжении всего XVIII столетия. Помещики же, наверное, могли при иной модели аграрных преобразований получить больше земли, но их интересы в ходе Великих реформ были обеспечены крупными денежными суммами, которые выплачивались в виде выкупа. Для многих дворян, привыкших

к красивой жизни и не привыкших к умелому хозяйствованию, «живые деньги» оказались привлекательнее земли, которую надо было долго обустроить, чтобы она приносила стабильный доход вроде того, который получали прусские юнкеры, активно продававшие зерно за границу.

Миф пятый. О крепостной скрепе

Можно ли сказать, что если отмена крепостного права стала важнейшей причиной формирования нестабильности, приведшей в конце концов к революции, то, значит, крепостное право представляло собой ту систему организации общества, которое препятствовало дезорганизации? Можно ли сказать, что рабство было нашей важнейшей скрепой? Во всяком случае глава Конституционного суда России Валерий Зорькин в одной из своих статей отмечал, что отмена крепостного права

разрушила и без того заметно ослабевшую к этому времени связь между двумя основными социальными классами нации — дворянством и крестьянством. При всех издержках крепостничества именно оно было главной скрепой, удерживающей внутреннее единство нации. Не случайно же крестьяне, по свидетельству историков, говорили своим бывшим господам после реформы: «Мы были ваши, а вы — наши».

На первый взгляд, подобные интеллектуальные построения выглядят совершенно ошибочными и противоречащими историческим фактам. Внутреннее единство нации может удерживаться и без крепостничества. Его давно уже не существует ни в одной европейской стране, а единство нации становится со временем лишь прочнее. Современными скрепами являются не барщина, оброк и порка на конюшне, но общая культура и язык, формирующие основы взаимопонимания, средства массовой информации, позволяющие ощутить реальное единство людьми, проживающими в разных уголках большой страны, и демократия, вовлекающая этих людей в единый процесс управления государством.

Впрочем, если мы не ограничимся первым взглядом, а начнем внимательно всматриваться, картина окажется значительно сложнее. В разных условиях, в разные эпохи скрепы оказываются различны. Скажем, скотчем удобно скреплять всякие предметы, но, если клейкая лента еще не изобретена или изготовлена некачественно, приходится связывать предметы веревочками, осваивая искусство прочных узлов. Так же с обществом. Если народ неграмотен, вряд ли его скрепишь воедино газетами. Радио и телевидение, возможно, сработали бы эффективнее печатной прессы, но их изобрели лишь тогда, когда процесс национального становления в Европе был уже в полном разгаре. Демократия хороша как политическая скрепа, но без грамотности и печати она не сможет распространиться повсеместно или, что еще хуже, лишь усилит раздоры в темной народной массе, не понимающей смысла демократических институтов. А общность культуры, понимание важных культурных символов (хотя бы на уровне «Пушкин — наше все») невозможны без грамотности, образования (хотя бы начального), способности читать серьезные книги и осмысливать прочитанное.

Получается, что до появления скотча используются веревочки, коли надо что-то скреплять. Национальную конструкцию, скрепленную веревочками, назвать нельзя. Это скорее монархическая вертикаль власти. Помещик и его управляющие присматривают за порядком в деревне. Фактически они выполняют функцию бюрократии до тех пор, пока реальная бюрократия (полиция и другие правоохранительные органы, налоговые чиновники, службы социальной защиты) не сформируется. Помещик поддерживает порядок, обеспечивает сбор налогов, а в случае неурожая организует поддержку голодающих. Как правило, он со всем этим (особенно с поддержкой населения) справляется плохо, но так ведь

веревочка — не скотч; это мера временная и существующая до тех пор, пока модернизация не приведет к формированию эффективной, «веберовской» бюрократии.

Скрепками в этой ситуации оказываются и крестьянская община, распределяющая внутри себя бремя несения тягла, и сельская церковь, вразумляющая заблудших, и власть помещика, воздействующая на тех, кого вразумить не удастся. Главная проблема этой конструкции заключается в том, что она напоминает тщательно скрепленный для транспортировки ящик. Перевозить вещи в нем можно, но использовать нельзя. Для использования требуется скрепы убрать, а ящик открыть. Именно это происходит в процессе модернизации, ликвидирующей крепостничество, трансформирующей общину и снижающей роль церкви. В промежутке, когда старые скрепы уже не работают, а новые еще не сформировались, возрастает вероятность того, что содержимое ящика разлетится по разным углам и, может, даже затеряется. Но если не раскрыть этот ящик, не будет ни процесса урбанизации, ни повышения образовательного уровня населения, ни развития культуры, ни формирования современной нации, ни возникновения городской промышленности, ни повышения эффективности сельского хозяйства, ни многого другого, с чем мы связываем современную цивилизацию.

Крестьянин должен выбраться из своего ящика, научиться читать и писать, освоить новые методы хозяйствования. Многие должны перебраться в город, сменить профессию и образ жизни, включиться в процесс культурного взаимодействия с миллионами таких же крестьян, происходящих из других мест. В общем, скрепы — скрепами, а жизнь — жизнью. Если скрепы рассматривать как самоцель, можно остановить не только процесс распада общества, но и саму жизнь этого общества.

Глава шестая. О том, как «неудачник» Петр Федорович принял удачное решение

В одно и то же время назревшая реформа, к которой общество готово, может пройти быстро, успешно и почти незаметно, поскольку не вызывает протестов, тогда как реформа незрелая и вызывающая сопротивление мощных групп интересов может забуксовать даже при высочайшем покровительстве. Наглядно сравнить подобные случаи реформирования мы можем, обратившись ко временам Петра III и Екатерины II. Петр Федорович был государем незадачливым в политике, внешней и внутренней. А ко всем прочим своим незадачам он еще и не выносил супругу Екатерину Алексеевну, в результате чего не сносил головы, поскольку матушка Екатерина была, напротив, удачливой настолько, что гвардейцы организовали в ее пользу государственный переворот. Если Петр правил недолго и несчастливо, то Екатерина — долго и счастливо. Она значительно расширила территорию Российской империи, чем добилась благодарной памяти потомков. Память же о ее супруге сохранилась неблагодарная, поскольку он собирался лишить Россию плодов успеха в Семилетней войне. Однако Петр Федорович оставил после себя такое политическое наследство, которое во многом определяло развитие нашей страны на протяжении полутора столетий. Все это время в России

медленно формировалось общество, боровшееся за свободу, добившееся отмены крепостного права и, наконец, поставившее перед самодержавной монархией вопрос о свободах политических. Но для того чтобы это общество сформировалось, должен был быть сделан первый шаг на пути к свободе. И его сделал именно «неудачник» Петр III.

Реформа без отрыва от адюльтера

Российское дворянство в известном смысле, как и крестьянство, было до Петра III закрепощено. Конечно, его «рабство» оставалось на протяжении веков весьма комфортным и обеспеченным. Дворяне владели поместьями, землю сами не пахали, сытно ели — сладко пили (если, конечно, не проматывались), но вот сладко спать не всегда могли, поскольку обязаны были служить государю в армии, флоте или гражданской администрации. О том, как и почему возникли эти обязательства, речь пойдет в следующих главах. Сейчас отметим лишь, что служба эта, с одной стороны, способствовала интеллектуальному развитию дворян, поскольку требовала обретать знания. Но, с другой, — профессиональные знания оставались узкими. Умение командовать полком или вести учет сбора налогов не способствовало широте кругозора. Точнее, расширять кругозор можно было лишь в свободное от государственной службы время. Мысль о важности освобождения крестьянства редко закрадывалась в голову дворянина, который в первую очередь желал освободиться сам. Лишь вольность дворянская могла поспособствовать многочасовому чтению иностранных книг, совершению длительных зарубежных поездок, формированию интеллектуальных кружков, интенсивным уединенным размышлениям о судьбах России и, наконец, вызреванию мысли о важности радикальных преобразований.

Вольность дворянская появилась в России благодаря знаменитому манифесту Петра III. С одной стороны, то, что именно этот государь даровал дворянству вольность, удивления вызывать не должно. Петр Федорович приехал в Россию с Запада — из того мира, где свобод было больше, чем у нас, и разговоры о необходимости их расширения велись интенсивнее. Кому же, как не «западнику», было издать Манифест о вольности дворянской? Но, с другой стороны, вызывает удивление, что эта реформа прошла у нас на редкость легко, практически не вызвав сопротивления. Не кажется ли странным подобный успех в делах царя-неудачника, который даже за собственную жизнь не сумел постоять в борьбе с волевой, энергичной и не гнушавшейся жестких мер супругой?

Дарование вольности дворянству является самой загадочной реформой во всей истории России. Ни одна реформа — от введения опричнины до введения рынка — не проходила без серьезной политической и даже вооруженной борьбы разнообразных групп интересов, поддерживавших или торпедировавших перемены. А тут вдруг все получилось словно само собой. Без отрыва от эротических утех. Во всяком случае, согласно одной из легенд, Петр III отправился веселиться с княжной Куракиной, а своей фаворитке графине Воронцовой (с которой обычно изменял императрице Екатерине) сказал во избежание сцен ревности, что будет всю ночь трудиться над важными документами. И поручил своему секретарю состряпать за ночь нечто судьбоносное. Тот взял... и освободил дворянство. Верить этой истории у нас нет оснований, но на деле, скорее всего, освобождение дворян потребовало усилий немногим больших, чем описано в легенде.

Не случилось ни протестов, ни кровопролитных стычек, ни ухудшения работы государственного аппарата, ни трагических поражений российской армии. Не было массового ухода дворян со службы, который мог обескровить чиновничество и офицерство. Более того,

Екатерина II, чрезвычайно плохо относившаяся к супругу, придя к власти, не отменила Манифест, а, напротив, через какое-то время его подтвердила, сойдясь тем самым в мысли о необходимости вольности дворянской с человеком, с которым не могла сойтись даже в простых бытовых делах.

Объясняется простота возникновения вольности дворянской тем, что вольность — вольностью, а служба — службой. Ко временам Петра III и Екатерины II выход в отставку дворян, желавших со службой расстаться, не мог уже создать для государства серьезных проблем, поскольку имелось достаточное число лиц, не обязательно дворянского происхождения, способных упорно и компетентно служить государю ради жалованья и продвижения по карьерной лестнице. Во времена Петра I и Екатерины I дела шли иначе. Дворяне кормились в основном с земли. Многие помещики не были заинтересованы в службе. И при отсутствии интереса в дело вступало принуждение. Никакой вольности дворянской быть не могло: дай, мол, дармоедам вольность — все по деревням разбегутся. О том, как возникала дворянская неволя и как обстояло дело с помещиками при Петре I, речь пойдет дальше, а пока отметим лишь, что с петровских времен, благодаря моральному и материальному стимулированию службы, благодаря важным культурным переменам в России, а также благодаря нараставшему интересу к западным практикам построения армии и госаппарата, число тех, кто был заинтересован в службе, неуклонно росло. Настал наконец такой момент, когда принуждение перестало играть важную роль. Нетрудно было провозгласить вольность дворянскую в ситуации, когда воля дворян оказалась направлена не на то, чтобы удалиться в деревню, а на то, чтобы выбраться из деревни в столицу — поближе ко двору, откуда проистекают разнообразные милости. Появлялась даже информация о переизбытке лиц,

пробивающихся наверх при поддержке влиятельных персон. Государство было заинтересовано в том, чтобы сократить число подобных выдвиненцев, а не в том, чтобы удерживать на службе принудительно тех, кто принесет государству скорее вред, чем пользу.

Вольность дворянская привела к тому, что отдельные лица покинули службу, но вовсе не стимулировала массовое бегство по деревням. Уходили преимущественно те, кто не дорожил своим положением в обществе. Переходили с военной на гражданскую службу те, кто стремился служить государю скорее умом, чем отвагой. А основная масса ценила не только жалованье. Большинству хотелось быть «вашим благородием», а лучшие стремились дослужиться до «превосходительства», до высших орденов и прочих знаков отличия, а также до личных контактов с государем.

Главным в провозглашении вольности дворянской была потенциальная возможность заняться не государственной службой, а чем-то иным. И по мере того как это «иное» формировалось, начинало кардинально меняться российское общество. Прошли десятилетия — и в России появилось немало людей, занятых интеллектуальным трудом, связанным с чтением книг, расширением багажа знаний, изучением зарубежного опыта. Появилось немало людей, уезжавших в деревню не для того, чтобы по-обломовски лежать на диване, а для того, чтобы заниматься развитием сельского хозяйства, повышением производительности труда, продумывать долгими зимними вечерами неординарные способы развития России. Наконец, появилось немало людей, предпочитавших учиться в университетах (порой зарубежных), а не военных училищах, поскольку им требовались скорее знания, чем умения, скорее способность мыслить, чем навыки, помогавшие продвигаться по служебной лестнице. Среди образованных, глубоко мыслящих

и не прикованных цепями к службе людей появлялось все больше тех, кто подумывал о широкомасштабных реформах, включающих отмену крепостного права, организацию справедливого суда, развитие самоуправления.

Таким образом, вольность дворянская, возникшая при Петре III и укрепившаяся при последующих правлениях, формировала общество, все более склонное к дарованию вольности крестьянству и решению земельного вопроса на новых основаниях. В екатерининское время новые правила игры еще не могли сказаться на принятии государственных решений, но с каждым новым правлением, каждым новым десятилетием, каждым новым поколением образованных людей возникало все больше взаимопонимания между монархией и обществом по важнейшим вопросам государственного переустройства.

О том, как Екатерина I боролась с рабством, но оно ее победило

До царствования Екатерины II в российском обществе практически никому не приходила в голову мысль об отмене крепостного права. Долгий исторический путь России сформировал общество, считавшее крепостничество естественным. Мы не будем сейчас рассматривать причины такого состояния умов, отложив данный вопрос до следующих глав, но отметим, что самую молодую Екатерину — немецкую принцессу, читавшую книги французских просветителей, — мысль о недопустимости рабства заинтересовала. Великие идеи Запада, формировавшиеся в годы ее молодости, приходили в столкновение с реальностью Востока, где ей волею судеб довелось стать великой государыней. Перефразируя немодного нынче классика Владимира Ильича Ленина, можно сказать, что Монтескье и Беккариа «разбудили» Екатерину и она попыталась развернуть аболиционистскую агитацию... Может, это все же слишком сильно сказано, однако советоваться с обществом на предмет разрешения крепостнического вопроса Екатерина Алексеевна стала всерьез.

По всей видимости, она начала думать об отмене крепостного права в 1764 году во время ознакомительной поездки по Лифляндии. А когда она собрала Уложенную комиссию, вопрос о крепостничестве встал в полный рост. В своем знаменитом «Наказе» (1767), написанном для комиссии, императрица, основываясь на трудах Монтескье и Беккариа, высказала много прогрессивных суждений, и в частности

отметила, что все подданные должны быть «подвержены» одним и тем же законам, а также что власти должны избегать случаев, приводящих людей в неволю. В подготовительных материалах к «Наказу» Екатерина высказывалась конкретнее о способах освобождения крестьян, но, предвидя настроения членов комиссии, в итоговый документ их не включила.

Даже расплывчатые суждения о воле и неволе, оставшиеся в «Наказе», не получили в деятельности комиссии никакого развития. Дворяне энергично обсуждали вопросы о предоставлении им новых прав и сохранении прав старых, а отнюдь не об ограничениях в каких-либо правах. По сути, их настрой немногим отличался от позиции депутатов от самоедов, заявивших (по свидетельству графа Сегюра, посетившего Россию в царствование Екатерины), что они, мол, люди простые, пасут оленей, не нуждаются в уложении и просят лишь запретить русским соседям и начальникам их притеснять. Царица и вверенный ее попечению народ жили словно в разных мирах. Рассчитывать на поддержку ей было трудно.

Познакомившись с истинными настроениями господствующего сословия, Екатерина обнаружила, что

не было и двадцати человек, которые по этому вопросу мыслили бы гуманно и как люди. <...> Мало людей в России даже подозревали, что для слуг существовало другое состояние, кроме рабства.

Когда Вольное экономическое общество (ВЭО) с подачи государыни объявило конкурс работ о проблеме земельной собственности и имущественных правах крестьянства, лишь 7 из 160 сочинений написали россияне. Причем в них даже не ставился вопрос об отмене крепостничества, а в лучшем случае предлагалось защитить права крестьянина на пользование землей, установить фиксированный размер повинностей и создать независимый суд при спорах с помещиком.

Князь Щербатов — один из наиболее сильных консервативных спикеров Уложенной комиссии — прямо заявлял в ходе прений, что даже добровольно помещик не должен давать крестьянам свободу, поскольку никто лучше хозяина не сможет о них позаботиться. Робкие попытки отдельных лиц возразить Щербатову решительно пресекались председательствующим. Поэт Александр Сумароков в своей записке для ВЭО даже не утруждал себя аргументами: «Впрочем, свобода крестьянская не токмо обществу вредна, но и пагубна, а почему пагубна, того и толковать не надлежит». По оценке великого историка Сергея Соловьева, в России должны были еще целый век формироваться представления о том, что рабство — это признак варварского общества, что подобное состояние крестьянства оскорбительно для людей, имеющих притязания на образованность, что честь и слава дворянства требуют не бить и угнетать людей, а вести себя прямо противоположным образом.

Михаил Сперанский иронично и даже зло прокомментировал историю с Уложенной комиссией:

Государыня Екатерина Вторая, пленясь понятиями философов, в то время в великой славе и во всей свежести бывших, вообразила народ российский довольно совершенным, чтоб допустить его к великому делу законодательства — хотела заставить черемис и остяков размышлять и умствовать. Но что произвели сии в цепях законодатели? Прочитайте их журналы.

Надо заметить, правда, что ирония Сперанского не вполне справедлива в отношении нравов 1760-х годов. В то время не только у «черемис и остяков», но также у пруссаков, поляков и народов империи Габсбургов сохранялось крепостное право. «Рабское состояние» считалось нормальным и было одним из возможных вариантов существования даже для стран, считавших себя цивилизованными. Российское общество не могло чувствовать себя отсталым из-за такой «мелочи».

Екатерина хотела сделать как лучше, а подданные хотели, чтобы все оставалось как всегда. Неудивительно, что государыня «черемис и остяков» отказалась от мысли о свободе крестьянства. Императрица с юности умела адаптироваться к реальным обстоятельствам, поскольку ей приходилось жить при дворе Елизаветы Петровны, где ее не слишком жаловали. А печальная история быстрой утраты популярности Петром III показала ей, сколь опасно даже государю идти наперекор традициям и привычкам влиятельных российских кругов даже государю. Отдельные вспышки недовольства в гвардии (на рубеже 1760–1770-х годов), вызванные слухами о возможном освобождении крестьян, наводили на мысль о верности поговорки «Не буди лихо, пока оно тихо».

Сергей Соловьев справедливо отметил, что гордый и высокомерный тон Екатерины чувствовался лишь во внешней политике «во-первых, потому, что здесь нет личной опасности, во-вторых, потому, что такой тон в отношении к иностранным державам нравится ее подданным».

Даже среди противников крепостничества Екатерина могла далеко не на всех опираться. Например, Александр Радищев, в отличие от сподвижников Александра II в годы Великих реформ, был не конструктивным реформатором, а, как отметила сама государыня, мартинистом хуже Пугачева. В «Путешествии из Петербурга в Москву» доминируют описания проблем, но порой встречаются и «предложения»: «Сокрушите земледельческие его орудия, сожгите его риги, овины, житницы, и развейте пепел по нивам». В общем, ознакомившись с нравами своих подданных, императрица отбросила «западнические» иллюзии и стала править в соответствии с обстоятельствами. А тут еще подоспела большая война, оказавшаяся настолько увлекательным делом, что Екатерина целиком погрузилась в дипломатические и армейские

проблемы. Победы над турками приносили ей славу и народную любовь. А в промежутках между трудами праведными была еще и любовь многочисленных фаворитов. Правление Россией оказалось настолько комфортным, что только очень мужественный и убежденный в своих идеях человек мог продолжить непопулярную борьбу с рабством. Прагматичная, рационально мыслящая и далекая от фанатизма Екатерина Алексеевна не была таким человеком.

Ходили слухи о документе, в котором Екатерина якобы намеревалась объявить, что любой человек, рожденный в семье крепостных после 1785 года, считается свободным. Но историкам так и не удалось этот документ обнаружить. Скорее всего, подобного намерения у императрицы вообще не имелось.

Не удалось продвинуться вперед Екатерине и в делах, связанных с расследованием и вынесением судебных решений по политическим преступлениям. Со времен Петра I, когда политическое противостояние резко обострилось, в этой сфере царил полный деспотизм. Порой политических преступников осуждал лично монарх (самый известный случай — стрелецкие казни), порой — своеобразный суд, сформированный из верных ему людей (самый известный эпизод — расправа с царевичем Алексеем), но в любом случае дело не могло пойти против воли государя или государыни. Екатерина вела себя в основном так же, как ее предшественники. Хотя в истории с участниками Пугачевского восстания она была явно гуманнее, чем Петр в истории с участниками стрелецких бунтов, персональные расправы (с княжной Таракановой, Александром Радищевым) определялись личным желанием императрицы, но не ходом следствия. А в деле умело защищавшегося Николая Новикова маски оказались сброшены, и подсудимого именованным указом укатали в Шлиссельбург на 15 лет «по силе законов». Так писали

всегда, когда осудить по конкретной статье закона было невозможно. Двуличие Екатерины могло бы дать очередной материал для рассуждений о том, что русский деспотизм носит неевропейский характер, однако к концу ее царствования разразилась Великая французская революция, и якобинский террор породил такое бесправие, что на его фоне екатерининская Россия стала выглядеть образцом умеренности.

Царствование Екатерины, — отмечал американский историк Джеймс Биллингтон, — является собой драматическую иллюстрацию конфликта между просвещением в теории и деспотизмом на практике; конфликта, характерного для столь многих европейских монархов XVIII столетия.

Русский историк Василий Ключевский высказался значительно проще: «В ее деятельности больше эффекта, блеска, чем величия, творчества». От Екатерины «шли идеи, незнакомые русскому обществу, но под покровом этих идей развивались и закреплялись старые факты нашей истории».

О том, как появились младореформаторы, но ничего не реформировали

В общем, от Екатерининской эпохи ждать освобождения было невозможно. Прошлое еще прочно держало «екатеринских орлов» в своих лапах. Но при екатерининском внуке ситуация серьезно изменилась. Примерно через полгода после того, как императором стал Александр I (16 октября 1801 года), учитель молодого царя швейцарец Фредерик Лагарп представил докладную записку, в которой дал характеристику групп интересов, способных повлиять на ход возможных преобразований. Большая часть общества была записана им в противники. Но если Екатерина II в свое время не находила в своем окружении и двадцати человек, способных думать о свободах, то Лагарп, как отмечал историк Натан Эйдельман, выделял прогрессивные группы — «образованное меньшинство дворян, некоторая часть буржуа, „несколько литераторов“, возможно, „младшие офицеры и солдаты“». Примерно о том же иными словами говорил мемуарист Федор Лубяновский:

Надобно было видеть тогда движение свежей по виду, здоровой и радостной жизни; молодое, и не по одним только летам, поколение прощалось <...> со старосветскими предрассудками; кругом пошла голова от смелого говора о государственных вопросах; <...> надежда, как видно, веселила сердца.

Просвещение общества, смена поколений, появление генерации молодых людей, размышлявших о причинах и последствиях Французской революции, сделали свое дело. Образованное

меньшинство (типа грибоедовского Чацкого) уже не черпало суждения из забытых газет «времен очаковских и покоренья Крыма». Биография адмирала Николая Мордвинова показывает, как возникали люди новой генерации. Мордвинов учился в Англии в середине 1770-х, когда там было издано «Богатство народов» Адама Смита. Двадцатилетний юноша с интересом воспринял новое учение и стал его приверженцем. Впоследствии он переписывался с Иеремией Бентамом, чьи идеи также стремился распространять в России. Другой пример — будущий реформатор Михаил Сперанский, который за границей не учился, но в молодости имел возможность читать Вольтера, Дидро, Лейбница, Кондильяка, Ньютона, Локка и многих других популярных тогда мыслителей. Третий пример — молодые люди из Вольного общества любителей словесности, наук и художеств: Иван Пнин, Василий Попугаев. В начале XIX столетия у таких людей появилась возможность объединяться в небольшие кружки для размышлений о просвещении России и ее конституционном устройстве. Основываясь на зарубежном опыте, Пнин отстаивал необходимость защиты собственности и личной безопасности человека.

Даже чисто литературные общества, вроде того, что собирал Алексей Оленин (в будущем директор Публичной библиотеки и президент Академии художеств) у себя в имении Приютино под Петербургом, косвенным образом оказывали воздействие на интеллектуальное развитие России. Наконец, большой интерес представляет случай Николая Карамзина, который в юности примыкал к просветительскому кружку Новикова (где на него оказали серьезное влияние старшие товарищи Семен Гамалея и Алексей Кутузов), а затем путешествовал по Германии и Франции в разгар Французской революции.

Сразу после переворота, свергнувшего с престола императора Павла I, в беседе нового государя Александра Павловича с графом Строгановым было определено, что суть необходимых России преобразований сводится к обеспечению прав гражданина, заключающихся в защите его имущества и свободе делать все, что не наносит вреда другим. Однако пути достижения цели были для Александра I неясны. В итоге император со своими молодыми друзьями стал обсуждать реформы, однако характер этого обсуждения принципиально отличался от того, что делала Екатерина в 1760-е годы. Если бабушка вынесла дискуссию об обустройстве страны на суд избранных народом делегатов и была шокирована их консерватизмом, то внук стал строить планы перемен в узком кругу компетентных и прогрессивных соратников. Соратники стремились сохранить твердую самодержавную власть царя ради возможности осуществлять решительные прогрессивные преобразования. Провал екатерининских благих пожеланий настраивал на мысль, что реформы должны исходить не столько от общества, сколько от императора. А поддержку они могут получить в той части общества, которая настроена с государем на одну волну. Даже будущий декабрист Николай Тургенев отмечал, что в свое время сочувствовал неограниченной власти, защищая ее необходимость для освобождения страны от чудовищной эксплуатации.

Еще при жизни Павла I Александр Павлович наметил план ликвидации крепостного права. Но план нуждался в доработке группой экспертов. «Реформаторским штабом» стал кружок молодых друзей императора — Николай Новосильцев, князь Адам Чарторыйский, граф Павел Строганов и граф Виктор Кочубей. Эти люди долго жили в Британии, посещали Париж в годы революции — в общем, имели реальные представления о том, что происходит на Западе. На вторых ролях в кружке

оказался молодой чиновник Михаил Сперанский, которому поручалась техническая работа по воплощению идей младореформаторов в конкретные проекты.

Любопытно, что при обсуждении отмены крепостного права почти не шла речь об экономике. Доминировали моральные аспекты проблемы. Рабство эмоционально отвергалось, и в этом младореформаторы были похожи на молодую Екатерину. Разница же состояла в том, что в александровском поколении небезразличных людей было значительно больше, чем в екатерининском.

В этом кругу младореформаторов, как отмечал Чарторыйский,

Строганов был самый пылкий, Новосильцев самый рассудительный, Кочубей самый острожный, я же самый бескорыстный и старавшийся успокоить чрезмерное нетерпение.

Пылкость с рассудительностью следовало сочетать для того, чтобы пройти между Сциллой самодержавия, нарушающего имущественные права и свободы подданных, и Харибдой революции, которая, как видели теперь многие на французском примере, оказывается в какой-то момент хуже самого непросвещенного абсолютизма. Строганов полагал, что опасность в крестьянском деле состоит в отказе от перемен, но император проявлял осторожность, стремясь лишь к улучшению сельского быта, чтобы не раздражать помещиков и не волновать крестьян.

Ярким проявлением подобной осторожной стратегии стал Указ о вольных хлебопашцах (1803), согласно которому помещики имели право (но не были обязаны) отпускать на волю своих крестьян. То есть в той мере, в какой у нас формировалось просвещенное дворянство, желавшее свобод для всего населения, и в той мере, в какой у крестьянства имелись деньги для выкупа, государь был готов нанести удар по крепостному

праву. Но поскольку доля такого дворянства и такого крестьянства в общей массе была невелика, появление вольных хлебопашцев проблему крепостничества не разрешило. Некоторые помещики — например, декабрист Михаил Лунин — указом воспользовались, но таких оказалось мало. Практически никто из известных в либеральном и даже радикально-революционном лагере людей 1840–1850-х годов не отпустил своих крестьян.

О прямом противоречии интересов крестьян и дворян в этом вопросе писали авторы той эпохи. Порой Александр заговаривал с дворянами об отмене крепостного права, но сталкивался с почти неприкрытым сопротивлением, свидетелем чего был, например, князь Сергей Трубецкой. Александр Павлович имел лучшие исходные условия для решения проблемы крепостного права, нежели его бабушка, однако он не мог не помнить о том, как вооруженные люди решали судьбу России на протяжении почти целого столетия. Реформаторские проекты Сперанского, скорее всего, были до поры до времени интересны императору, надеявшемуся обнаружить в них механизм, позволяющий получить поддержку заинтересованных в реформах групп интересов. Однако Сперанский не мог сконструировать такую волшебную модель, при которой государь усилил бы свои политические позиции даже в том случае, если шел против основной массы дворянства в решении крепостнической проблемы. Неудивительно, что в итоге Сперанский, не оправдавший ожиданий императора, попал в опалу и всякие попытки модернизировать страну были, как и во времена Екатерины, заморожены вплоть до конца царствования. Фаворитом царя стал генерал Алексей Аракчеев, а одной из форм организации сельской жизни — военные поселения, которые лишь ухудшили положение крестьян.

Тем не менее к 1825 году, когда завершилось правление Александра Павловича, российское общество немного трансформировалось и в нем наконец сформировалась критическая масса людей, не только откликнувшихся на желание императора что-либо реформировать, но и готовых размышлять о свободе вне всякой зависимости от импульсов, идущих сверху, и даже вопреки им. Наиболее образованные и информированные люди знали теперь не только об идеях Французской революции, но и о Кодексе Наполеона, о стремлении многих европейцев заимствовать наполеоновские идеи, о начавшейся борьбе Англии с рабством, об отмене крепостного права не только в Габсбургской империи, но и в Пруссии. Пожалуй, можно сказать, что в России впервые формировалось целое поколение людей, чувствовавших культурное отставание своей страны от соседних государств. Если в начале XVIII века Петр со своими «птенцами» был обеспокоен лишь отставанием военным, то теперь (после победы над Наполеоном) Россия, напротив, оказывалась военным лидером Европы, однако мыслящую часть общества это не так уж радовало. Возникло представление о необходимости перемен, никак не связанное с милитаристскими планами.

Именно формирование нового поколения, отличавшегося такими представлениями, породило движение декабристов. Если Александр в начале XIX века был истинным центром кружка своих друзей и младореформаторы без него вряд ли сформировали бы какую-то организацию, то декабристы все делали «снизу». При этом они исходили из своих знаний об иностранном государственном устройстве, сложившемся за последние десятилетия. Многие из них получили систематическое образование в Московском университете, Царскосельском лицее или Московской школе колонновожатых

— будущей Академии Генштаба. Однако главным было даже не это, а обретение личного опыта в ходе заграничных поездок и при чтении книг выдающихся мыслителей. То, что полвека назад знала в России чуть ли не одна Екатерина, теперь стало базой для формирования мировоззрения целого поколения дворян. Вернувшись в Россию после победы над Наполеоном, участники похода говорили о том, что принимали участие в важнейших исторических событиях и что им невыносимо бессмысленное существование в Петербурге, наполненное пустой болтовней стариков о преимуществах прошлого. Но были не только военные походы, а еще и целенаправленное изучение Запада. Когда у арестованных после восстания декабристов спрашивали, откуда они заимствовали свой свободолюбивый образ мыслей, Николай Бестужев отвечал, что на него оказало значительное воздействие пребывание в Голландии в течение нескольких месяцев, двукратное посещение Франции, вояж в Англию и Испанию. Именно зарубежные поездки в первую очередь сформировали у него представления о важности свободы. Не меньшее значение имели книги. Желание создать конституцию для России появилось после прочтения книги о своде законов, заменяющих конституцию в Англии. Иностранные журналы, разнообразные истории, записки и в известной мере даже русские издания давали читателю необходимые знания о необходимых переменах. Примерно о том же говорил Петр Каховский, отмечавший значение книг, размышлений и поездок за границу. Сергей Волконский рассказывал, как важно для него было пребывание в Париже, Лондоне и княжествах Германии. Павел Пестель объяснял на примерах из истории Англии, Испании, Франции и Португалии, как сформировался его взгляд на будущее России. Михаил Фонвизин и Владимир Штейнгель связывали формирование своего мировоззрения с чтением книг

по истории. Александр Тургенев так внимательно изучал парижскую жизнь, что его приняли за шпиона, и он вынужден был оправдываться:

Одна любовь к изящному, к пользе России влечет нас всюду, где надеемся найти или наставлений для себя, или обогащение идей, или указание общественных открытий, заведений.

Парадоксально, что именно воздействие полученного за рубежом опыта оказалось определяющим не только для реформаторов, но даже для такого консерватора, как Александр Бенкендорф, который во время пребывания во Франции узнал, сколь эффективной может быть жандармерия для поддержания политического режима.

Отмена крепостного права представляла собой важнейший элемент разных программ, составленных декабристами. В них имелись существенные отличия (освободить ли крестьян с землей, без земли или оставить решение данного вопроса до созыва Учредительного собрания), но так или иначе рабство должно было уйти, поскольку в цивилизованной стране ему не оставалось места. При этом вновь вставал в полный рост вопрос о форме государственного устройства, которая обеспечит экономические преобразования. Декабристов условно можно разделить на демократов и автократов. Если в тексте, найденном после восстания у князя Сергея Трубецкого, говорилось об организации выборов в Учредительное собрание, то в «Русской правде» Павла Пестеля шла речь о формировании Временного верховного правления, в обязанности которого входило бы уничтожение рабства. Поскольку среди дворян могли быть противники освобождения крестьян, Пестель предполагал использовать твердую власть для наказания несогласных. Он расценивал врагов свободы как врагов отечества и «изменников естественному гражданскому праву». Подобная диктатура должна была длиться, по Пестелю, 10–

15 лет, но, скорее всего, она задержалась бы на более долгий срок из-за понятной нам сегодня сложности решения проблемы. Поскольку Пестель предполагал освобождать крестьян с землей (причем давал им больше, чем затем дали Великие реформы Александра II), требовалось отнимать ее у помещиков, и это сформировало бы мощные группы интересов, противостоящих реформам. Острый конфликт становился неизбежен.

Великий подвиг бюрократов

Длительность процесса расставания с крепостничеством определялась медленным вызреванием идей и изменением соотношения сил. Примерно сто лет заняло в России продвижение от появления первых мыслей о необходимости разрыва с рабством до отмены крепостного права. За это время в России сменились четыре поколения, причем каждое следующее оказывалось немножко ближе к реализации великих идей. Вряд ли сами реформаторы замечали это приближение. Многие из них умирали с чувством бесполезности усилий и представлением о том, что Россию никогда не сдвинуть с мертвой точки. Некоторые — отправлялись на каторгу. Но, глядя в прошлое из нашего времени, мы видим, что каждое следующее поколение было восприимчивее, сильнее, образованнее. И готовность очередных «детей» к борьбе каждый раз была выше, несмотря на поражение очередных «отцов».

Вольнодумцев екатерининских времен еще очень мало. Они читают иностранные книги и размышляют о судьбах России, сидя в тиши кабинетов или прогуливаясь в тенистых приусадебных парках. И лишь в исключительных случаях решаются заявить публично о драме российской жизни, обнаруженной на перепутье между Петербургом и Москвой. Можно сказать, что они почти затерялись со своими импортированными мыслями в помещичьей массе и внешне от нее почти не отличаются. Это люди, радующиеся дворянской вольности и не слишком, как правило, грустящие из-за сохраняющегося рабства. Но детям своим они нанимают

французских учителей, с которыми в Россию проникают новые знания и даже порой опасные революционные идеи.

Младореформаторы «дней Александровых прекрасного начала» делают рывок от вольности дворянской и тайного вольнодумства к выражению своих мыслей и даже попытке влиять на ход событий. Это не только члены кружка молодых друзей императора. Это те молодые люди, что обладают знаниями гораздо более обширными, чем были у их отцов. Это люди, считающие, что позитивные перемены реальны. Это люди, которые по мере своих сил стремятся реформировать страну, а не только потреблять книги наряду с игрой в карты, выпивкой и охотой, как делали отцы. Они видят, что преобразования происходят за рубежом, что рушатся старые режимы, казавшиеся непоколебимыми людям предшествующего поколения. Они, по сути дела, являются первым российским поколением, ощущающим ход истории и задумывающимся о ее динамике. Но влияние этой группы основано лишь на том, что небольшая ее часть близка к императору. Отказ царя от реформ, распространение аракчеевских военных поселений и ощущение бессмысленности усилий превращают младореформаторов в потерянное поколение. Кажется, что порой они действительно мечтали обернуться старцем Федором Кузьмичом, расставшимся с беспощадной к мыслящим людям жизнью высшего света и затерявшимся на бескрайних сибирских просторах.

Декабристы представляли собой первое самостоятельно действующее поколение, готовое бороться за преобразование общества против государя и государственной машины. К нему относились намного больше людей, чем та группа, что вывела солдат на Сенатскую площадь 14 декабря 1825 года. Это поколение людей, немало читавших и немало путешествовавших. Поколение свободомыслящих людей,

которое способно не запереться в кабинетах, но создавать тайные общества, ставящие перед собой задачи преобразования России без согласия императора и даже вопреки ему. Это поколение людей, изучивших не только противоречивые последствия Французской революции, но и преобразования Наполеоновской эпохи, видевшее, как быстро может меняться мир, когда у руля встают реформаторы. Декабристы запутались в собственных противоречиях и весьма спорных методах осуществления перемен. Следует признать, что лишь немногие из них пошли до конца и конец этот оказался совсем не таким, о каком грезилось в мечтах. Не случайно Федор Тютчев сказал, обращаясь к героям 14 декабря:

*О жертвы мысли безрассудной,
Вы уповали, может быть,
Что станет вашей крови скудной,
Чтоб вечный полюс растопить.
Едва, дымясь, она сверкнула
На вековой громаде льдов,
Зима железная дохнула —
И не осталось и следов.*

Тютчев ошибался. Поэт видел льды и чувствовал дыхание зимы, но оказался не способен проникнуть в глубинную суть вещей. «Следы», конечно, остались. Причем не столько даже от событий, произошедших на Сенатской площади, сколько от тех идей, которые пытались реализовать декабристы.

В очередной раз сменилось поколение, и наконец появились западники. Наименование это весьма условно, как и все предыдущие. Кардинальных перемен в России желали и славянофилы, расходившиеся с западниками в понимании

ряда важных страниц российской истории, но не в понимании настоящего, не в стремлении освободить страну от крепостного права. Это было поколение по-настоящему широкое, включавшее огромное число людей одного возраста, а не только тех, кто принадлежал к узким кружкам или тайным обществам. Это было поколение, засидевшееся в николаевском застое и за это время осознавшее, что в Европе середины XIX века неприлично оставаться рабовладельцем. Это было поколение, которое, несмотря на внутренние разногласия, смогло на равных бороться с охранителями, проводя свои великие идеи в ущерб их прагматичным интересам. И это поколение в конечном счете победило, воспользовавшись окном политических возможностей, открывшимся после Крымской войны. Победило в союзе с императором Александром II и целым рядом высших чиновников России, желавших растопить те льды, что наморозили их консервативные предшественники.

Любопытно, что примерно за четверть века до Великих реформ Михаил Лермонтов в стихотворении «Дума» писал:

*Печально я гляжу на наше поколенье!
Его грядущее — иль пусто, иль темно,
Меж тем, под бременем познания и сомненья,
В бездействии состарится оно.*

Поэт ошибся. Именно его поколение — люди, которые вошли в сознательную жизнь после разгрома декабристов, — смогло, дождавшись подходящего момента, совершить радикальный поворот в истории России. В этом не было никакого предопределения. Проживи Николай I еще пару десятилетий, реформаторство, возможно, выпало бы уже на долю следующего

поколения и совпало по времени с отменой рабства не в США, а в Бразилии. Но исторический шанс совершить перемены выпал России на рубеже 1850–1860-х годов, и поколение Александра II, Лермонтова, Самарина, Кавелина, братьев Милютиных этим воспользовалось. Совершенно справедливо историк Яков Гордин в одной из своих статей назвал то, что они совершили, «великим подвигом бюрократов». А лермонтовские строки «Толпой угрюмою и скоро позабытой / Над миром мы пройдем без шума и следа», при всем восхищении поэтом, сегодня воспринимаются как курьез. След от Великих реформ остался на сложном историческом пути России. Можно спорить о его значении и анализировать характер воздействия реформ (чем я здесь и занимаюсь!), но трудно оспорить главное: столетняя борьба за свободу в России показывает, что в самый мрачный момент, когда вокруг простираются одни лишь льды, не следует воспринимать увиденное как полную историческую картину. Есть жизнь за пределами ледяной пустыни, и наступает рано или поздно час, когда упорство реформаторов позволяет растопить «вечный полюс».

Альтернатива шестая. Из искры возгорелось пламя

К декабристам в нашей стране давно уже относятся как к прекраснородушным романтикам. Души прекрасные порывы, мол, были, но шансов на успех не имелось, поскольку, как уверял Ленин, узок был их круг и страшно далеки они были от народа. Круг, конечно, был и впрямь узковат, хотя гораздо шире, чем круг любых вольнодумцев XVIII века. Они намеревались совершить военный переворот, сформировать тем или иным способом новую государственную власть и провести преобразования, которые виделись вполне назревшими, исходя из европейского опыта тех лет. Нельзя однозначно утверждать, что подобный вариант развития событий был нереалистичным. Заговорщики всегда тем успешнее, чем уже их круг, чем более далеки они от народа и чем меньше шансов на то, что кто-то разболтает их планы.

Историк Яков Гордин совершенно справедливо рассматривает восстание декабристов на фоне многочисленных гвардейских переворотов XVIII века. Все эти перевороты были успешны. Так что к 14 декабря 1825 года в России сложилась уже традиция осуществления перемен с помощью путчей. Смотреть на восстание декабристов следует именно глазами людей той эпохи, а не глазами большевиков, которые в конечном итоге пришли к власти тоже в результате переворота, осуществленного сравнительно узкой группой рабочих и матросов, страшно далеких от народа, то есть от

многомиллионной крестьянской массы, доминировавшей в России в 1917 году.

Возможность успеха восстания декабристов следует рассматривать, наверное, не с помощью социологических категорий (народ, классы, революция и т.д.), а с помощью категорий военно-тактических. При иной организации действий или ином соотношении сил переворот вполне мог привести к иным результатам.

Главное, что бросается в глаза, если мы хотим увидеть различия между гвардейскими переворотами XVIII века и восстанием декабристов, — это отсутствие в рядах восставших на Сенатской площади высокопоставленных персон. Да и местом действия переворота должна была стать не площадь, а, предположим, спальня свергаемого государя. Ну и, если продолжать в том же духе, лучше свергать власть под покровом ночи, чем в середине дня. Могли ли декабристы совершить переворот по образцам XVIII века? Вряд ли. Нельзя, например, представить себе, что великий князь Константин Павлович и «жена его Конституция» передумали бы отречься и возглавили путчистов на манер Елизаветы Петровны или Екатерины Алексеевны. Трудно представить себе во главе заговорщиков военачальника высочайшего ранга — такого, как Миних или Пален. Но тот или иной генерал вполне мог оказаться в рядах декабристов, поскольку их идеи были не чужды умным людям за пределами узкого круга. И если бы это оказался популярный среди солдат боевой генерал, численность восставших войск могла быть значительно больше, а вероятность успеха выше. Даже при выступлении среди бела дня. Исход событий 14 декабря не был predetermined, и государь Николай Павлович имел основания серьезно опасаться печального для себя конца. Если государственная власть покоится не на устоявшихся институтах, а на гвардейских

штыках, любая перегруппировка этих штыков может оборачиваться «перегруппировкой власти».

Главным для нас, впрочем, является не вопрос о том, как могла быть устроена власть после 14 декабря, а вопрос о том, как бы она обустроила Россию. Не приходится сомневаться, что она занялась бы решением проблемы крепостного права. Это волновало всех, начиная с царя и заканчивая армейскими офицерами. Но трудно сказать, насколько серьезным могло быть продвижение вперед в решении данного вопроса. Здесь мы вновь возвращаемся к социологической проблематике и обнаруживаем столько неопределенностей, что всякие предсказания теряют правдоподобие. Во-первых, мы не знаем, как была бы устроена высшая власть в случае успеха восстания: абсолютная монархия, конституционная монархия, бонапартизм, республика. При разных политических институтах принятие радикальных решений происходит по-разному. Во-вторых, мы не знаем, насколько легитимна оказалась бы эта новая власть, а ведь если власть больше думает о самосохранении, чем о реформах, вероятность преобразований сильно снижается. В-третьих, трудно размышлять о конкретных персоналиях во власти, поскольку у самих декабристов не имелось четких представлений о том, кто должен выдвинуться наверх и каким образом. Наконец, самое главное: отмена крепостного права — даже не полдела, а его осьмушка. Главное — это решение земельного вопроса. Сколько должен получить освобождаемый от ярма крестьянин, а сколько — «освобождаемый» от владения людьми помещик. Если этот вопрос решается не революционным путем, как во Франции, а реформаторским, то начинается долгий процесс мобилизации ресурсов, подготовки проектов, согласования интересов и т.д. Во что бы он мог вылиться после успеха Декабрьского восстания — оценить совершенно невозможно.

Миф шестой. О Павле Великом

Императору Павлу Петровичу не везло при жизни, не везло и после смерти. Царевича Павла не жаловала его матушка — великая Екатерина. Наследник долго ждал возможности взойти на престол, а когда наконец вошел, совсем недолго на нем оставался. Подданные его тоже не слишком жаловали, вплоть до участвовавших в заговоре царедворцев, которые темной мартовской ночью 1801 года совершили государственный переворот, убив императора, так и не успевшего сделать хоть что-нибудь эпохальное. А поскольку не было ничего эпохального, павловское правление большинством историков рассматривается без особого пиетета. Есть немало поклонников у Екатерины II, расширившей пределы империи. Есть немало поклонников у Александра I, искренне пытавшегося расширить пространство свободы в большой, но несвободной империи. А незадачливый Павел «проскальзывает» мрачной тенью между этими двумя персонами.

В такой ситуации возникает порой соблазн пересмотреть сложившиеся подходы и возвеличить Павла. Особенно на фоне разочарования в достоинствах свободы. Мол, вот оно, новое слово в науке. Поворот, позволяющий понять непонятое и объяснить необъяснимое. Наиболее масштабная попытка пересмотра была предпринята историком Михаилом Ключковым перед революцией 1917 года. И сегодня к достоинствам Павла проявляется явно больше интереса, чем, скажем, в советскую эпоху, когда мы видели своими глазами печальные последствия государственного всевластия. Павел не был тупым и жестоким деспотом, заботящимся лишь

о собственном благе. Он явно заботился о благе страны. Так, может быть, этот государь незаслуженно подвергается критике?

Увы, именно про павловское правление можно с полным основанием сказать вслед за «гением русской словесности» Виктором Черномырдиным: «Хотели как лучше, а получилось как всегда». Павел, живший на грани XVIII и XIX веков, был по своей сути, ментальности и «честным намерениям» человеком даже не XVIII, а XVII столетия. Именно тогда в разных европейских странах возникла идея блага народа, которого следует добиваться государям. Прогрессивно мыслявшие монархи той эпохи (начиная с Людовика XIV) ее подхватили и старались, в отличие от своих средневековых и даже ренессансных предшественников, что-то для народа делать. Но их взгляды основывались на рационалистских представлениях эпохи, согласно которым должно существовать мощное государство, пресекающее войну всех против всех, жестко регулирующее экономику по меркантилистским рецептам, формирующее идеального подданного, а того, кто по дурости своей отказывается встраиваться в предписанный начальством «идеал», отправлять в психушку. Примерно так же видел идеал государственного устройства и Павел: все рассчитать, расписать по линейке, устранить всякую самодеятельность, подчинить жизнь империи единому распорядку, предписываемому сверху разумными государственными мужами.

Один наблюдатель отметил, что, если бы Павел Петрович наследовал престол после Ивана Васильевича Грозного, мы бы благословляли его правление. Павловский рационализм пресек бы, глядишь, смуту, устранил хаос, порожденный опричниной, и основал бы жизнь страны на мудрых предписаниях, идущих свыше, а не на видении мира глазами полубезумного царя. Однако Павел жил двумя столетиями позже Ивана. За это время

Европа прошла долгий путь, на котором выявились как некоторые достижения эпохи рационализма, так и серьезные проблемы, которые она не могла устранить и в значительной степени даже порождала. Во второй половине XVIII века начался массовый поиск новых форм организации жизни, основанных преимущественно на свободе как фундаментальной ценности. Екатерина, которая увлекалась чтением трудов философов и просветителей, уловила новую тенденцию, хотя смогла, как мы видели, подхватить лишь немногие европейские идеи. А для Павла эти идеи вообще были чужды.

Ну, может, не совсем чужды, однако как минимум два важных обстоятельства сказались на том, что Павел Петрович двинулся в своем развитии против основных велений времени. Наверняка сказались разрушительные последствия Французской революции. Если мыслители, не обремененные властью, стремились находить в сложном вихре французских перемен какие-то позитивные черты — стремление к свободе, равенству, братству и т.д., — то государи, властью обремененные, должны были в первую очередь обратить внимание на гильотину, падение монархии, кровавый террор, экономический хаос. Свободолюбивым идеям трудно было утвердиться в голове монарха, наблюдавшего подобные катаклизмы. И конечно, кроме объективно складывавшихся в Европе обстоятельств, дискредитировавших свободу, на Павла влияли обстоятельства личные. То, что нравилось нелюбимой матушке, вряд ли могло нравиться ему. Очень хотелось, видимо, вернуться к временам великого прадеда Петра I, который находился в плену идей XVII столетия.

И Павел вернулся... на тот недолгий срок, который был ему отмерен историей. Он ничего не смог бы сделать для развития России даже в том случае, если бы граф Пален со товарищи не ворвались в его спальню той мартовской ночью. Так павловская

попытка вернуться в XVII столетие была пресечена в самом начале столетия XIX.

Глава седьмая. О том, как Петр Алексеевич воевал с одними, а победил других

Петровская модернизация — одно из самых устоявшихся выражений, используемых тогда, когда мы говорим о происходивших в эпоху Петра I переменах. Но вот загадка: если мы возьмем наиболее очевидные его достижения — создание империи, разгром шведов, строительство флота и реформу армии, — то вряд ли обнаружим их прямую связь с модернизацией. Как показал мировой опыт, рынок и демократия, богатство и свобода, качество жизни и социальная справедливость не обретаются с военными победами. Крепостничество Петр и не думал отменять. Так почему же мы именно его считаем нашим выдающимся реформатором? Что оставил он в наследство своим преемникам? Подкузьмил их Петр или поддержал? Затормозил развитие усиленной милитаризацией и углублением деспотизма или ускорил, поскольку прорубил окно в Европу?

О том, сколь сложной загадкой является для нас Петровская эпоха, говорит попытка выдающегося русского поэта Максимилиана Волошина так кратко ее охарактеризовать:

*Великий Петр был первый большевик,
Замысливший Россию перебросить,
Склонениям и нравам вопреки,
За сотни лет к ее грядущим далям.
Он, как и мы, не знал иных путей,
Опрочь указа, казни и застенка,
К осуществленью правды на земле.*

Отдавая дань художественным достоинствам этих волошинских строк, приходится заметить, что в этой небольшой цитате содержится сразу четыре ошибки. Во-первых, Петр, в отличие от большевиков, не был утопистом, задумавшим перебросить Россию «к грядущим далям». Он хотел (если уж использовать волошинское выражение) «перебросить» Россию на Запад, сделать наше государство не менее эффективно функционирующим, чем, скажем, государство шведское или французское. Во-вторых, Петр вовсе не стремился «к осуществленью правды на земле». Он стремился к осуществлению блага народа в том виде, как тогда его понимали. В-третьих, Петр, хоть и действовал вопреки консервативным «склонениям и нравам» большей части российского общества, опирался на уже сложившиеся нравы другой его части — той, что стремилась к переменам. Без ее поддержки он ничего бы не добился. А в-четвертых, казни и застенки при всей их очевидной значимости для петровской политики лишь дополняли военные, фискальные и организационные мероприятия, составлявшие суть Петровских реформ.

Глава о Петре Великом стала для меня самой сложной в этой книге. Ведь, с одной стороны, именно с рассказом о великом государственном деятеле у читателя должны быть связаны

самые большие ожидания. Порой тот, кто не готов читать сразу всю книгу, принимается листать именно ту ее часть, от которой ждет быстрых ответов на интересующие его вопросы. Но, с другой стороны, Петровская эпоха отличается не столько величиной, сколько сложностью и неоднозначностью. Там, где ожидают найти все ответы, часто находят лишь новые вопросы. Попробуем, тем не менее, разобраться в хитросплетениях преобразований, которые осуществил Петр Алексеевич.

Что увидел Петр Великий, поездив с Великим посольством?

Как известно, еще в молодые годы Петр Алексеевич отправился с Великим посольством в Европу, где особенно сильное впечатление на него произвело посещение Англии и Голландии — двух великих торговых держав конца XVII века. Но по возвращении он стал проводить политику, напомилавшую действия великих военных держав XVII столетия — Франции, Испании, Швеции. Как же так вышло? Почему впечатления молодого царя сильно разошлись с его последующими практическими действиями? Или не разошлись? Или мы плохо понимаем логику политического деятеля столь давней эпохи и слабо представляем себе то, что стояло за фасадом у той или иной преуспевающей страны Нового времени?

Давайте попробуем понять, какими же на самом деле увидел Петр Голландию и Англию. Увидел он в этих странах вовсе не то, что мы порой видим там, глядя в XVII столетие из XXI века. Часто, глядя в прошлое, мы домысливаем его, «обогащая» всем тем, что нам нравится, но что не было характерно для далеких эпох. Мы сегодня знаем, что Англия и Голландия являлись европейскими пионерами демократизации, что Голландия с давних пор отличалась удивительной толерантностью к инакомыслию, а Англия стала мастерской мира, осуществив технический переворот. И ожидаем, что Петр должен был обнаружить во время своего реального вояжа именно то, что мы «обнаруживаем» во время наших мысленных вояжей в прошлое. Однако, путешествуя в «машине времени», мы можем увлечься

фантазиями и запросто промахнуться на столетие-другое, обнаружив признаки XIX века уже в веке XVII. Петр же не мог ничего такого обнаружить. Приехав в конце XVII столетия в Голландию и Англию, он увидел именно то, что там было в реальности. Эта суровая, но соблазнительная для современника реальность сильно отличалась от красивой картинки, которую мы нынче можем нафантазировать в поисках приятного европейского мифа.

Никакого особого демократизма Петр в Англии и Голландии найти не мог. В Англии существовал с давних пор парламент, и Петр его (точнее, палату общин) разок посетил, глянув на зал заседаний сверху через специальное окно. Но делами парламентскими царь особо не интересовался. С парламентариями общаться не стал, хотя, как известно, запросто общался с моряками, корабельными мастерами и прочим простым людом, занимавшимся теми делами, которые царя увлекали. Время, потраченное Петром на «изучение парламентаризма», совершенно несопоставимо с временем, потраченным на другие дела и даже на удовлетворение любопытства в отношении всяких диковинок. Означает ли это, что Петр был туповатым восточным деспотом с узким кругозором? Ни в коей мере. Парламент тогда (через десятилетие после «Славной революции», от которой англичане обычно и отсчитывают славный этап своей истории) лишь начинал свое превращение в настоящий орган власти, и Петр, как любой другой человек конца XVII столетия, не мог представить себе, каким станет парламентаризм столетия спустя.

Зато Петр мог увидеть многое другое — то, что поражало в Англии и Голландии прибывшего не только из далекой Московии, но даже из соседних Франции, Испании, Южных Нидерландов и германских государств. Петр мог обнаружить

ощутимые признаки богатства, постепенно распространявшегося от аристократии к низшим слоям населения. XVII век был для Голландии и Англии эпохой радикальных перемен в торговле. Голландцы и англичане быстро богатели, устанавливая свое доминирование на тех емких рынках, которые раньше контролировали торговцы из иных стран. Голландцы и англичане снабжали Европу соблазнительными заморскими товарами, которые раньше либо вообще не были доступны европейскому потребителю, либо становились достоянием узкого круга наиболее богатых людей. Среди этих товаров не попадалось «икры заморской, баклажанной», над которой шутили в знаменитой советской комедии про сменившего профессию Ивана Васильевича. Зато в быстро нараставшем объеме из-за океана шли в Европу сахар, табак, кофе, чай — продукты, формировавшие у европейского обывателя совершенно иной тип потребления, чем тот, что существовал прежде. Голландцы и англичане, получая высокие доходы от торговли, быстро преобразовывали Амстердам и Лондон, где появлялось множество приличных рабочих мест, где возрастала численность населения, где «понаехавшие» из глубинки вчерашние крестьяне начинали жить так, как и не снилось крестьянину русскому, да, в общем-то, прусскому и французскому тоже. Это было еще не современное общество потребления, но общество, в котором простой мастеровой курил трубочку, пил чай с сахаром и обставлял дом купленной на рынке мебелью, что могло шокировать даже царя, приехавшего из дальней страны.

Еще одним важным направлением морской торговли для англичан и голландцев становилась во второй половине XVII века работоторговля. Ошибочно было бы думать, будто она представляла собой лишь своеобразную «вишенку на торте», то есть незначительное, но эпатажное дополнение к основной

хозяйственной деятельности. Работоторговля имела огромное значение. В частности, для простого, но слегка подзаработавшего народа, поскольку самые разные люди начинали вкладывать свои средства в коммерческие проекты, связанные с транспортировкой негров из дебрей Африки на американские плантации. И мастеровой, мирно раскуривавший свою трубочку на виду у путешествовавшего Петра, запросто мог заработать себе на табак доходами от инвестиций, несовместимых с нынешними представлениями о цивилизованности и толерантности. Скорее всего, без плантационного рабства не было бы таких объемов производства сахара, табака, а впоследствии и хлопка. Не было бы таких масштабов английского промышленного производства XVIII века. Не было бы мощных финансовых потоков, пролившихся на преуспевшие страны.

Может казаться, что царям плевать на благосостояние мастеровых. В известной мере это так. Народ для многих правителей — от монархов до президентов — всего лишь строительный материал, с помощью которого возводится государство. А у особо циничных вождей он скорее представляет собой инструмент для выкачивания ренты из ресурсов страны. Но, помня все это, не будем вдаваться в крайности. XVII–XVIII века были эпохой, когда постепенно получала распространение идея блага народа и монархи — от Генриха IV до Фридриха Великого — в большей или меньшей мере ее воспринимали. Благо народа, конечно, понималось не так, как сейчас, но все же курица в горшке, сахарок в кружке или трубка в зубах у простолюдинов правителей интересовали. Так что наш Петр, поглядев на зарубежных мастеровых, должен был реально заинтересоваться хозяйственным опытом Англии и Голландии больше, чем опытом парламентским.

О том, что требуется для процветания любой страны, нетрудно было догадаться, проехавшись по Европе. Конечно, нужна торговля! Торгующие страны процветают, а те, что варятся в собственном соку, не очень. Но как преуспеть в торговле? Современный либерал скажет, что нужно отменить государственные ограничения, накладываемые на свободу предпринимательства, и бизнес расцветет. Чем меньше государь думает о торговле, тем лучше от этого торговле. В известной мере это верно. Я сам либерал и на теоретическом уровне с данным высказыванием соглашусь. Однако не следует забывать о различиях эпох. Свобода предпринимательства дает оптимальный результат в эпоху, когда сделки осуществляются одним нажатием кнопки на компьютере. Неплохо она работает и в те времена, когда хотя бы железные дороги связывают между собой регионы, вступающие в торговые связи. Но если на пути торговых связей встают сотни верст бездорожья, открытый бандитизм на не защищенной городскими стенами местности и полное отсутствие информации о положении дел на рынках у тех купцов, что сильно от этих рынков отдалены, принцип невмешательства сам по себе еще недостаточен. Англичане и голландцы сделали свой бизнес не просто на торговле, а на морской торговле. Транспортировка товаров на дальние расстояния по водной глади, позволяющей легче перемещаться, обеспечивала бизнесу значительные доходы. Сырье, материалы и рабочая сила могли быстро доставляться в место производства товара, затем сам товар легко перемещался туда, где потребитель готов больше за него платить. В общем, мечта Петра о доступе к морю была не романтической, а конкретной, реалистической: где море — там торговля, а где торговля — там доходы и рост благосостояния.

Россия выхода к морю не имела, а потому любые теоретические рассуждения о свободе торговли были

неактуальны. Точнее, торговать-то было можно. Новгородцы в давние времена активно торговали, имея лишь выход к реке Волхову и не имея морских судов. Но главную выгоду от такой торговли получали не они, а ганзейские купцы, перевозившие новгородские меха по Балтике в дальние страны. Петр хотел получить выход к морю. Но для этого следовало воевать: то ли со Швецией за выход к Балтике, то ли с Турцией и Крымом за выход к Черному морю. С кем конкретно получится война и через какое конкретно море прорубится окно в Европу, определялось множеством обстоятельств. При ином международном раскладе Петр мог запросто продолжить биться на юге до победного конца. В долгосрочной перспективе выход к Черному морю был выгоднее, поскольку вывоз хлеба — нашего основного будущего экспортного товара — удобнее было осуществлять из портов, близких к черноземной зоне. Но в перспективе краткосрочной прорыв в Европу на севере оказался лучше прорыва на юге, поскольку в Петровскую эпоху Россия могла торговать не хлебом, а в основном пенькой, льном и железом, что требовалось в первую очередь англичанам, строившим корабли и пушки. А им удобно было импортировать товары по Балтике.

Впрочем, кто сказал, что Россия в случае прорыва к морю должна была торговать лишь собственными товарами? Лиха беда начало, а там и океанские просторы можно попытаться освоить. Задолго до петровских начинаний герцог курляндский, имевший в силу географического положения своей маленькой страны возможность строительства флота, начал активно мастерить корабли, а главное — приобрел земли в Гвинее (на западе Африки) и остров Тринидад (у американских берегов). «Великая курляндская идея» состояла в том, чтобы добиться блага народа, экспортируя черных рабов на карибские сахарные плантации. У герцога, правда, ничего не вышло в силу

неспособности постоять за себя на том рынке, где доминировали англичане, однако на курляндском фоне не так уж абсурдно выглядит легендарный мадагаскарский проект Петра Алексеевича, в соответствии с которым предполагалось установить связи с пиратами, якобы имевшими базу на острове, расположенном у африканских берегов, а затем, наверное, приобретать там «арапов» и продавать на американские сахарные плантации. Исторических сведений о попытке русских кораблей отправиться из Рогервика на Мадагаскар маловато, но сама по себе идея подобного рода вполне могла царя заинтересовать.

Итак, мысль о росте благосостояния России порождала мысль о необходимости торговли, а это, в свою очередь, порождало мысль о войне, с помощью которой можно прорваться к морям, построить корабли, торговать и пировать на просторе (как уверял нас Александр Сергеевич Пушкин). Война в условиях той давней эпохи вовсе не противоречила торговле, а сочеталась с ней, отнимая ресурсы у страны, но зато (в случае успеха) предоставляя коммерческим кругам новые деловые возможности, а государству — новые возможности фискальные. Война не была тогда для русского государя самоцелью, хотя государям войны обычно нравятся. В случае с Петром Алексеевичем имело место сочетание приятного с полезным. Царь занимался тем, к чему его от природы тянуло, и одновременно трудился на благо отечества, что давало чувство исполненного долга.

Полицейское государство без полиции

Но первый блин, как известно, вышел комом. Изучение вопроса о том, почему армия у нас в XVII веке была слабовата, оставим до следующей главы, а пока констатируем, что шведы разбили Петра под Нарвой и оказалось, что для выхода к морю, строительства флота, развития торговли и пиროвания на просторе требуется сначала создать боеспособное войско. Достижение цели отодвигалось, а подготовительных работ становилось все больше. Петр начал строить армию так, как не строили до него, — на основе рекрутского набора. Было ли это модернизацией в современном смысле слова? Ни в коей мере. «Царь-модернизатор» принудительно отрывал мужичков от родных осин, сгонял со всей матушки России в свое войско, муштровал, подчинял дисциплине, отправлял на фронт, лишая всякой надежды вернуться когда-нибудь к прежнему образу жизни — мирному труду в будни, хождению в храм по праздникам и дружескому мордобою в свободное от трудов и молитвы время.

Рекрутская армия, в отличие от наемных армий западных государств, была сравнительно недорогой, но даже такая «дешевизна» влетала Петру Алексеевичу в копеечку. Солдатики требовалось вооружить, накормить, обмундировать, а некоторых посадить на лошадей. Офицерам надо было платить за службу, как любым наемникам. Больших инвестиций требовала фортификация. Рядом с сухопутной армией рос еще и обходившийся недешево флот. Наконец, в ходе Северной

войны Петр оказывал финансовую поддержку своему союзнику польскому королю, и это тоже ложилось тяжким бременем на бюджет. Попытки финансировать крупную эффективную армию предпринимались Романовыми на протяжении всего XVII века, и, хотя временами войско и впрямь получалось боеспособным, бюджетный дефицит мешал сделать его по-настоящему стабильным. И все же Петру удалось сохранить большую армию на протяжении всей войны со шведами и наконец победить их. После Петра вооруженные силы России оставались сопоставимыми по размеру и эффективности с вооруженными силами ведущих европейских держав, что, в частности, позволило Елизавете Петровне одержать победу над Пруссией в Семилетней войне, Екатерине Алексеевне громить турецкую армию, а Александру Павловичу изгнать Наполеона.

Военный успех Петра был связан с тем, что он выкачивал деньги из страны всеми возможными способами: прямыми и косвенными налогами, разовыми поборами, порчей монеты. Не пожалел православный государь даже церкви, хотя его предшественники старались к ней в карман не залезать. Петр же изымал церковные ресурсы для восстановления армии после «Нарвской конфузии». А самым главным петровским преобразованием на финансовом фронте стала податная реформа, осуществленная в последние годы жизни царя. Петр установил подушный налог — наиболее простой и эффективный, поскольку от его уплаты трудно было уклониться. Налоговое бремя оказалось в итоге столь высоким, что после смерти Петра «птенцы его гнезда» вынуждены были тяготы несколько сократить, но в целом петровская финансовая система сохранилась надолго.

Выкачивать деньги из населения и обеспечивать стабильную поставку рекрутов можно лишь в том случае, если эффективно работает бюрократическая система. Должны быть чиновники,

обеспечивающие точный учет средств, получаемых государством, и направление этих средств на самые насущные нужды. До Петра бюрократический механизм стабильной системы управления государством не обеспечивал. В частности, приказная система строилась по принципу реагирования на возникающие вызовы: есть новая проблема — появляется новый приказ. С подобным подходом неизбежно была связана некая хаотичность управления. Петр же сформировал систему коллегий (прообраза министерств), основанных на функциональной системе управления, и все вновь возникавшие проблемы должны были так или иначе вписываться в эту систему.

В основе петровского механизма находились армия и флот — то главное, ради чего затевались административные перемены и что должно было обеспечивать военные победы. Все остальное государственное администрирование армии и флоту так или иначе содействовало. Дипломатия мирными средствами вела войну с врагами. Финансы обеспечивали войну ресурсами. Промышленность и торговля позволяли взимать со страны все больше налогов. Юстиция и ревизионная деятельность предохраняли финансы от расхищения, поскольку имелось немало людей, желавших отвести от большого финансового потока хоть тоненький ручеек в свой карман. И хотя воры все равно воровали, коррупция пронизывала даже антикоррупционную деятельность, собранные налоги часто попадали совсем не туда, куда должны были попасть, а промышленность с коммерцией были далеки по уровню развития от английских и голландских образцов, армия становилась сильнее, флот постепенно осваивался на морских водах, шведы гнулись, и старая Московия медленно превращалась в новую Российскую империю.

В связи с проблемой бюрократии нам следует взглянуть на проблему крепостного права. О том, почему оно на Руси возникло, пойдет речь в следующей главе. Но сейчас напрашивается вопрос: если Петр был реформатором, если его имя сплошь и рядом используется сегодня в сочетании со словом «модернизация», почему он не отменил крепостное право? Почему не помог своим преемникам реально модернизировать Россию? Ведь модернизация возможна лишь на основе свободного труда, на основе быстрой урбанизации, возникающей при переселении вчерашних крепостных в город, и на основе развития промышленных предприятий, где трудятся эти новые горожане. Сохраняя крепостничество, Петр, в частности, лишился возможности сделать из столь любимого им Санкт-Петербурга новый Лондон или новый Амстердам. Петербург ведь задумывался государем как крупный коммерческий центр, обращенный лицом к Европе, но населался, в отличие от Лондона и Амстердама, с использованием не столько рыночных, сколько жестких административных методов.

На вопрос о крепостничестве есть три типа ответов. Проще всего сказать, что если Екатерина, как мы видели, не имела союзников в деле борьбы с рабством, то уж Петр, правивший значительно раньше, не мог иметь их тем более. Однако Петр, в отличие от Екатерины, об отмене рабства вряд ли задумывался. Во всяком случае, у нас нет никаких исторических свидетельств для того, чтобы иметь основание усомниться в сущности Петра как жесткого крепостника. И это не покажется странным, если мы взглядем в суть Петровской эпохи. Как отмечалось выше, рабовладение и работорговля представляли собой нормальный бизнес для всех европейцев, которые могли этим заниматься. Голландцы и англичане лидировали в организации этого бизнеса, перехватывая пальму первенства

у португальцев. Не брезговали рабовладением в своих колониях и испанцы, хотя значительно более интенсивно развивали там такие формы подневольного труда, как энкомьенда и мита, очень напоминавшие по правовым и организационным формам наше русское крепостничество. В Пруссии, Польше и империи Габсбургов существовало крепостничество «для своих», а не для заокеанских аборигенов. Так что Петра не могли соблазнить свободолюбием ни в немецкой слободе, куда он заезжал в молодости, ни в большом европейском турне, из которого он мог почерпнуть мысль о том, что подневольный труд надо использовать с умом, но никак не мысль о вреде рабства. Государь использовал крепостничество с умом, мысля в духе своей эпохи и распространяя рабство на активно создававшиеся в Петровскую эпоху промышленные предприятия, нуждавшиеся в рабочей силе.

Впрочем, есть еще один вариант ответа на поставленный вопрос, возможно наилучший. Даже если бы Петр опередил свое время, прозревая контуры будущего экономического развития, основанного на свободном труде, он не мог бы отменить крепостничество, поскольку оно выполняло важную функцию в деле строительства петровского государства. Как говорилось выше, Петр лишь начинал формировать многочисленную бюрократию, способную поддерживать должный порядок в стране, собирать налоги, переправлять деньги в нужное место для решения государственных задач, творить суд, исполнять наказания, поставлять в армию рекрутов и следить, чтобы ни один дворянский недоросль не уклонялся от выполнения своих обязанностей. Но, как иногда образно выражаются, Россия была полицейским государством, которому сильно не хватало полиции. Достаточного числа хорошо подготовленных (или худо-бедно натасканных) бюрократов в Петровскую эпоху не имелось для нормального функционирования государства,

стремящегося воевать и нуждающегося в большой, хорошо вооруженной и тщательно экипированной армии. Чиновников не хватало бы, даже если бы Россия была сопоставима по размерам с другими европейскими государствами, а в стране, разбросанной по гигантским просторам до Тихого океана, их тем более трудно было набрать за сравнительно короткое время. Поэтому функции бюрократии отчасти брал на себя помещик-крепостник. Он не только пользовался правом взимать оброк со своих крестьян, но должен был обеспечивать контроль за всем тем, что получало от крестьян государство. В случае массового неповиновения, а также для сбора недоимок или поставки рекрутов можно было привлечь армию, но в ситуации, не требовавшей экстраординарного вмешательства военной силы, должный порядок поддерживался помещиком и его небольшим бюрократическим аппаратом (управляющий, старосты и т. д.).

Таким образом, крепостное право являлось не только системой эксплуатации одного класса другим, на что обращают внимание марксисты, но и системой организации функционирования государства. Нравится нам петровское государство или нет, оно не могло отказаться от крепостничества. Зачем ломать то, что хорошо работает? А исходя из реалий Петровской эпохи, реалий России как отстававшей в своем развитии окраинной европейской страны и задач, которые ставились перед ней государем, система крепостного права работала хорошо. Подчеркнем: исходя из реалий той эпохи. Поэтому комплекс связанных с крепостничеством проблем, которые ужасали прогрессивно мыслящих людей в первой половине XIX века, совсем не волновал Петра. Он с легким сердцем оставлял в наследство своим преемникам большие проблемы, полагая, по всей видимости, что для них найдутся оптимальные решения.

Бей своих, чтоб чужие боялись

Петровские преобразования во многом не устраивают нас, когда мы глядим на них из нашего времени. Мы не узнаем в петровской модернизации то, что принято считать модернизацией, — движением к модерну, к современности, рынку и демократии, открытости и толерантности. Однако Петровские реформы абсолютно не устраивали и значительную часть его современников. Для них, как и для нас, он был странным человеком, но не потому, что стремился в неясное будущее, а потому, что стремился на совершенно конкретный Запад — в мир еретиков, проклятых «латын», «лютеров», и «кальвинов». Недаром многие считали Петра Антихристом.

Проблема противостояния консервативной части старого московского общества с реформаторской его частью возникла не при Петре. Она вызревала на протяжении всего XVII века, поскольку Запад проникал в Московию вместе с наемниками, приглашенными для реорганизации старого войска, для построения полков иноземного строя. По всей видимости, новшества не нравились многим, но организованное сопротивление им могла оказать лишь церковь как единственная структура, заинтересованная в максимальном сохранении традиции и объединявшая на этой основе консерваторов. Церковь не привечала иноземцев в Москве, настаивая на том, чтобы они проживали отдельно, в Немецкой слободе. Церковь решительно возражала против того, чтобы наше православное воинство возглавляли генералы-иноверцы. Церковь противилась тому, чтобы в Москве строили храмы иных христианских конфессий. И конечно, церковь активно

противилась покушениям на ее деньги и имущество, в то время как Петр на них посягал в поисках средств для восстановления армии после «Нарвской конфузии».

В конечном счете Петр радикально реформировал православную церковь, упразднив патриаршество и поставив священников под управление Священного синода, которым фактически сам и руководил через посредство обер-прокурора. Многие исследователи считают церковную реформу самой важной и наиболее радикальной реформой Петра, хотя в массовом сознании она занимает второстепенное место по сравнению с такими понятными народу преобразованиями, как создание новой армии, строительство флота и учреждение коллегий для управления страной. В самом деле, именно церковная реформа Петра может считаться в полной мере модернизаторской даже при взгляде на преобразования той эпохи из нашего времени. Формально мы не видим прямой связи между церковной реформой и тем, что принято считать крупнейшими достижениями Петра, — созданием империи, завоеванием Ижорской земли и Балтии. Царь, похоже, руководствовался принципом «бей своих, чтоб чужие боялись». Ослабляй церковь, чтобы ослабить военных противников. Бери в плен внутреннего врага, чтобы в конечном счете пленить врага внешнего.

Главным результатом церковной реформы оказались ее долгосрочные последствия. Жесткое давление на церковь помогло российским реформаторам в будущем осуществить преобразования. Можно сказать, что само формирование реформаторских групп элиты через несколько поколений после Петра стало следствием церковной реформы и связанных с ней обстоятельств. Царь подчинял церковь, чтобы она не мешала ему заимствовать зарубежный военный опыт, а также опыт государственного строительства и опыт строительства кораблей,

которым обладали лишь «лютеры» и «кальвины». Но вышло так, что подчинение церкви сработало на долгосрочную перспективу, поскольку при беспорядке в государственных делах священство легче стали устанавливать тесные культурные связи между Россией и другими странами Европы, облегчились поездки иностранцев с запада на восток для участия в российских преобразованиях и наших людей с востока на запад для обучения тому, как эти преобразования следует осуществлять.

Церковь, в отличие от государства, по природе своей консервативна. Государству для выживания регулярно следует обновляться. Если оно не будет делать свою армию более эффективной с учетом опыта хорошо воюющих соседей, эти соседи рано или поздно придут с завоевательными целями и слабую армию разобьют. Для выживания церкви, напротив, всякие обновления опасны. Если ей удастся не допускать на свою территорию проповедников иных конфессий, паства будет следовать старым добрым традициям, не впадая в ересь. Если же проповедники придут, они, в отличие от мастеров по «ремонту» армии, флота и государства, оттянут от традиционной церкви какую-то часть паствы.

Характеризуя церковь как консервативный институт, я ни в коей мере не стремлюсь расставлять знаки: что положительно, а что отрицательно, что хорошо, а что плохо. Можно вспомнить, как в Московском государстве православная церковь, будучи в целом институтом консервативным, обладала правом печаловаться перед государем за сирых и убогих. Временами это делало ее ограничителем царского деспотизма, что ярко проявилось, например, в годы опричнины. Но меня в данной книге интересуют не этические моменты (это особая тема), а проблемы развития. И обсуждать проблемы консерватизма я буду именно с этих позиций.

О том, к каким последствиям может привести страну успешно функционирующая рядом с государством консервативная церковь, показывал в XVII столетии пример Испании. В позднее Средневековье испанские города успешно развивались, не уступая в целом городам Франции и Англии и явно опережая города Восточной Европы по развитию ремесла и торговли. В XVI веке Испания, обогатившаяся заокеанским серебром, стала в военном отношении самой сильной страной Европы. Однако XVII век ознаменовался ее явным упадком. Как по военной линии, так и по хозяйственной Испания сильно сдала позиции. В конечном счете ослабло и государство. Война за испанское наследство, происходившая как раз в Петровскую эпоху, показала, что страна становится игрушкой в руках других европейских держав. Конечно, было много причин такого упадка, однако важнейшей оказалось доминирование испанской инквизиции, которая ради борьбы с ересями совершала целый ряд разрушительных действий, подрывая хозяйственную систему.

В России, правда, инквизиции не имелось. Она была более свободна от инквизиторских начинаний, чем любая страна католического мира, поскольку в Средние века доминиканский орден активно защищал и «зачищал» веру повсюду, а не только в Испании. В православном мире инквизиции не существовало. Более того, в православной традиции, идущей еще от греков, церковь всегда стояла на втором месте после светской власти. Трудно себе представить что-то вроде инквизиционных «зачисток» испанского типа на российских просторах. Тем не менее роль церкви в допетровской России все же не следует недооценивать.

Церковь постоянно претендовала на роль «морального учителя» государей. Находясь формально у них за спиной, она стремилась к тому, чтобы определять некоторые важные

направления политики, не вдаваясь, конечно, в управленческие детали. Большое влияние церкви при решении принципиальных для развития страны вопросов выявилось уже во время полемики иосифлян с нестяжателями. Роль Иосифа Волоцкого в эпоху Ивана III оказалась значительнее, чем можно было представить себе, исходя из формальных моментов, определяющих место церкви в православном государстве. Правда, при Иване Грозном митрополиты не смогли противиться опричнине и усилению персональной власти царя, что выразилось, в частности, в трагической гибели Филиппа Колычева, но после Смуты картина стала существенно иной. Патриархи Филарет и Никон обладали огромным моральным авторитетом. Филарет был отцом Михаила Романова, а Никон долгое время имел сильное влияние на Алексея Михайловича. Московское государство стремилось к усилению своего влияния на европейских территориях, населенных православными людьми (от ближней Малой Руси до дальней Греции), и в этой ситуации важны были не только «силовики», с помощью которых Москва теснила Речь Посполитую, но и «смысловики», способные убедить местное население в том, что к ним пришли не завоеватели, а освободители. «Смысловиками» же в то время могли быть только представители церкви. Иных политтехнологий эпоха не знала.

Падение патриарха Никона, думается, не было predetermined. Во многом оно, как и предшествующее возвышение, определялось субъективными обстоятельствами, особенностями личности главы церкви и главы государства. Сложившиеся правила игры не мешали появлению нового могущественного патриарха. Ни при Алексее Михайловиче, ни при Федоре Алексеевиче и Софье Алексеевне не было осуществлено институциональных изменений, способных ограничить влияние церкви на жизнь страны. Да подобных

изменений и не планировалось. Институционально роль церкви была ограничена лишь Петром Алексеевичем, причем настолько, что от личного авторитета крупных церковных фигур уже ничего не зависело. С тех пор великие церковные деятели на Руси бывали, но великого воздействия на основания жизни страны они уже не оказывали.

Скорее всего, такого деструктивного воздействия на развитие страны, какое в Испании оказала инквизиция, на Руси быть не могло при любом ходе событий. Даже если бы Петр не провел церковной реформы, церковь оставалась бы проводником консервативных (точнее, охранительных) взглядов, широко распространенных в обществе, но не проводником репрессий против людей, способных что-то изменить. Но нам не следует недооценивать значение охранительства, которое было в головах у сторонников традиционных скреп. Людям, сформировавшимся в XX или XXI столетиях, трудно представить себе ментальность человека XVII–XVIII веков, когда не имелось современных средств коммуникации, когда не было даже привычки к регулярному чтению, когда читали в основном лишь религиозную литературу, не стремясь искать новые тексты, когда ко всему иноземному и иноверческому с рождения относились подозрительно, путешествовали крайне редко, да и то в основном с паломническими целями, не имея ни коммерческих, ни туристических интересов. Нам может показаться сегодня, что русский человек той эпохи должен был стремиться к новым знаниям просто исходя из своей человеческой природы, которой свойственен поиск нового, но у человека традиционного общества природа была совершенно иной. Давление церковных авторитетов, утверждавших, что не нужны нам ни чуждые идеи, ни иноземные псевдознания, ни заморские обычаи, ни общение с теми, кто может смутить

православного человека и погубить его душу, способно было отвратить подданных русского царя от любых перемен.

При сильной консервативной церкви и слабом государстве интерес к Западу и его знаниям долго оставался бы уделом маргинальной нонконформистской части общества. Но при слабой церкви и сильном реформаторски настроенном государстве, желавшем иметь сильные армию и флот, сильную бюрократическую систему и сильные финансы, общество менялось гораздо быстрее. Поначалу оно менялось в основном исходя из прагматических целей: поучиться тому, чему царь велит учиться, занять предоставленную царем должность, получить от царя высокий чин и почетный орден, нажить правдами и неправдами состояние благодаря должности, чину и личной хватке. Но со сменой поколений интерес к знаниям, новому опыту, иному образу жизни начинает развиваться независимо от прагматических целей. На смену человеку традиционного общества приходит человек общества модернизирующегося, и он ищет что-то интересное уже независимо от того, насколько ему это выгодно. Как мы видели выше, такие люди в массовом порядке стали появляться в России лишь в XIX веке. Но без церковной реформы Петра, без тех стимулов к учению и карьере, которые он сформировал, XIX век для России мог наступить гораздо позже.

Таким образом, петровские преобразования имели своеобразные последствия для России. Пожалуй, их можно отнести к числу непреднамеренных последствий, которые, как полагают многие современные специалисты по исторической социологии, обычно и продвигают различные общества к будущим переменам. Петр о волошинских «грядущих далях» не думал, а о том, что в ходе исторического развития происходит радикальная трансформация страны, не догадывался. Он стремился к вполне понятным вещам, которые

так или иначе делали государи-реформаторы в иных странах. Петр хотел сделать Россию сильнее в военном плане, обосновывая необходимость перемен идеей общего блага, что было вполне в духе европейских веяний. Петровские преобразования, по мере выявления их необходимости, вырастали одно из другого. Так он дошел и до осуществления важнейших перемен, которые действительно можно счесть модернизационными. Ядром этих перемен стала церковная реформа. Воюя со шведами, Петр должен был победить церковь. Воюя с иноземцами, он должен был победить своих. Воюя на полях, он должен был победить в головах.

Формирование Святейшего правительствующего синода вместо патриаршества произошло в конце жизни Петра и наряду с податной реформой увенчало комплекс осуществленных им преобразований. Но последовательность действий не обязательно должна была быть именно такой. Необходимость комплексных преобразований Петр, скорее всего, осознал раньше, раньше мог появиться и Синод, но логически церковная реформа завершает комплекс петровских преобразований, поскольку именно ослабление церкви как института формировало общие условия для всех вестернизационных действий царя. Хотя для него, как и для многих других политических деятелей России, Запад не всегда был примером, чрезвычайно важным оказалось то, что вестернизации отныне перестали бояться. Вестернизация с петровских времен стала одним из возможных механизмов осуществления преобразований. Не экстраординарным, не еретическим, не шокирующим православное население, а именно одним из нормальных и возможных. После Петра политический деятель мог быть настроен на то, чтобы укреплять контакты с Западом или ослаблять их, но в любом случае он руководствовался своими и государственными

интересами, а не сложившимися в давние времена ментальными установками. После Петра русский мыслитель мог стать условным западником или условным славянофилом, но отношения этих интеллектуальных течений между собой не являлись борьбой одного верного течения с другим, еретическим. После Петра идеи, вырабатывавшиеся новой эпохой, стали значить для русского общества больше, чем идеи, выработанные давней традицией. И это стало важнейшим условием всех перемен: от таких позитивных, как Великие реформы, до таких разрушительных, как русские революции.

Альтернатива седьмая. «Злой» Петр против «доброего» Федора

Как минимум со времен княгини Дашковой — знаменитой подруги императрицы Екатерины II — идет спор о том, был ли Петр Великий объективно необходим для величия России или можно было добиться позитивных результатов в развитии страны, не применяя особой жестокости. Нафантазировать можно любую альтернативу Петру, и все же спор этот не так уж оторван от жизни. Дело в том, что Петр Алексеевич стал царем потому, что в очень раннем возрасте умер его старший брат Федор Алексеевич, правивший совсем недолго, но успевший за время пребывания у власти провести такую важную реформу, как отмена местничества. Что было бы с Россией, если бы Федор оказался крепче здоровьем? Существовала ли федоровская альтернатива петровскому курсу? Некоторые историки (например, Андрей Богданов) настаивают на том, что она была.

Для того чтобы разобраться с альтернативой, следует принять во внимание два важных момента. Во-первых, когда реально началась вестернизация Московии. Во-вторых, какие проблемы реально волновали государей XVII — XVIII веков.

Вестернизация началась, конечно, не при Петре. В той или иной мере желание использовать западный опыт для построения армии проявлялось на протяжении почти всего XVII века. Вместе с интересом к армейским вооружениям и построениям приходил интерес и к другим аспектам западной жизни. Поскольку вестернизация в той или иной мере шла при Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче и Федоре

Алексеевиче, невелика вероятность, что заимствование западного опыта при каких-то обстоятельствах сошло бы на нет.

Но следует подчеркнуть, что если сегодня мы ценим в делах давно минувших дней приобщение к западной культуре, распространение знаний и обычаев, характерных для цивилизованных стран, повышение эффективности экономики и ограничение деспотизма, то для современников первостепенное значение имели боеспособность армии, сражающейся с соседями, и работоспособность бюрократии, снабжающей армию деньгами, рекрутами, боеприпасами и провиантом. Вестернизация понималась и Федором, и Петром совсем не так, как понимаем ее мы.

Как показал опыт XVII века, сформировать мощную армию России было трудно из-за отсутствия достаточных ресурсов, точнее из-за неспособности выкачать из народа необходимые для повышения боеспособности ресурсы. Поэтому если в целом вестернизация могла идти и без Петра, то способность московских государей продвинуться на Запад, побеждая таких сильных соперников, как шведский король, вовсе не была гарантирована. Соответственно, если «петровская модернизация» в нашем понимании — это приобретение широкого круга накопленных западными странами знаний, то она худо-бедно шла бы и без Петра. Если же Петр ассоциируется у нас в первую очередь с полтавской победой, созданием флота, основанием Петербурга, присоединением Ижорской земли и Балтии, повышением репутации России в Европе, то ничто из перечисленного не было гарантировано объективным развитием страны. Все это требовало огромных ресурсов, а выкачивание их из народа требовало от правителя невероятной энергии и, увы, изрядной жесткости.

Каждый читатель может сам для себя решить (исходя из своего понимания исторических задач страны), способен ли

«добрый царь» решить задачи, посильные «злому царю». Впрочем, ко всем этим рассуждениям следует добавить еще один важный момент. Культурный разрыв православного мира с католическим и протестантским серьезно осложнял любые заимствования в ту эпоху, когда религиозность очень много значила для людей. Вестернизировать православную Московию было труднее, чем католическую Польшу, хотя обе страны находились далеко от центров экономического, политического и культурного развития Европы. Новшества, которые для католиков были именно новшествами, православные люди могли воспринимать в качестве ереси, поскольку шли они от «латын», «лютеров» и «кальвинов», от которых ничего хорошего верующий человек ждать не мог. Если Московское государство в XVII столетии настраивалось постепенно на реформаторский лад, интересуясь заимствованиями, то православная церковь все более проявляла консерватизм, препятствуя по мере сил даже принятию на военную службу иностранцев, полагая, что чуждые по духу люди будут не столько способствовать победам нашего оружия, сколько искушать люд православный еретическими соблазнами.

Петр жестко ограничил влияние церкви на государство. Значительно более жестко, чем его отец Алексей Михайлович, отстранивший от патриаршества Никона. Вряд ли иной традиционно сформировавшийся государь православной Руси мог устранить патриаршество как институт, создав для управления церковными делами Синод и подчинив его самому себе с помощью специального чиновника, названного обер-прокурором. Но без этой реформы окно, прорубленное в Европу, превратилось бы, скорее всего, в форточку.

Миф седьмой. О том, что пришел Петр и все испортил

В середине XIX века, когда петровские времена были уже далеко, дочь Петрова Елизавета давно почилла в Бозе и даже матушку Екатерину, начертавшую на Медном всаднике «*Petro primo — Catharina secunda*», изрядно подзабыли, появились в России славянофилы. Возлюбили они не столько славян (тем более что никаких славянофобов в России не было, а были западники, тоже любившие славян, но по-своему), но те допетровские времена, когда солнце было ярче, трава зеленее, вода мокрее и немцы скромнее. Славянофилы скептически относились к немецкому влиянию, которое началось с Петра. Они полагали, что у нашей Святой Руси есть особый путь развития, соответствующий склонностям нашего народа, а всякое чуждое влияние может народ испортить. Ну, может, не всякое, поскольку от греков из Византии шло к нам издревле влияние православное — славное и правильное. Но от злых и жестоких германцев трудно было чего-либо правильного и славного ожидать. А Петр с ними подружился, гулял и выпивал, носил нехорошую, короткую одежду и сбривал хорошие, длинные бороды.

Самым же печальным было то, что Петр осуществил, как сказали бы современные политологи, институциональные преобразования. При первых царях династии Романовых собирались на Руси земские соборы. Государи советовались с народом, хотели знать мысли и мнения с мест. Петр оказался не только самовластным, но и инакомыслящим государем.

Знать он хотел о том, что мыслили в иных землях, тогда как своей управлял жестко и самодержавно, с народом не советуясь.

Славянофилы изображали в своих размышлениях идеальную картину жизни старой Руси, которой на самом деле не существовало. А потому Петр не мог нам все испортить. Он сильно повлиял на исторический путь России, сумел разрешить одни проблемы, создал при этом другие, но между старой Московией и новой Россией не могло быть такого резкого контраста, как следовало из многих славянофильских текстов. Серьезное изучение истории — хотя бы по Карамзину, которого читали русские интеллектуалы, — могло бы избавить от идеализации прошлого. Но если исторические факты расходятся с желаемым идеалом, интерес к фактам у искренне верующего в лучшее человека резко снижается. Славянофилы часто не изучали историю, а конструировали ее в своих головах. Недаром два лучших русских историка того времени — Тимофей Грановский, специалист по Европе, и Сергей Соловьев, автор многотомной «Истории России», — были западниками. Не в смысле преклонения перед иностранщиной, а в смысле объективного интереса, питаемого к реальному прошлому — как иностранному, так и отечественному.

Изучение реальной истории показывает, что как до Петра, так и после него на Руси было много жестокости, злобы, междоусобиц. Как, впрочем, и на Западе. Изучение показывает, что наша церковь была далека от святости. Как, впрочем, и западная. Изучение показывает, что земские соборы были отнюдь не тем местом, где добрый государь слушал правду от верных подданных, но, как и зарубежные парламенты, ландтаги, штаты, кортесы, сеймы, они были местом сурового торга между разными группами интересов и заключения соглашений по некоторым чрезвычайно важным для страны вопросам.

Важнейшей функцией всех парламентов, не исключая наших соборов, было решение финансовых проблем страны. Монарху требовались деньги для ведения войны. Обычно он не мог собрать налоги с населения, не получив согласия представителей общества. Точнее, не всего общества, а платежеспособной его части. Мнение «граждан» никого не интересовало. Да, собственно, никаких граждан и не было. Имелись лишь подданные, которым следовало раскошелиться. На соборах решали, как конкретно раскошелиться, как собирать в казну деньги, находящиеся в частных кошельках, кто раскошелится больше, а кто меньше, как широко придется раскрывать кошелки для того, чтобы одержать победу в грядущей войне. В кризисных ситуациях, когда, скажем, пресекалась правящая династия, соборы могли решать вопрос о престолонаследии. Точнее, не решать, поскольку решали вопрос все же в узком кругу сильные мира сего, а легитимировать принимаемые решения так называемым «мнением всей земли».

Сложный, неидеальный допетровский мир должен был трансформироваться в связи с возникновением серьезных проблем Нового времени. Так же, как должен был трансформироваться мир любой европейской страны, которой в условиях так называемой огнестрельной революции приходилось все больше и интенсивнее воевать, все больше тратить денежных средств на формирование армии, строительство фортификационных сооружений, закупку вооружения и провианта. Трансформация не означала перехода от Святой Руси к царству Антихриста. Но не означала она и обратного: перехода от сонной русской косности к динамичной европейской мудрости. Петр не мог быть великим творцом новой России, единолично заставившим ее развиваться, но не мог он быть и ее злым гением, разрушившим

многовековую православную идиллию ради подражания немцам.

Глава восьмая. О том, как Иваны Васильевичи подкузьмили Петра Алексеевича

Хотя в происхождении крепостного права на Руси нет ничего загадочного, знания наши сложились так, что настоящее объяснение не лежит на поверхности. И дело вовсе не в том, что кто-то его слишком глубоко зарыл. Проблема выглядит иначе: кто-то предложил такие объяснения, которые толком ничего не объясняют и лишь добавляют таинственности.

Кто прав в вопросе о праве?

Люди старших поколений учились еще в те времена, когда у нас господствовало марксистское учение. И хотя марксизм предперестроечной эпохи, в отличие от первых постреволюционных лет, не отрицал необходимости обстоятельного, конкретного изучения истории, свой отпечаток на знания школьников, студентов и читателей популярной литературы он накладывал. Официальные трактовки многих проблем нашего прошлого были схематическими и даже схоластическими. Сложность реальной жизни уступала место стремлению построить историю так, чтобы она не противоречила отдельным тезисам Маркса, Энгельса и Ленина. Объяснение причин возникновения крепостного права на Руси опиралось на три важнейших марксистских положения. Во-первых, любое общество (кроме первобытного и коммунистического) состоит из таких больших групп людей, которые называются классами, причем господствующий класс всегда эксплуатирует класс трудящихся. Во-вторых, государство есть орудие господствующего класса, которое предназначено для подавления возможного сопротивления эксплуатируемых трудящихся с помощью армии, полиции, судов, тюрем и т. д. В-третьих, конкретные формы эксплуатации определяются уровнем развития производительных сил, то есть, грубо говоря, тем, работают ли люди в деревне на земле старенькими мотыгами или в городе на фабрике стоят у сложных современных станков. Из всего этого получалась следующая картина. Средневековое общество делится на класс помещиков и класс крестьян. Первые эксплуатируют вторых, используя для

этого государственное принуждение. В частности, государство закрепощает крестьян для того, чтобы они не могли избежать эксплуатации помещиками. И подобное силовое принуждение к труду сохраняется до тех пор, пока не возникает капитализм с его фабричным устройством и такой формой эксплуатации, при которой закрепощения рабочих не требуется, поскольку голод все равно заставит их идти к станкам.

Не будем сейчас вдаваться в долгие рассуждения о правомерности подобной схемы. Нам для анализа крепостного права важен лишь один момент. Марксизм, смотрящий на исторические события с высоты птичьего полета, не объясняет, почему в одних европейских странах крепостное право рассосалось к началу Нового времени, а в других — нет. Не объясняет он, почему так называемое вторичное крепостное право процветало к востоку от Эльбы, тогда как к Западу в основном исчезло. И это притом, что ни производительные силы стран Запада, ни ренессансный гуманизм в целом, как видели мы раньше, грубые силовые действия в отношении эксплуатируемого класса не отменили: рабство в колониях к XVII–XVIII векам лишь расцвело. Видимо, нам нужны принципиально иные подходы к проблеме, объясняющие, почему одни и те же «эксплуататорские классы» и одни и те же государства не лишали свободы «эксплуатируемых» в Европе, но продолжали ее их лишать за океаном на сахарных и хлопковых плантациях.

По мере массового разочарования в марксизме и перспективах демократизации нашей страны все более широкое распространение получает в России иной подход. Утверждается, что рабство (или, скажем мягче, бегство от свободы) в принципе свойственно нашему варварскому обществу. Это его, так сказать, вековая культурная особенность. Иногда говорят, что она стала следствием долгого татаро-

монгольского ига, приучившего людей юлить, подличать, подхалимничать, отказываться от своей гордости и попыток непосильной борьбы за свободу. Иногда ссылаются не на внешние, но на внутренние проблемы: говорят, что наша рабская культура стала следствием формирования репрессивного государства Ивана Грозного с опричниной, пытками, казнями и такой жестокостью, которая сделала совершенно бессмысленным всякое сопротивление самодержавной тирании. Причем, согласно данному подходу к проблеме, отказ от свободы свойственен был всему русскому обществу, а не только крестьянству, поскольку даже князья и бояре стали, по сути, царскими холопами, отказавшимися от чести и достоинства, не борющимися за сословные права и униженно именовавшими себя Петрушками, Ивашками и Матвейками в подаваемых государю челобитных.

Данный подход к проблеме срabатывает не лучше марксистского. Он никак не объясняет, почему крепостничество, наряду с русскими землями, утвердилось, скажем, на землях польских, где шляхта за свои права боролась активнее, чем любое другое европейское дворянство. Польша не страдала от татаро-монгольского ига, не имела тиранов типа Ивана Грозного, да и других причин для формирования всеобщего рабства не имела. Тем не менее подавляющее большинство населения, каковым является крестьянство, жило в условиях, похожих на российские. Не объясняет данный подход распространение крепостного права на немецких землях, находящихся восточнее Эльбы, где со временем демократия утвердилась, что опровергает тезис о вечной культурной предопределенности тех или иных народов к рабству. Получается, что оно существует для одних групп населения и не существует для других, оно широко распространено в одни эпохи, но не распространено в другие,

оно может при неблагоприятных условиях возвращаться, скажем, в виде гитлеровской нацистской деспотии, а затем, при смене условий, быстро уступать место современной демократии.

В общем, все это делает чрезвычайно сомнительным тезис, согласно которому на Руси рабство вошло в плоть и кровь всего народа, да так там навсегда и осталось. Надо искать иные объяснения, причем в исторических исследованиях найти их нетрудно. В предыдущей главе уже говорилось о том, что при Петре крепостное право сохранялось по вполне понятным рациональным причинам и ни марксистские, ни культурные соображения здесь ни при чем. Нам надо найти объяснения возникновения крепостного права в допетровскую эпоху, и в поиске этих объяснений придется пойти не совсем привычным путем. Для начала потребуется отойти от экономической истории, непосредственно связанной с крепостным трудом, политической истории, связанной с утверждающим крепостничество государство, и истории культуры, исследующей разные ментальности. Нам придется обратиться к истории военной, хотя, на первый взгляд, она далека от интересующих нас проблем.

Какой металл нужен для огнестрельной революции?

На исходе Средневековья в разных странах Европы энергично искали возможности трансформировать традиционно существовавшие, но действовавшие не очень эффективно армейские формирования. Вести войну по старинке становилось все труднее, особенно если потенциальный противник уже приступил к реформе армии. Быстро устаревавшие войска относились к одному из двух возможных в феодальную эпоху видов, и оба обладали существенными недостатками.

Народные ополчения хорошо сражались в то время, когда целые народы «специализировались» на набегах, грабежах и разбое. Кочевые племена, кормившиеся лишь тем, что могли отнять у робких оседлых тружеников, вырабатывали у себя военные навыки наряду с агрессивностью и жестокостью. Но отказ от разбойного образа жизни и переход к спокойному методичному труду на полях или в городских мастерских принципиально все менял. При необходимости крестьянина или ремесленника мобилизовывали на защиту родины, но толку от него в бою не было. Он не имел своего оружия, не практиковался в стрельбе в мирное время, не обладал нужной физической силой и уж точно не обладал искусством фехтования или сражения на мечах. По всей Европе — от Франции на западе до Руси на востоке — народные (земские, городские) ополчения стали со временем привлекать к военным действиям лишь в кризисной ситуации,

в дополнение к феодальным армиям. Профессионально сражаться в Средние века могли только благородное сословие (знающее лишь меч, но не орало) и те небольшие дружины, которые аристократы содержали на свои средства. Однако с этими военными структурами тоже возникали проблемы.

Теоретически вассалы обязаны были являться по призыву своих сеньоров на смертный бой, поскольку держали от них землю. Но на практике могли не явиться. Могли намеренно опоздать на поле боя. Могли, наоборот, уйти до начала важнейшего сражения, ссылаясь на то, что обязаны за землю служить лишь определенное число дней в году. Могли привести ослабленные дружины, ссылаясь на отсутствие средств для содержания воинов. Могли уклониться от конфликта двух сеньоров, ссылаясь на то, что часть земель они держат от одного из них, а часть — от другого. В общем, гарантии боеспособности ни одно феодальное войско не давало. Применительно к русским землям историки обычно не используют слова «феодал», «сеньор», «вассал» и т.д., но суть проблем боеспособности была примерно той же, как и на западе, где процветал феодализм. Наш младший князь мог в определенный момент запросто оставить без подмоги старшего, поскольку тот, мол, в прошлом плохо с ним обращался. Кроме того, и на западе, и на востоке в подобном войске существовали проблемы тактики и дисциплины. Благородные господа сражались обычно кто как умеет, стремясь не столько к достижению общего результата, сколько к поединкам, в которых можно было взять пленника и впоследствии отдать его за хороший выкуп.

Примерно с XIV века все более перспективными становились войска нового типа — наемные. Отдельные наемные отряды существовали и ранее, но их потенциальные наниматели, включая государей, были слишком бедны для того, чтобы платить жалованье большому числу солдат. Раздача земель

вассалам и мобилизация ополченцев представляли тогда более реалистичные методы организации армии, хоть они и обладали отмеченными выше недостатками. Ситуация стала меняться в основном в связи с формированием богатых торговых городов, жители которых могли позволить себе нанять частную военную компанию вместо того, чтобы самим становиться в строй и рисковать жизнью, не умея сражаться. Эффективность такого подхода к военному делу становилась постепенно все более очевидной и для государей, стремившихся изыскать любые ресурсы для создания наемных армий. Они собирали парламенты для обсуждения с представителями народа вопроса о том, кто и сколько может дать денег на оборонные нужды. Если на территории страны имелись богатые города и знать, обладавшая деньгами (скажем, благодаря расположенным на ее земле рудникам), государи могли трансформировать армию.

С каждым новым десятилетием их все больше интересовали деньги. Каждый король стремился нанять больше солдат, поскольку этим же занимался его вероятный противник. Кроме того, огромные деньги теперь требовались и для вооружения. В связи с использованием пороха для военных целей в европейских странах происходила так называемая огнестрельная революция.

По мере распространения огнестрельного оружия воюющим монархам приходилось вкладываться в аркебузы и мушкеты, пушки и мортиры. А мощная, разрушительная артиллерия требовала изменения оборонительных сооружений. Стены старинных замков от ядер разлетались в пыль, и надо было вместо них строить толстые земляные валы, укрепленные камнем и снабженные бастионами. Сквозь валы ядра не пробивались, а бастионы позволяли держать под обстрелом всю окружающую территорию.

Именно в эту эпоху военный вопрос стал в Европе вопросом финансовым. Для изготовления пушек требовались бронза, а затем железо, но еще больше для внедрения артиллерии

в армию требовались золото и серебро, которыми платили и за бронзу, и за железо, и за работу оружейных мастеров, и за службу артиллеристов, аркебузирова, мушкетеров, военных инженеров, а также строителей фортификационных сооружений. В связи с принципиально новыми военными угрозами короли стремились собирать со своей страны деньги, а не вассалов. Есть деньги — есть армия, нет денег — нет армии. Люди, способные сражаться, находились практически всегда, а финансовые ресурсы даже в сравнительно богатых странах могли оказаться в дефиците. Долгие войны и ожесточенные штурмы разоряли даже самые экономически успешные города, тогда как на рынке наемников в это время число людей лишь прибавлялось. Если деньги или войны заканчивались в одном месте Европы, банды вооруженных и умевших проливать кровь людей перебирались в другие места, отыскивая хозяина, способного оплатить их услуги. Тот, кто хоть раз попробовал крови на поле боя, обычно не становился уже вновь крестьянином или мирным землевладельцем, но рыскал повсюду в поисках мест, где можно пролить ее вновь за приличное вознаграждение.

Порой говорят, что наемные армии были неэффективны, поскольку запросто могли перейти на сторону противника, если наниматель им не платил. У них не было чувства чести, не было патриотических чувств, зато в избытке имелось стремление грабить, помимо стремления получать законную плату. Теоретически это так. В сравнении с некоей идеальной, но никогда не существовавшей армией наемники выглядят плохо. Однако в сравнении с вышеописанными реальными армиями того времени они оказывались вполне эффективны. Во-первых, они умели воевать. Во-вторых, они стремились воевать, поскольку получали деньги лишь за сделанную работу,

в отличие от вассалов, которых сеньор сначала наделял землей, а потом уже просил явиться на бой «конно, людно и оружно».

Преимущества наемной армии перед феодальной похожи на преимущество покупки товара в магазине перед оплатой коммунальных услуг. За товар мы платим, если видим, что он должного качества. И можем выбирать между продукцией конкурентов. А квитанция на оплату услуг приходит даже тогда, когда эти услуги оказывают из рук вон плохо и нам приходится в боях с коммунальщиками отстаивать свои права на горячую воду и вывоз мусора. В подобном положении находился и монарх, формировавший армию. Наемников он регулярно выбирал на рынке и оплачивал их услуги лишь тогда, когда они его удовлетворяли. Вассалы же были с ним связаны тесными узами, и для отказа от их услуг надо было как минимум оказаться сильнее непокорных вассалов в военном отношении.

Осознание эффективности наемных армий медленно проникало из тех мест, где они зародились, на европейские окраины. Рано или поздно этот военный опыт должен был достигнуть и русских земель. Но вот незадача: опыт наших земель достигал, а деньги — нет. Московское государство было, по европейским меркам позднего Средневековья, сравнительно бедным. В это трудно поверить, глядя в прошлое из XXI века, когда мы все знаем про нефть и газ, колымское золото и якутские алмазы. Но в XV–XVII веках нефть с газом не имели бы никакой цены даже в том фантастическом случае, если бы их кто-то вдруг добыл в большом объеме. А золото с алмазами государям хотелось иметь, но до открытия знаменитых месторождений оставались еще века. Что же касается системы хозяйствования, которая делала богатыми отдельные регионы Европы, то на Руси с ней были большие проблемы. В это трудно поверить тем, кто читает книги с поверхностным изложением истории. Привыкли мы

к гордости за наши густые леса, бескрайние нивы и реки, полные осетров и других ценных рыб самой что ни на есть первой свежести. Но даже молочные реки с кисельными берегами не могли бы сделать экономику успешной и принести московским государям деньги, необходимые для формирования наемной армии. О причинах подобных проблем речь пойдет в следующей главе, а пока придется просто констатировать, что в ответ на страстные мольбы о приращении финансов государи могли услышать сверху лишь совет типа «денег нет, но вы держитесь». И они держались как могли. А могли они кое-что такое, что было недоступно их западным коллегам.

В Московском государстве было очень много земли. По крайней мере, со времен правления Ивана III об этом вполне можно говорить. Иван Васильевич активно расширялся во всех возможных направлениях, сосредоточивая в своих руках власть, которая раньше была рассредоточена между различными князьями. Обычно этот процесс называют у нас централизацией государства, хотя вернее называть его именно сосредоточением власти, поскольку до истинного формирования централизованного государства современного типа с большим бюрократическим и полицейским аппаратом, способным собирать налоги и поддерживать порядок на всей территории, было еще далеко. Не будем сейчас вдаваться в этот вопрос подробнее, чем сделали это в предыдущей главе. Отметим главное: территория страны при Иване III увеличилась примерно в шесть раз, и, следовательно, появилось много земли, которую можно было использовать для раздачи многочисленным слугам государевым. Именно землю Иван Васильевич стал использовать для увеличения размеров своей армии.

Человек, служивший в государевом войске, получал участок земли, с которого мог кормиться вместе с семьей. Этот участок

назывался поместьем, а его владелец, соответственно, помещиком. Я пишу именно слово «владелец», а не слово «собственник», поскольку помещик получал землю во владение при условии несения государевой службы. Землю можно было отобрать, если ее владелец не выполнял свою обязанность — являться по зову государя в армию и приводить с собой как минимум одного боевого холопа. Получалось, что чем больше у государя земли, тем больше помещиков с боевыми холопами и тем больше оказывается войско. Имея такой почти безграничный ресурс, как земля быстро увеличивавшегося в размерах государства, Иван Васильевич, скорее всего, даже не думал о том, чтобы собрать армию на манер западных королей по наемному принципу. Об этом точно приходилось думать его преемникам. Но в том, почему деньги были для построения армии гораздо лучше земли, требовалось еще долго разбираться. И пока преемники не разобрали, что к чему, земельные раздачи выглядели эффективным способом военного строительства.

Внимательный читатель сразу скажет, что мы в этом только что разобрались на материалах истории западных стран. И это правда. Однако не вся. Принципы построения поместной армии существенно отличались от принципов построения армии феодальной, хотя в основе как той, так и другой системы лежала раздача земли. При поместном наделении землей отсутствовали некоторые недостатки феодализма, хотя в целом недостатков было немало. В классическом феодализме существовала своеобразная иерархическая лестница, выстроенная по принципу «вассал моего вассала — не мой вассал». В реальности практика могла от классической схемы сильно отличаться, но общая логика построения армии была примерно такой: король созывает на войну своих вассалов — герцогов, те мобилизуют своих — графов, они, в свою очередь, приводят баронов... и так

до простых рыцарей. Неважно, сколько в реальности было ступеней в этой лестнице и был ли тот или иной граф вассалом герцога или непосредственно короля. Важно то, что монарх обладал скорее формальной, чем реальной властью «на местах» и у герцогов с графами имелись реальные возможности оказывать сопротивление королю, поскольку их вассалы со всем вооружением были именно их вассалами, а не королевскими. Система была договорной, а принципы договора сеньор и вассал могли трактовать по-разному, и лишь при взаимном согласии она эффективно функционировала.

С помещиками московскому государю было попроще. Власть сосредоточивалась в Москве, самостоятельностью помещики не обладали. Имея в своей власти холопов, они сами в обращении к великому князю, а затем царю должны были именовать себя государевыми холопами. И хоть в реальности они холопами не были, поместная система не предполагала никаких договорных принципов. Сверху — приказы, внизу — подчинение. Кто не подчиняется государю, лишается поместья. И нет у помещика войска, которое помогло бы поместью отстоять, если бы государь счел нужным его отобрать. Нет у помещика и возможности выступить в войне на стороне противника, признав его более легитимным государем. Таким образом, в целом поместная армия оказывалась организацией значительно более работоспособной, чем средневековое войско, и она вполне может быть отнесена к числу армий Нового времени, хотя с вызовами эпохи справиться так и не смогла.

Крепостное право и крепостное бесправие

Прежде чем показать, почему так вышло, надо обратиться к главному вопросу, ради которого этот экскурс в прошлое затевался. Страшное, коварное и таинственное крепостное право стало важнейшей составной частью поместной системы, которая лежала в основе построения армии Московского государства. Дело в том, что земля без работающих на ней крестьян ценности не имеет. По крайней мере, не имела в ту эпоху, когда не существовало аграрного рынка труда и «по свистку» помещика не сбегались безземельные батраки, готовые за гроши пахать его землю. В поместье, полученном от государя, должны были быть мужички, работавшие на барина. Иначе с земли не прокормишься. Если наемная армия на Западе являлась в полной мере частью рыночной системы, поскольку король должен был лишь выплатить солдату честно заработанные деньги, а дальше тот сам мог их отоварить в любом городе, то поместная армия рыночной структурой не являлась. Для превращения земли в хлеб, репу, мясо, квас и боевого коня требовалось административное воздействие на мужичков. Требовалось заставить их работать на помещика, а не только на самих себя.

В принципе, наш бравый дворянин мог и сам, по всей видимости, справиться с закрепощением крестьянства. В те дикие времена мужик был незащищен перед человеком с мечом и боевыми холопами. Если не будешь работать на барина или, скажем, уйдешь распахивать пустошь для обретения

собственной земли, меч быстро объяснит тебе, что так поступать не стоит. На первых порах помещик мог с помощью откровенного насилия установить крепостное право, а точнее, крепостное бесправие. Нигде в законах не было написано, что Федька, Петрушка и Ивашка должны работать на барина, однако все понимали, как жизнь устроена и как следует себя вести. Даже крестьянская община вряд ли готова была защищать нарушителя, поскольку, если бы тот подался в бега, ей пришлось бы пахать на барина за себя и за него.

Но у крепостного бесправия существовало два уязвимых места.

Во-первых, мужик мог на свой страх и риск, вопреки мнению общины, все же отправиться в бега к дальним землям, где, как хотелось ему надеяться, текут молочные реки меж сладких кисельных берегов. Бежали крестьяне довольно часто. Молочных рек, правда, не находили, но находили обычные реки, на берегах которых селились. Так образовалось казачество, которое, с одной стороны, распахивало на русских окраинах новые земли, а с другой — ходило походами на соседей, чтобы поживиться их добром.

Во-вторых, мужика мог сманить у помещика сильный и богатый сосед, поскольку земли было много, а рабочей силы для ее освоения не хватало. Сосед договаривался с мужиком, предлагал ему лучшие условия, чем старый барин, и помогал перебраться на свою землю, отстроиться там, перевезти пожитки, начать новую жизнь. Мужики, видимо, часто соглашались на такие предложения, поскольку в хозяйстве бедного помещика их эксплуатировали явно сильнее, чем в хозяйстве богатого боярина, имевшего возможность не драться со своих крестьян три шкуры. В условиях «своза» крестьян на боярские земли никакой меч не мог вразумить мужичка, поскольку новый хозяин тоже обладал мечом, а скорее даже

десятком-другим вооруженных боевых холопов. Попробуй сунься к такому соседу!

В подобной ситуации возникала необходимость государственного вмешательства, если государство желало иметь сильную армию. Иначе при попытке вызвать помещика на войну оно могло столкнуться не с храбрым воином, а с жалким бедолагой, который, размазывая по лицу сопли и слезы, уверял бы, что мужичонки от него разбежались, сам он захудал, проел остатки добра, обносился, обтрепался, заложил меч, а коня боевого запряг, чтобы пашню пахать. Для недопущения подобного безобразия государство и должно было утвердить настоящее крепостное право, чтобы защитить от превратностей судьбы свою надежду и опору — боевого помещика. В первую очередь требовалось прикрепить крестьян к земле, запретив самовольное бегство. Беглых крестьян велено было отыскивать и возвращать по месту «прописки», где им прописывали по первое число, чтобы они никуда больше не бегали. Впрочем, вряд ли подобная практика была эффективной. Страна большая, полиции еще нет, государственная граница в современном смысле не оборудована, да и понятие границы на южных и восточных рубежах было весьма условным. Сбежал мужик далеко — ищи ветра в поле. Но борьба со «свозом» крестьян на землю соседа могла быть организована достаточно эффективно. Там беглеца можно было разыскать и вернуть, если это предписывалось законодательством.

Поначалу борьба со «свозом» скорее представляла собой мягкое урегулирование проблемы. Если крестьянин хотел покинуть старого барина, это можно было сделать в Юрьев день, расплатившись со всеми обязательствами. Государство не столько стояло на страже интересов помещика, сколько минимизировало его ущерб. Однако такие паллиативные меры

не могли обеспечить строительство эффективной армии. Требовалась бóльшая жесткость. И Юрьев день был отменен. Крепостное право сформировалось в полной мере. Государство отстаивало интересы помещиков как основы армии не только перед лицом крестьянства, желавшего уклониться от работы на барина, но и перед лицом богатого боярства, желавшего сосредоточить всех хороших работников на своих землях. Московское государство действовало не в интересах господствующего класса, как утверждал марксизм, а в собственных интересах, в интересах строительства армии, поддерживая одну часть «господствующего класса» и ущемляя в известной мере другую его часть. Государство с помощью введения крепостного права производило своеобразное выравнивание этого «класса», поскольку было заинтересовано не в том, чтобы он богател, а в том, чтобы служил ему и богател лишь в той мере, в которой способен служить. Не государство находилось на службе у господствующего класса, а служилый класс выполнял государеву волю, какой бы она ни была.

Тем не менее в сравнении со странами, в которых формировались наемные армии, Московское государство было, пожалуй, более продворянски ориентировано. В европейских странах, расположенных к западу от Эльбы, дворянство, возможно, тоже было бы не прочь крепостное право сохранить, но короли не так нуждались в дворянстве, как нуждался в помещиках наш царь. Королям, как говорилось выше, нужны были деньги. При наличии денег тех же самых дворян можно было нанять на службу, и служили они за звонкую монету гораздо лучше, чем за свои вассальные обязательства. А деньги королям давали в первую очередь богатые города. Однако для процветания города нуждались в притоке работников из деревни. Есть работники — есть доходы — есть налоги. Нет городского плебса — нет в конечном счете и наемной армии.

Европейское бюргерство настаивало на том, что «городской воздух» делает человека свободным, то есть крестьянин, переселившийся в город и проживший там определенное время, не может быть вновь закрепощен лендлордом. И государство с такой практикой соглашалось — в отличие от государства Московского, стремившегося отыскивать беглых и возвращать их помещику.

В западноевропейской ситуации ни о каком отстаивании государством крепостного права речи быть не могло. Интересы городской буржуазии, как ни странно это выглядит с точки зрения марксизма, были для монархов важнее интересов землевладельческого класса. Ну, или лучше сказать так: успешное государство Нового времени стремилось соблюсти баланс между «шпагами» и «деньгами», действуя, по возможности, в интересах обеих сторон и обе же стороны ограничивая в неумеренных желаниях.

Так возникли существенные отличия между военно-финансовыми системами внутри Европы. Там, где было больше денег, строились наемные армии. Там, где было меньше денег, строились дворянские армии: поместное войско в Московии, посполитое рушенье в Польше и Литве. И эти дворянские армии нуждались в труде крепостных крестьян. Не потому, что склонность к рабству пронизывала ментальность народов, а потому, что закрепощение было наиболее эффективным по тем временам (хоть и ужасным с точки зрения современного человека) способом военной организации. Впрочем, нельзя сказать, что в этой связи Европа жестко разделилась по Эльбе на две части. Поместная организация явно проигрывала наемной, и потому повсюду осуществлялись попытки оптимизировать армии, насколько это было возможно. Наемные и мобилизационные механизмы сочетались в разных

пропорциях почти всюду в Европе, хотя на западе упор делался на первые, а на востоке — на вторые.

«Егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит»

Главной бедой поместной армии было так называемое «нетство». Помещики не являлись в армию по государеву зову. Силой отстоять свое право пренебречь долгом они не могли, зато выдумать множество «объективных» причин игнорирования службы удавалось неплохо. А у государства не было способов проверить, насколько справедливы помещичьи жалобы. Если удавалось доказать, что «по справедливости» помещик в этот момент служить не может, земля за ним оставалась, несмотря на его бесполезность для армии. Иван Посошков, известный автор начала XVIII века, описывал такого «халявщика», который

уже состарелся, а на службе ни на какой и одной ногой не бывал. И какие посылки жестокие по него не бывали, никто взять его не мог, оных дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то претворит себе тяжкую болезнь, или возложет на ся юродство и возгри (сопли. — Д. Т.) по бороде попустит. И за таким его пронырством инии и з дороги отпущали, а егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит, и, домов приехав, аки лев рыкает. И аще никаковые службы великому государю кроме огурства (своеволия. — Д. Т.) не показывал, а соседи все его боятца.

Другой проблемой было справедливое наделение помещиков землей. Наделять наемника деньгами нетрудно, если деньги имеются и они не фальшивы. С землей дела обстоят иначе. Земля всюду разная. Она различается по плодородию и местоположению. В итоге один помещик получает землю

одного качества, а другой — другого. Один собирает хороший урожай и может продать часть собранного на рынке в соседнем городе, тогда как другой сидит «на песочке», вдали от торговых путей, зато прямо на пути разбойничьих татарских набегов. Трудно требовать в такой ситуации от второго помещика столь же честной службы, как от первого.

Еще одна проблема — неравномерность поступления земель в «государственный фонд». Первоначальный размер уделов был весьма значительным, затем он стал сокращаться. Новые помещики получали гораздо меньше, чем дети и внуки тех, кто начинал служить в давние времена. Приходилось делать бедолагам послабления по службе: отправлять на сидение в гарнизонах вместо дальних походов. А еще приходилось принимать во внимание старые раны и немощи стариков, которые продолжали служить за свою землю, если их дети были еще малы. Все это подрывало дисциплину и снижало эффективность функционирования армии.

Поместная армия неплохо воевала на «восточных фронтах». Но по мере того как боевые действия разворачивались лицом к западу, проблемы организации и боеспособности войска ощущались все чаще. При новом Иване Васильевиче — Иване Грозном — удалось добиться значительных успехов на первом этапе Ливонской войны, пока русской армии противостоял одряхлевший Ливонский орден, который не реформировался со Средних веков. Но со вступлением в войну Польши проблемы стали нарастать. Мысль о необходимости дополнения поместной армии наемным войском или хотя бы чем-то на него похожим не могла не приходиться в голову как государю, так и его военачальникам.

Сначала появились пищальники, и с населения стали взимать специальный налог — пищальные деньги. Затем на их место пришли стрельцы, и пищальные деньги стали

стрелецкими. Стрельцы получали жалованье, но этих денег на жизнь не хватало, а потому в свободное от службы время они вели хозяйство, добывая хлеб насущный. При таком образе жизни трудно было стать настоящим военным профессионалом. Формирование стрелецкого войска можно рассматривать в качестве важнейшего признака стремления не удовлетворенных помещным войском московских государей взять за образец опыт западных стран. Впрочем, стремление стремлением, но финансовые возможности страны не позволяли им кардинально реформировать армию. Временами стрельцы, тоже не удовлетворенные положением дел, бунтовали. В результате стрелецкое войско становилось не столько решением военной проблемы, сколько самой проблемой. К концу XVII века его значение для ведения войн резко снизилось.

Стрелецкая служба (вместе с домом и огородом) становилась наследственной. В Московии не формировалось рынка профессиональных военных, на котором можно было бы, как в западных странах, отбирать при наличии денег лучшие обученные и наиболее боеспособные отряды. Если русских помещиков можно было сравнить с османскими тимариотами, то стрельцов уже при жизни Ивана Грозного иностранные наблюдатели сравнивали с янычарами. Во всяком случае, на эту турецкую гвардию они походили больше, чем на отряды немецких ландскнехтов.

Первую попытку создания в русской армии подразделений, обученных по европейскому образцу, предпринял в 1609 году Михаил Скопин-Шуйский. Происходило это в Смутное время, когда дали о себе знать проблемы, накопившиеся после разрушительного для страны правления Ивана Грозного. Иноземный наставник обучал войско, составленное в основном из крестьян, а кроме того, Скопин-Шуйский впервые привел на русскую службу большой отряд западных наемников. В 1608 году он, несмотря на финансовые трудности, заключил

договор о найме пятитысячного шведского отряда во главе с Якобом Понтусом Делагарди. Корпус Делагарди принял участие в нескольких сражениях, в том числе в трагической для нашей страны битве при деревне Клушино. Поляки тогда быстро снесли с позиций русских дворян и детей боярских; ратники, не желавшие воевать, в большинстве своем разбежались, и лишь солдаты Делагарди смогли отбить мушкетным огнем врагов, понесших при этом довольно большие потери. Правда, оказавшись в безвыходном положении, наемники договорились о переходе на сторону поляков.

Сразу после окончания Смуты московские власти озаботились проблемой финансирования армии, которую трудно было строить на поместном принципе. Экономическое положение страны оставалось тяжелым до конца десятилетия. Новый царь Михаил Романов, как и его западные коллеги, должен был развивать парламентаризм для ведения переговоров о финансовой помощи государству. Земские соборы 1612–1618 годов созывались прежде всего с целью одобрения «всей землей» нового налога («пятой деньги»), «запросных денег» (собираемых по добровольной подписке), а также для привлечения иных источников финансирования. Вновь пришли на русскую службу западные наемники — так называемые бельские немцы. Правда, первые профессиональные полки появились лишь в 1631 году. В целом в ту пору в Московском царстве насчитывалось около 10 тысяч иностранных наемников. В Москву прибыла шведская военная миссия во главе с шотландским полковником Александром Лесли, которая взялась преобразовать русскую армию по шведскому образцу. Отец царя патриарх Филарет был горячим сторонником западных военных практик. Ради ведения войны ввели новый налог — «немецкие кормы», предназначенный для содержания полков иноземного строя.

«Кормовой немец» Лесли лично ездил в Германию нанимать ландскнехтов, однако не сильно преуспел, поскольку в тот момент в Европе была в самом разгаре Тридцатилетняя война, спрос европейских монархов на живую силу оказался чрезвычайно велик и лучшие из лучших были уже при деле. К нам отправились лучшие из худших «легионеров» (как в современном футболе), причем за очень большие деньги. Неудивительно, что после окончания Смоленской войны с поляками полки были в основном распущены, а служивших в них иноземцев выслали из России.

Дальше пошли новые войны. В 1654–1667 годах Московское государство стремилось присоединить Малороссию, и вновь пошла катавасия с формированием полков иноземного строя. Ради денег, на которые их можно было сформировать, то вводили соляной налог, то чеканили монеты из меди. В первом случае дело кончилось соляными бунтами, во втором — медными. Не удалось государству выкачать из народа ресурсы для кормов «немцам». Крах этих финансовых авантюр привел, в частности, к тому, что рухнул один из самых амбициозных проектов перестройки армии, разрабатывавшийся в 1650-х — начале 1660-х годов, — попытка нанимать за рубежом не только отдельных офицеров, но целые полки.

Отказаться от поместной армии из-за финансовых проблем никак не удавалось, а значит, нельзя было отказаться и от крепостничества, содержавшего помещиков. В XVII веке практика подневольного труда закрепилась в Московском государстве. Сформировались влиятельные группы интересов, не представлявшие уже своей страны без крепостного права и готовые энергично отстаивать его даже перед лицом самодержцев. В той или иной степени они сохраняли свое влияние на протяжении более двух столетий вплоть до Великих реформ Александра II.

Как ни парадоксально, XVII век был одновременно и веком укоренения крепостного права, и веком отчаянных попыток

финансового реформирования, которое должно было в идеале позволить сформировать такую наемную армию, для которой поместная система с крепостничеством была бы не нужна. На самом деле никакого парадокса тут нет. Эти два метода организации армии противоречат друг другу в теории, но на практике государство должно выживать любым путем, а потому оно использует даже противоречивые методы. Авось хоть что-то получится. В итоге на Руси получился своеобразный синтез «налогового терроризма» (так называли порой фискальную политику кардинала Ришелье во Франции XVII века) с крепостным правом. Безграничная власть помещика над крестьянами помогала при отсутствии бюрократии, хоть сколько-нибудь сопоставимой с французской, выкачивать из крестьян деньги для укрепления военной силы государства. То, что впоследствии выглядело дикостью и варварством, представляло собой поначалу рациональное решение стоявших перед государством проблем. Дикость встала на службу той цивилизации, к которой стремилась Московия. Варварство вело ее в семью европейских народов. А поскольку дикости и варварства у европейских народов, практиковавших работорговлю и рабовладение, имелось в достатке, нашу страну сочли вполне европейской, как только Петр Великий модернизировал старые государственные институты и создал наконец армию, с которой не стыдно было явиться пред лицом сильных военных противников.

Итак, как мы видим, финансовые проблемы сопровождали армейское строительство в России. Последние Рюриковичи передали эти проблемы первым Романовым, но вплоть до петровских преобразований дело шло чрезвычайно туго. Проблемное, прямо скажем, наследство досталось великому Петру Алексеевичу от грозных Иванов Васильевичей и тишайшего Алексея Михайловича. Будь ты хоть грозным, хоть

тишайшим, при пустой казне трудно управлять государством. В связи с этим нам пора наконец разобраться, почему Россия была бедной страной. Во всяком случае, слишком бедной для того, чтобы построить большую наемную армию и обойтись без помещного войска и крепостного права.

Альтернатива восьмая. Можно ли было обойтись без крепостничества?

Могла ли бедная страна, не имевшая крупных городов и не участвовавшая в торговле, приносящей серьезные доходы, обойтись при формировании армии без поместной системы и закрепощения крестьян? На первый взгляд, такой пример в Европе начала Нового времени имелся — это Швеция. Однако внимательный анализ так называемой шведской системы индальты говорит нам, что налицо скорее то самое исключение, которое подтверждает правило.

Про шведскую армию Европа заговорила во время Тридцатилетней войны, когда король Густав II Адольф — Лев Севера, как его называли, — высадился в Померанском герцогстве, чтобы поддержать протестантов. Шведы одерживали блистательные победы, хотя их родина как будто не могла похвастать большими ресурсами, которые можно было бы пустить на милитаризацию. Секрет армии Густава II Адольфа состоял в том, что офицерский корпус и кавалерия формировались по наемному принципу (на них денег более-менее хватало), тогда как рядовых пехотинцев набирали из крестьян: одного из десятка. Рекруты проходили специальную военную подготовку, и в результате шведская армия, легко реализовывавшая стратегические задумки своего полководца, оказалась одной из наиболее боеспособных в Европе. Беда этой армии состояла в том, что хорошо подготовленных заранее шведов не хватало для длительного ведения страшной,

кровавой войны. Погибших и раненых нечем было заменять.

Наемные армии той эпохи можно было пополнять иностранцами. Но новых рекрутов из иностранцев набрать по понятным причинам было невозможно. Противники Священной Римской империи совокупными силами вышли из положения следующим образом: Франция профинансировала шведскую армию, а та, получив деньги, стала нанимать вместо павших шведов немецких ландскнехтов. Таким образом, победоносная армия Густава II Адольфа по ходу дела фактически превратилась в наемную, заменив собственные финансовые ресурсы на ресурсы союзника. Но всегда так воевать было невозможно. Следовало найти способ финансового обеспечения большой армии за счет национальных ресурсов. И этот способ нашел Карл XI. Он стал активно наделять крестьян землей за счет дворянства. Крестьяне не только оставались свободными, но еще и превращались в важнейшую опору короля. В отличие от других европейских стран они даже были представлены в шведском парламенте — риксдаге.

Крестьяне стали коллективно содержать солдата, выделенного из их среды. Этот солдат, находясь в резерве, регулярно проходил военную подготовку и в случае необходимости сразу отправлялся на войну. Таким образом, Швеция фактически имела профессиональную наемную армию, но бремя содержания наемников было перенесено с бюджета и городов на широкое крестьянское сообщество. Крестьяне сохраняли свободу и даже принимали участие в управлении государством в той мере, в какой оно осуществлялось с помощью риксдага. Крестьяне шли в армию охотно, поскольку получали нормальное обеспечение. Дисциплина была достаточно высокой, так как подготовленные солдаты знали,

куда в случае мобилизации следует явиться, где находятся сборные пункты и как действовать в строю.

И все же эта армия проиграла Северную войну армии Петра I. Огромная Россия смогла мобилизовать больше ресурсов, чем маленькая Швеция. Наверное, Карл XII мог бы долго сопротивляться Петру по сценарию Тридцатилетней войны, то есть если бы богатый союзник щедрым финансированием дополнил бы ту базу, которую создала для шведской армии система индальты. Карл стал бы на чужие деньги нанимать солдат в европейских странах, чтобы вновь и вновь атаковать Россию. Как сильный полководец он, возможно, имел бы шансы на успех. Но фактор значительной внешней поддержки — это случайный фактор. Он зависит от расклада сил. В Тридцатилетнюю войну Франция, несмотря на свою приверженность католицизму, была заинтересована в поддержке протестантов, поскольку главным ее соперником на европейской политической сцене являлась тогда католическая Испания. В Северную войну обстоятельства сложились так, что у Швеции было много противников или просто недоброжелателей (Россия, Польша, Дания, Саксония, Бранденбург), но не имелось союзников. Никто не хотел, чтобы Швеция укрепилась на южном берегу Балтийского моря, где веками были иные хозяева. Можно предположить, что в иной ситуации Франция захотела бы вновь поддержать шведов, однако Людовик XIV сильно увяз в Войне за испанское наследство, и проблемы, возникавшие на противоположном конце Европы, не были для него актуальны. Таким образом, несмотря на, казалось бы, эффективную военную организацию, Швеция оказалась слаба и после ряда поражений стала превращаться в XIX веке в одну из наиболее миролюбивых европейских стран.

Миф восьмой. О русском расколе

Россия — европейская страна, и в нашей истории можно найти много параллелей с историей западных стран. Соблазнительно и русский раскол представить в виде своеобразной отечественной реформации. С одной стороны, Макс Вебер писал о том, как способствовала протестантская этика формированию духа капитализма. С другой — наши старообрядцы дали целый ряд значимых для развития российской промышленности и торговли имен. Сопоставляем одно с другим — и получаем теорию, согласно которой русская реформация, способная породить конструктивную, созидательную ментальность, существовала, но была задавлена господствующей церковью. При таком подходе невольно напрашивается мысль о том, что, победи у нас «древнее благочестие», была бы Россия давно уже процветающей капиталистической страной.

Теория эта соблазнительна, но неверна. Параллели с историей стран Запада можно искать в других эпизодах. Скажем, ереси стригольников и жидовствующих напоминали духовные искания европейского бюргерства, предшествовавшие Реформации. Но формирование раскола — история, связанная больше с внешнеполитической активностью российских верхов, чем с духовными исканиями низов. Раскол возник не потому, что низы в поисках истинной веры отклонились от позиции господствующей церкви, а потому, что сама церковь решила в середине XVII века верить по-гречески, а не так, как было принято в соответствии с веками складывавшейся на Руси традицией.

Религиозный поворот, который был осуществлен патриархом Никоном, сближал русскую церковь с церквями других православных народов: от греков, находившихся под турецким владычеством, до восточных славян, живших тогда в составе Речи Посполитой. Московское государство, становившееся за прошедшие после Смуты десятилетия все сильнее и сильнее, к середине XVII века начинало претендовать на политическое лидерство в православном мире. Тем более что другого государства, способного выполнять миссию освобождения единоверцев, тогда не существовало. Представители греческой церкви фактически это признавали, не только прося русского царя о финансовой поддержке, но и выражая надежду на осуществление его освободительной миссии.

До освобождения Константинополя от власти «неверных» дело тогда дойти не могло, хотя в качестве дальних стратегических планов поход на Царьград мог рассматриваться. Но постепенное продвижение на запад и юго-запад было делом вполне реальным. Московское государство вело войны с Речью Посполитой и в ходе этого противостояния могло присоединять земли, населенные православным людом. А дальше, в Молдавии и Валахии, находились и другие единоверцы — православные, зависимые от власти султана. Таким образом, у Москвы имелись важные задачи, которые следовало решать с помощью войска... И не только войска.

Освобождение единоверцев предполагало, что вера действительно едина. Но если между греческой и русской верой существовали, несмотря на общность православия, некоторые различия (в правописании слов, в церковном пении), трудно было убеждать освобождаемые от господства иноверцев народы в том, что освободители являются их единоверцами. А ведь поддержка местных жителей — единоверцев при проведении подобной освободительной миссии очень важна. Без нее трудно

закрепиться на новых территориях, а тем более включить их в состав нарождающейся империи.

Понятно, что в чисто силовом подчинении нет ничего невозможного. Включало же Московское государство в свой состав различные земли, населенные мусульманами. Но далеко не всегда покорение мусульман происходило гладко. Скажем, башкиры в XVII–XVIII веках часто бунтовали. А покорение Северного Кавказа в XIX столетии оказалось очень сложной задачей из-за сопротивления исповедовавших ислам народов, что резко контрастировало с добровольным присоединением православной Грузии. Во времена царя Алексея Михайловича и патриарха Никона о будущем с его проблемами еще ничего не знали, но нетрудно было догадаться о важности унификации православия ради получения поддержки освобождаемых единоверцев.

Никон активно занялся этим делом, тем более что оно отвечало его личным склонностям, его симпатии к грекам. Однако в широких народных массах, не испытывавших такой симпатии, но чтивших традицию, действия Никона не могли не вызвать сопротивления. Так и появился раскол. Раскольники оказались во многом более энергичными предпринимателями, чем люди, исповедовавшие официальную веру. Связано это было, по-видимому, не с особой протестантской этикой, не с ментальной склонностью старообрядцев к капитализму, а со сплоченностью дискриминируемой общины. Старообрядчество на Руси в этом смысле напоминает жизнь еврейских общин в Европе. Если из-за дискриминации вам нельзя заниматься ничем другим, кроме предпринимательства, если закрыты пути для приобретения знатности и чинов, если все на вас смотрят косо, ваш бизнес, скорее всего, будет процветать. А сплоченность общины будет способствовать росту доверия, столь важного для экономического развития.

Таким образом, раскол является российским явлением, проистекающим из специфики нашего исторического пути. Он не сформировал особого русского менталитета, но существенным образом повлиял на развитие страны и добавил еще один важный элемент к и без того сложному комплексу внутренних противоречий.

Глава девятая. О том, как Бату Джучиевич подкузьмил Иванов Васильевичей

В нашем долгом путешествии по историческим путям России мы ушли в столь давние времена, что, кажется, они никак уже не могут влиять на современность. Мало ли что случилось почти тысячу лет назад! Столько воды с тех пор утекло! Столько поколений сменилось! Все быльем поросло! Влияние, однако, есть. Влияние опосредованное. По сути, такое же, как влияние, о котором говорилось на страницах этой книги. События очень далекого прошлого не определяют непосредственно день нынешний, но формируют пути, по которым мы шли к этому дню. От одного пути к другому, от улицы к переулочку, из него — в тупичок, а оттуда — дворами, садами, огородами на соседний проспект — и вновь вперед, в наш нынешний день. Чем дальше в прошлое погружаемся в анализе исторических путей России, тем больше встречается перепутий, на которых можно было свернуть куда-то в сторону. Многие из них мы сегодня даже осмыслить и проанализировать не можем, поскольку слишком уж мало о тех временах сохранилось информации, пригодной для обстоятельного исследования. Но сам факт того, что прошлое на исторические пути влияет, не подлежит сомнению по мере того, как мы все дальше продвигаемся в это прошлое.

Дым, земля и пепел

В самом конце 1237 года началось монгольское нашествие на Русь. Вначале пала Рязань, затем многие другие старинные города. Нашествие катилось по землям, входящим ныне в состав России, Украины, Белоруссии, не оставляя камня на камне от цивилизации, основанной нашими предками. При взгляде в ту давнюю эпоху из XXI века может показаться, что это была просто одна из многих войн, пронесшихся за столетия по Русской земле, причем не самая значимая для понимания нынешних наших реалий, поскольку уж очень давно пришел со своим войском к нам хан Батый. Но войны давних времен носили часто совсем иной характер, чем организованные противостояния поздних веков. И слово «нашествие» здесь очень хорошо подходит по смыслу. Наступавшие на Русь орды сметали практически все на своем пути, растаскивая и уничтожая цивилизацию, а не захватывая и приспособляя ее для собственного использования. Оставались лишь «дым и земля и пепел», как сказано в «Повести о разорении Рязани Батыем». А «на земле пусти, на траве ковыле снегом и льдом померзшоша» лежали «многие князи местные и бояре и воеводы и крепкие удалыцы и резвцы». Еще более страшную картину опустошений нарисовал епископ Владимирский Серапион в конце XIII века, когда можно было уже присмотреться к фундаментальным последствиям случившегося на Руси нашествия.

Разрушены божественные церкви, осквернены священные сосуды, потоптаны святыни, святители преданы мечу, тела монашеские брошены птицам, кровь отцов и братьев наших, словно вода, обильно напоила землю. Исчезло мужество князей и воевод наших, храбрецы наши, исполненные страха, обратились в бегство. А сколько их уведено

в плен! Села наши поросли лесом. Смирилось величие наше, погибла красота наша. Богатство, труд, земля — все достояние иноплеменных.

Историки порой скептически относятся к столь красочным плачам, полагая, что писатель давних времен мог сгущать краски, тогда как на самом деле не все села поросли лесом. Многие сохранились, посадили хлеб, собрали урожай и продолжили жизнь, без которой нас бы сегодня не существовало. Точно мы не можем знать масштабы тех разрушений, но можем предположить, что села, разбросанные по бескрайним русским просторам, могли уцелеть, если не находились непосредственно на пути продвижения войска агрессора. Не так уж богаты и соблазнительны для него были эти села, чтобы отыскивать каждое по лесам и болотам. А вот города не уцелели, поскольку представляли соблазнительные для монгольского войска места сосредоточения материальных богатств, продуктов питания и людей, которых можно угнать в рабство. Археологические раскопки показывают, что русские города были действительно уничтожены, как и написано в древних летописях. В соответствующих слоях почвы обнаруживается толстый слой угля, причем не только в тех местах, где город затем вновь отстраивался, но и в тех, где он после нашествия не возродился.

Рассуждая сегодня о тех страшных для Руси временах, мы обычно на уроках истории скорбим по погибшим или отыскиваем примеры героического сопротивления, но есть тема не менее важная для осмысления проблем, обсуждаемых в этой книге. Уничтожение складывавшейся тогда городской культуры должно было нанести сильный удар по возможностям развития русских земель, поскольку именно через город происходит экономическое, политическое и культурное развитие общества. Сохранение жизни в сельской местности способствует

физическому выживанию народа, но не движению вперед, к обретению новых производственных навыков, новых форм организации жизни общества и приобретения знаний. Монгольское нашествие нанесло удар по развитию.

Для понимания этого полезно сравнить положение дел на Руси в период ордынского ига с положением дел в Центральной и Западной Европе. Там тоже были нашествия, причем на протяжении многих веков. Не будем сейчас сильно углубляться в прошлое и разбираться в последствиях нашествия готов, гуннов и различных германских племен. Рассмотрим лишь ситуацию, сложившуюся под конец так называемых темных веков. Европа в IX–X столетиях страдала от набегов с трех сторон: с севера, юга и востока. С севера ее атаковали викинги, с юга — сарацины, с востока — мадьяры. Но к началу нового тысячелетия ситуация радикально изменилась. Набеги прекратились либо стали локальным явлением (например, пиратство в Средиземноморье). Отчасти это произошло благодаря вооруженному отпору, который смогли дать европейские армии, построенные по феодальному принципу, отчасти — благодаря тому, что атакующие успокоились, осели в Европе и стали вести образ жизни, присущий оседлым народам. Викинги обустроились в Англии и Нормандии, вне традиционных скандинавских регионов. Сарацины осели на Сицилии и создали процветающее государство на Пиренейском полуострове. Мадьяры поселились там, где и по сей день расположена их земля, — на пространствах Центральной Европы, ныне Венгрии. А после того, как это случилось, стало меняться экономическое положение в различных частях Европы. Крестьяне распахивали всё новые земли, не опасаясь прихода тех, кто их ограбит. Быстро осуществлялась урбанизация, поскольку прирост продовольствия помогал кормить все большее число людей, проживавших в городах

и занимавшихся трудом, не связанным с сельским хозяйством. Историки полагают, что три столетия, предшествовавшие страшной эпидемии чумы, поразившей Европу в середине XIV века, были эпохой значительного экономического роста, поднявшего уровень жизни населения, эпохой коммерческой революции, обеспечившей новые методы ведения бизнеса, и эпохой быстрого развития городов со свойственными им чертами: купеческими гильдиями, ремесленными цехами, университетскими корпорациями и пышными храмами. Таким образом, связь экономического и социального развития общества с прекращением набегов четко просматривается на европейском историческом материале.

А что в это время творилось на Руси? Монгольское нашествие случилось тогда, когда в европейских странах был период расцвета, не омрачаемого уже никакими набегам. В то время, когда города Северной Италии, Южных Нидерландов и рейнских германских княжеств процветали, увеличивая численность населения, развивая ремесло, торговлю и культуру, на Руси уничтожались набегам даже те города, которые выросли в предшествующие столетия.

Монгольское нашествие переросло в ордынское иго, существовавшее более двух веков. Условной датой его окончания является так называемое Стояние на Угре в 1480 году. Неверно было бы утверждать, будто на протяжении всего этого периода Русь страдала от непрерывных разорений. Были периоды чрезвычайно тяжелые. Были и относительно мирные. В известной мере Русь могла развиваться. Появлялись временами новые города, восстанавливались старые, строились дома и храмы на месте пожарищ. Но все это не снимало главной проблемы — нестабильности существования. Население русских земель понимало, что в любой момент может произойти новый набег, что нет никаких гарантий спокойной жизни и что все

созданное после былых пожарищ и грабежей может вновь подвергнуться грабежам и быть предано огню. Города, которые подверглись разорениям в первые годы нашествия, могли потом вновь и вновь подвергаться разорениям, как только наживалось некое имущество, а значит, появлялось то, что можно разграбить. Так, с 1273 по 1297 год татары пятнадцать раз предпринимали походы в Северо-Восточную Русь, что привело к бегству населения из областей, чаще всего подвергавшихся погромам. Бежали, в частности, из владимирских земель по Клязьме, из Переяславского и Рязанского княжеств, из муромских земель, расположенных по Оке. Ростов после Батыева нашествия разорялся еще в 1316–1320 годах и 1408 году. Суздаль страдал в 1293 и 1382 годах. Юрьев-Польской вообще стал жертвой набегов в 1281-м, 1293-м, 1382-м и 1408-м. Похожая судьба была и у Владимира, который татары «навещали» в 1382-м, 1421-м, 1445-м, 1448-м. Сложнее всего было развиваться городам, непосредственно «обращенным лицом» к татарам, то есть тем, что располагались в восточной части русских земель. Нижний Новгород постоянно ожидал очередного набега. Если до нашествия торговый путь по Волге к Каспию и через него в Персию был одним из важнейших путей, обогащавших русских купцов, то теперь он оказался в зоне наиболее рискованной коммерческой деятельности. В условиях того времени, когда именно дальняя, заморская торговля приносила бизнесу наиболее значимые доходы, угроза, нависшая над важнейшим торговым путем, имела катастрофические последствия.

Когда говорим о татарских набегах, мы используем несколько условное выражение. Проблема развития русских земель сводилась не к тому, что именно татары их разграбляли, а к тому, что монгольское нашествие надолго создало такую нестабильность, при которой городам трудно было защищаться

от любых набегов. В этих условиях русские князья и простые разбойники точно так же расхищали все, что плохо лежит. Русские даже могли действовать в союзе с татарами, предпринимая очередной набег, но могли и без всяких татар. Новгородские ушкуйники, регулярно грабившие ордынские города, не брезговали и имуществом соплеменников. В 1366 году ушкуйники напали на Нижний Новгород, в 1371-м разграбили Кострому, в 1374-м получили «откуп» в Вятке, а на будущий год вновь взялись за костромичей и нижегородцев. Слабость Русского государства и его неспособность эффективно защищать свои земли обусловили состояние хаоса, в котором невозможно нормальное развитие. Имело место нечто вроде войны всех против всех, о которой через несколько столетий писал Томас Гоббс, переживший в Англии революционную эпоху.

Когда государство так ослаблено, что не может выполнять свои важнейшие функции, любой человек, имеющий в руках оружие, способен стать источником хаоса. А то, к какому племени он принадлежит, — вопрос второстепенный.

Точно так же обстояло дело и с налогообложением. Орда брала с русских земель дань («ясак» по-татарски или «черный бор», как называлось это в Новгороде). Помимо дани были и другие издержки, связанные с игом, — содержание татарского посла и его многочисленной свиты, финансирование поездок собственного князя в Орду, где следовало щедро одаривать хана, его жен и вельмож. Могли взиматься также тамга (торговая пошлина), кулуш-колтка (чрезвычайный сбор по требованию хана), ям и улаг (предоставление подвод для татар). Общий размер воздействия всех этих мер на экономику русских земель сейчас трудно определить, и нам трудно сказать, было ли бремя по-настоящему серьезным препятствием для развития. Но оно его явно не облегчало. А поскольку дань взималась через

великого князя, получавшего от Орды ярлык на правление, мы не можем знать, какая часть взимаемого попадала захватчикам, а какая оседала в руках влиятельного сборщика налогов.

Так обстояло дело до Стояния на Угре. Иван III оказался сильнее татар. После снятия ига ситуация в целом улучшилась, но все же трудно говорить о радикальном переломе, случившемся при Иване Васильевиче и его преемниках — Василии Ивановиче и Иване Васильевиче Грозном. Взятие Казани и Астрахани не сняло проблему татарских набегов, осуществлявшихся из Крыма. Для расположившегося в Крыму государства грабежи русских и польско-литовских земель были важнейшим источником доходов. Прекращение набегов оставило бы Крым без средств к существованию. Поэтому время от времени с юга на русские земли накатывалась разорительная волна. На ее пути построили защитную линию (засечную черту), но она не могла полностью предотвратить набеги.

Таким образом, важнейшие объективные обстоятельства на протяжении долгих веков после того, как в Западной и Центральной Европе набеги прекратились и ситуация нормализовалась, препятствовали успешному развитию русских земель. Города формировались и развивались, но находились под постоянной угрозой набегов и разорения. Такое состояние дел мешало развитию ремесла и торговли, накоплению капиталов, взиманию налогов и такому наполнению государственной казны, при котором можно было бы содержать значительное наемное войско.

Где начинается процветание

В этом месте может возникнуть вопрос, почему вообще так важны города для экономического развития. Возможно, Русь способна была стать каким-то образом богатой лишь на основе развития своего сельского хозяйства? Возможно, деньги для формирования наемной армии удалось бы добыть из аграрного сектора, как удалось в сталинские времена осуществить милитаризацию страны, выкачивая ресурсы из деревни вплоть до голодомора, ударившего по многомиллионному крестьянству?

Но во времена формирования сталинской милитаризированной экономики наша деревня развивалась в непосредственной связи с городом, причем не только советским, а еще и зарубежным. Зерно экспортировалось, нашим хлебом питались горожане в тех странах, которые его закупали, а на вырученную валюту Сталин, в свою очередь, закупал все то, что нужно было для строительства заводов первых пятилеток. Зерно должно было превратиться в деньги, прежде чем поработать на военные нужды страны. А самое главное — на зерно необходим был рыночный спрос. Без рыночного спроса со стороны горожан его, возможно, и выращивать в столь большом объеме не имело бы смысла. Давняя наша история в известной мере развивалась по похожему сценарию с той лишь разницей, что богатства Руси гораздо меньше интересовали зарубежных горожан, чем в XX веке.

При отсутствии или слабом развитии городов сельское хозяйство развивается лишь в той мере, в какой крестьянину

нужен хлеб для выживания. Средневековая Европа, и в том числе русские земли, была покрыта дремучими лесами, которые потенциально могли быть сведены под пашню или пастбища, однако крестьяне этого не делали, поскольку лишний хлеб и лишнее мясо были им не нужны. Их просто некуда было девать. Их некому было продать для приобретения товаров, которые крестьяне не производили сами. Понятно, что слово «лишние» звучит несколько странно применительно к эпохе, когда внезапный голод мог поразить тот или иной регион и множество людей умирали от нехватки пищи. Но голод был связан обычно с неурожаем, с тем, что именно в данный год (или, что совсем уж плохо, несколько лет подряд) хлеб не родился, а вовсе не с общим размером сельскохозяйственных земель. Запасы на несколько лет при тех возможностях хранения, которые имелись в Средние века, и при том бандитизме, который эти запасы мог быстро уничтожить, делать было трудно. Поэтому в урожайный год крестьянин жил неплохо, в неурожайный — голодал, но не увеличивал размер обрабатываемых земель и не стремился повысить производительность труда. Когда он попадал в крепостную зависимость, потребность расширить объем производства, конечно, возникала, поскольку надо было кормить барина со всеми его чадами, домочадцами, дружинниками и прихлебателями, но все равно существовала четкая граница, дальше которой расширение запашки и пастбищ не имело смысла. Барин ведь тоже не мог съесть больше продуктов, чем ему требовалось.

Все радикально стало меняться, когда по соседству с деревней возник город, причем общая логика развития была одинаковой что на Западе, что на Востоке. Быстро растущий город, с одной стороны, предъявлял быстро увеличивавшийся спрос на продукты питания, поскольку в нем жили все больше

людей, производивших не еду, а ткани, оружие, стройматериалы, предметы домашнего быта. С другой — этот город создавал то, что могло интересовать крестьянина, даже, скорее, его барина — как покупателя. Спрос дворянства на предметы роскоши (от красивой одежды до восточных специй) мог возрасти почти безгранично, если удавалось выкачать из крестьян больше денег или больше продукции на продажу. Крестьянин же вынужден был больше работать, осваивая соседние леса, интенсифицируя свой труд или применяя какие-то средства для повышения производительности труда, изобретенные городскими умельцами. А главное для нас в данном случае то, что город порождал деньги для осуществления обмена своих товаров на товары деревни. Эти деньги накапливались у богатых людей или у властей, взимавших налоги, а затем могли использоваться, в частности, для оплаты военных наемников. Иными словами, пока нет денег, нет наемной армии, но денег нет до тех пор, пока не возникает городская экономика, осуществляющая с экономикой сельской обмен продуктов ремесла и торговли на продукты питания.

Это, конечно, очень упрощенная схема формирования экономических связей, но даже она показывает, какое негативное воздействие на товарно-денежные отношения могли оказать монгольское нашествие и постоянное разорение русских городов. Маленькие, время от времени исчезающие и фактически не растущие на протяжении долгих десятилетий города предъявляли ничтожный спрос на продукцию аграрного сектора экономики. А в той мере, в какой городки на Руси в это время все же возникали, они мало чем отличались от больших деревень. Мещане имели вокруг городков свою запашку и кормились собственным трудом, а не рынком. Во многих же случаях городки представляли собой скорее укрепленные

пункты, выставляемые государством на пути татарских набегов, чем места сосредоточения богатых купцов и умелых ремесленников. Эти крепости (квазигорода) были плохими ускорителями экономического развития. Таким образом, до тех пор пока опасность набегов не была на Руси устранена, сельское хозяйство имело естественные ограничения для своего развития. Столь же естественные ограничения имела монетарная экономика. А если еще принять во внимание тот факт, что собственной добычи благородных металлов на Руси не существовало, то даже те хозяйственные связи, которые между городом и деревней формировались, были в значительной мере бартерными. Золотые и серебряные монеты являлись товаром дефицитным. Частных и государственных накоплений не хватало для стимулирования рыночных отношений. Даже теоретически трудно себе представить в этой картине экономической жизни на Руси возникновение «фондов», из которых могла бы финансироваться наемная армия.

Давайте усложним нашу картину, сделаем ее не теоретической, а реальной, приняв во внимание важнейшие хозяйственные факторы развития европейской экономики в позднее Средневековье и в начале Нового времени. При взгляде на реальную картину обнаружится, что даже по мере укрепления государственности и преодоления тяжелых последствий монгольского ига русским землям трудно было стать богатыми. Дело в том, что формирование городской экономики осуществляется неравномерно. Оно связано не только с местным ремесленным производством товаров, которые могут приобрести соседняя деревня и ее барин, а еще и с торговлей, осуществляемой порой на большие расстояния. По-настоящему богатые города в позднее Средневековье формировались именно на базе такой торговли. И именно в них формировались первые крупные капиталы, которые могли,

помимо всего прочего, быть использованы городскими властями для оплаты услуг солдат-наемников. Особо крупные города возникали на севере Италии. Венеция и Генуя, например, хорошо зарабатывали на торговле пряностями с Левантом (Восточным Средиземноморьем), на вывозе славянских, татарских и кавказских рабов из Северного Причерноморья, на обслуживании Крестовых походов, на продаже судов византийцам. Флоренция и Сиена оказывали финансовые услуги папе римскому, собиравшему десятину и прочие доходы со всего христианского мира. Вследствие экономического развития население этих городов быстро росло. Сосредоточение крупных капиталов создавало спрос богатых горожан, их чад и домочадцев на разнообразные услуги, а для оказания этих услуг под защиту городских стен стекались сельские жители, уходившие от своих сеньоров. Города Северной Италии постепенно превратились в крупнейшие рынки разнообразной продукции, где зерно, вино и мясо обменивались на ткани, мечи и латы. А сами горожане обменивались продуктами своего труда, и это превращало города не только в крупные рыночные, но и крупные монетарные центры.

Но когда большие объемы денег сосредоточиваются в определенных местах, эти места создают стимулы для развития иных мест — сначала ближайших, а затем все более и более отдаленных. Деньги начинают «путешествовать», воспламеняя всюду, где появляются, «костры процветания» (по выражению великого французского историка Фернана Броделя). Флорентийцам, венецианцам и генуэзцам требовались товары, которых сами они производили недостаточно. Например, оружие и латы. Или шерсть для производства тканей. Или природные красители. Соответственно, богатые горожане осуществляли закупки в иных городах — тех, что специализировались на недостающей продукции. Деньги

перетекали туда. В свою очередь, эти богатеющие города стимулировали развитие сельского хозяйства в окружавшей их местности. Крестьяне увеличивали запашку, интенсифицировали труд, строили мельницы, использовали новые виды сельхозорудий. Чем больше серебра и золота подкидывалось в костры процветания, тем выше возносилось пламя, тем больше новых богатств в этом созидающем пламени выплавлялось.

Распространение костров процветания является процессом неравномерным, как и формирование первых процветающих городов. В одни стороны спрос на товары идет лучше, в другие — хуже. И это зависит от целого ряда обстоятельств.

Во-первых, проще всего закупать недостающие товары поблизости. В давние времена, когда средства коммуникации были плохо развиты, когда не только не имелось железных дорог, но даже простые дороги — грязные, топкие, проселочные — во многих частях Европы фактически отсутствовали, обслуживавшие друг друга города и рынки стремились находиться по соседству. Возникали примитивные хозяйственные кластеры, важнейшими из которых были североитальянский и фламандский. Ясно, что русские города из-за своей колоссальной удаленности в такого рода кластеры попасть не могли.

Во-вторых, торговля шла вдоль тех естественных, природных путей, которые существовали в давние времена, особенно вдоль рек и морских побережий, по которым удобно было перемещаться на кораблях. Важнейшим речным путем стал Рейн, проходящий через немецкие земли с юга на север. Большое значение имели Дунай, текущий по многим землям, По и Адидже в Италии, Рона, Гаронна и Луара во Франции, а позднее Висла и Даугава на востоке Европы. Вдоль этих рек возникали богатеющие города, так же как на южном берегу

Балтики и во многих точках Средиземноморья. Движение товаров по Балтике и близлежащим землям доходило до Новгорода, Пскова, Полоцка, Витебска, Смоленска. Таким образом, русские города вступали в систему товарно-денежных связей, но находились они, как нетрудно заметить, на самом дальнем конце путей.

В-третьих, товарно-денежные связи осуществлялись между крупными городами и даже весьма отдаленными, неудобными для коммуникации точками, если в этих точках имелись такие товары, которые более простым способом было не получить. В первую очередь речь идет о «житницах» Европы — тех местах, где выращивались зерно и оливки, где нагуливал вес крупный рогатый скот. Не меньшее значение имели аграрные регионы, где паслись овечки, чью шерсть города использовали для производства тканей. И конечно, в активные хозяйственные связи вовлекались горнодобывающие местности, производившие медь и железо, золото и серебро. Русские земли золота и серебра не производили, железо мы стали поставлять в Европу лишь в петровские времена, а хлеб (в значительных масштабах) даже позже — во времена екатерининские. Однако имелось у нас и то, за чем непременно приходили в наши гавани иностранные корабли, — меха и воск. Для одежды и свечей. Вывоз этих товаров, правда, шел в давние времена лишь через удобные для коммуникации города поблизости от Балтики, о которых говорилось выше. С середины XVI века торговля пошла через Архангельск. Но в целом для товарно-денежных связей русские земли были европейцам не слишком удобны. Поэтому не так уж много денег перетекало с запада на восток. К тому же не оседали они у нас, не накапливались, а тратились обычно на импорт соблазнительных зарубежных товаров: одежды, вина, оружия.

В подобном положении находились не только русские земли. Многие окраинные регионы Европы, располагавшиеся вдали от важнейших хозяйственных кластеров и даже отдельных костров процветания, представляли собой фактически зоны с «аграрной монокультурой». Англия была немногим больше, чем крупное овечьё пастбище. Шотландия с Ирландией тоже были пастбищами, но маленькими и сильно удаленными от центров переработки шерсти. Пастбищем являлась и Кастилия, хотя в хозяйственном плане она представляла собой более развитый регион, чем Британские острова. Норвегия торговала рыбой, Польша и Литва — зерном. С Балкан поступали кожи. В общем, Европа в позднее Средневековье и в начале Нового времени была совсем не такой, как сейчас. То, что стало местом сосредоточения богатств, когда-то было местом концентрации бедности, и русские земли на этом фоне не сильно отличались от многих других.

Бедность представляла собой периферийный феномен. Причем даже не в географическом смысле (хотя из-за плохих коммуникаций и набегов «со стороны» география имела тогда для экономики большое значение), а по отношению к важнейшим центрам сосредоточения денег. Лишь в незначительной мере богатства сами «произрастали» в местах проживания людей благодаря их труду. В основном они становились следствием товарно-денежных связей. В основе процветания тоже лежал труд, но труд, простимулированный деньгами и теми товарами, которые можно было за них на европейском рынке приобрести.

В тех регионах Европы, где было мало денег, не формировались рынки солдат-наемников. Их не на что было нанимать. Однако в Западной Европе фактически сформировался единый рынок такого рода, на котором деньги имелись в одних местах, а солдаты приходили из других.

В частности, поставщиками «пушечного мяса» становились горные регионы — Шотландия и даже Швейцария, способная предоставить большое число солдат, но неспособная в то время создать производства, которыми она прославилась в XIX–XX столетиях. Те регионы Германии, где не имелось богатых городов, тоже поставляли солдат. Отличной пехотой славилась Кастилия, и отток людей в армию, кстати, стал одной из причин, по которой экономика там постепенно деградировала. Что же касается русских земель, то они находились столь далеко от рынков формирования наемных армий, что не могли даже предложить на них свой «товар».

Пропавшая деревенька

Отдельный важный вопрос — конкретная техника взимания налогов. В городе и деревне она в те давние времена оказывалась совершенно различной. Брать деньги с горожан государству было значительно проще, чем с сельских жителей. Поэтому при прочих равных условиях даже небольшое по территории и населению государство с высоким уровнем урбанизации становилось богаче государства, раскинувшегося на огромных просторах, но не имевшего большого числа городов.

Рассуждая в XXI веке о возможностях налогообложения, мы сильно ошибаемся, если начинаем переносить современные практики на давние времена. В наши дни государство, обладая большим бюрократическим аппаратом, имеет возможности ставить на учет всех налогоплательщиков. Государство знает наши доходы и взимает через бухгалтерию предприятия подоходный налог. Государство ведет учет нашей недвижимости и также подвергает ее налогообложению. Государство берет налог на добавленную стоимость (НДС) и акцизы, контролируя хозяйственные операции. Государство имеет возможность проверить правильность уплаты налога на прибыль предприятия с помощью специальных ревизий. Впрочем, даже в таких условиях налогоплательщики находят возможность уклониться от выполнения своих обязанностей, скрывая от государства доходы или имущество. А в те давние времена, когда не имелось еще бюрократического аппарата и современных возможностей контроля, уклонение было значительно более масштабным.

Проще всего было брать налоги в крупном городе с осуществлявшихся там торговых сделок. Коммерческая деятельность велась на небольшом и вполне удобном для контроля пространстве. Городские власти в основном имели представление о том, что происходит у них непосредственно под боком. Если государство на заседаниях парламентов, штатов, сеймов, ландтагов или соборов договаривалось с городами о финансовой поддержке своей деятельности, налоги собирались и поступали в казну. Налогообложение могло быть порой чересчур жестким и несправедливым, но худо-бедно оно осуществлялось.

Еще удобнее было брать питейные налоги с кабаков. В этом случае концентрация налогоплательщиков оказывалась даже выше, чем при торговле разнообразными товарами на городской площади или в каких-нибудь суконных рядах. Все питейные заведения можно было взять на учет. Конечно, государству не удавалось полностью пресечь нелегальное самогонование и ликвидировать подпольные распивочные заведения, но все же гулящий народ в достаточном количестве посещал те кабаки, с которых брали налоги. Это делали как сами горожане, так и сельские жители, приезжавшие в города для продажи продукции. Если на селе сборщики налогов должны были разыскивать деньги населения, то в городские питейные заведения деньги сами «являлись» для учета и изъятия.

Наконец, наиболее узким и удобным для налогообложения местом были таможни. Конечно, и в этом случае невозможно было взять все на государственный учет. Контрабанда существовала. Но если пошлины были умеренными, то в условиях плохих или вообще отсутствующих дорог торговцам не было смысла обходить таможни. Они шли на своих судах от порта к порту, аккуратно уплачивая пошлины и компенсируя расходы высокими ценами на заморские диковинки.

Удобными для взимания городскими налогами были так называемые налоги косвенные, то есть те, которые берут не с человека, а с товара, со сделки. Платит их человек, но расчет суммы ведется на основе того, сколько он приобретает. Тот, кто покупает или выпивает больше, чем другой, больше и платит. Тот, кто покупает импорт, оплачивает косвенным образом и таможенную пошлину, которую импортер внес в казну при пересечении границы. В сельской местности (особенно в дальней, где торговля не велась и кабаков не имелось) нельзя было взимать косвенные налоги. Там государство могло брать лишь налоги прямые — с обрабатываемой крестьянином земли или с него самого — подушный, подомный, подымный (с числа труб, через которые выходит дым из печей, то есть фактически с большого размера дома, который одной печкой не протопишь). В небольших, плотно заселенных странах налогообложение в сельской местности — задача более сложная, чем в городах, но все же разрешимая. Однако в такой огромной стране, как Россия, где редкое население разбросано по дальним просторам, обложить крестьян налогами гораздо сложнее. Особенно в тех условиях, когда еще не сформировалась бюрократия, профессионально этим занимающаяся.

Для взимания налогов необходимо осуществить учет населения. Лучше всего — учет земли (кто сколько обрабатывает), но если это сложно сделать, то хотя бы учет деревень и числа их жителей. Для выполнения такой работы из Москвы в сельскую местность направляли специального писца. Направлять-то направляли, однако проконтролировать его работу не могли. Не пошлешь же вдогонку за каждым писцом ревизора, а вдогонку за ревизором еще и контролера, проверяющего честность осуществленной ревизии. Подобный контроль при отсутствии нормальной бюрократии даже в городах был чрезвычайно затруднен. При Петре Великом

коррупцированный чиновник был обычным явлением. А уж в допетровские времена при Иванах Васильевичах или других государях ведение учета в дальних деревнях могло основываться лишь на сомнительной честности писцов. Те же, оказавшись вдали от начальства, подвергались различным соблазнам. Историки проследили, например, что одна и та же деревня могла исправно платить своему господину оброк в соответствии с оброчными ведомостями, но в книгах, в которых велся учет налогоплательщиков, могла вообще отсутствовать. Не отдельный платательщик или дом, а целая деревня! И не одна! Загадка подобной «двойной бухгалтерии» раскрывается просто, хотя мы при отсутствии исторических свидетельств должны для этого слегка напрячь воображение. Скорее всего, писца в той дальней местности, где «исчезла деревня», напоили, накормили, спать уложили в доме богатого господина, возможно, даже дали взятку. И он деревенек не заметил. А коли, несмотря на доброе с ним обращение, хотел все же вести дела по-честному, мог столкнуться и с прямыми угрозами. Местность дальняя, полиции не существует, человек он маленький, беззащитный. Пропадет — никто даже не огорчится. Поэтому интересы местного хозяина для такого писца всегда важнее интересов направившего его государства. Вот и собирай прямые налоги в сельской местности при таком повороте дел!

Исторический путь России

Понятно, что далеко не всегда происходили подобные злоупотребления, а потому налоговые поступления из деревни все-таки пополняли казну. Но с городом иметь дело государству было намного проще. А значит, страны, в которых существовало много богатых, успешно функционирующих городов, легче собирали налоги и, в свою очередь, становились богатыми и успешно функционирующими. Но для государства такое функционирование означало не хозяйственную или тем более социальную активность, а способность формировать большую наемную армию и вести войны с соседями. Московия в число таких успешно функционирующих государств не попадала из-за слишком долгой эпохи разрушительных набегов и периферийного положения, ограничивавшего деловые контакты с ведущими европейскими центрами.

В таких условиях армию можно было сформировать только на поместной основе, раздавая землю дворянству и прикрепляя к ней крестьян для обеспечения нормальной жизни военнослужащих. Крепостное право надолго стало важнейшим институтом, обеспечивавшим функционирование армии. А в Петровскую эпоху, когда офицеры стали кормиться в основном с зарплаты, но не с поместья, крепостничество оказалось своеобразным «квазибюрократическим» институтом, обеспечивавшим сбор налогов, поставку рекрутов и общее поддержание порядка на селе. Система, которая при взгляде в прошлое из XXI века представляется нам дикой, страшной и деструктивной, вовсе не представлялась такой птенцам гнезда Петрова. Лишь с екатерининских времен рабство стало по-

настоящему беспокоить европейски мыслящую часть общества, однако группы, заинтересованные в его сохранении, еще долго были в совокупности сильнее тех, кто желал свободы.

Однако укоренение крепостного права на Руси не могло стать ее вечной проблемой. В XIX веке быстрое промышленное развитие стран, опиравшихся на свободный труд, демонстрировало периферии (от Америки до России), что сохранение рабства и крепостничества создает проблемы как в моральном, так и в материальном плане. На этом фоне усиливались группы, заинтересованные в либерализации, и становились слабее откровенно консервативные группы интересов. Наконец, в ходе Великих реформ Александра II крепостное право было ликвидировано. Жизнь стала динамичной, быстро меняющейся. И в этих условиях начали формироваться новые консервативные группы, не заинтересованные по разным причинам в динамичном развитии России по капиталистическому сценарию. Кто-то в краткосрочном плане материально проигрывал от развития капитализма, а кто-то не принимал его по моральным соображениям, но, как бы то ни было, совокупные силы, настроенные на конструктивное развитие, оказались слабее сил деструктивных. Произошла революция. А вслед за ней на фоне фактически развалившегося и неспособного себя защитить государства случился Октябрьский переворот, приведший к власти сравнительно небольшую группу людей, настроенных на реализацию марксистской утопии. Утопический сценарий не был запрограммирован всем ходом развития нашего общества, однако события, произошедшие на долгом историческом пути России, сильно ему способствовали.

Утопическое стремление к мировой пролетарской революции изолировало СССР на мировой арене и стимулировало советское руководство к осуществлению

ускоренной милитаризации любой ценой. Благодаря этому советская экономика приобрела весьма специфическую структуру с таким доминированием военно-промышленного комплекса и других работавших лишь на государственный спрос производств, при котором любой сценарий возврата к рыночным механизмам лишал миллионы людей средств на благополучное существование. Прошлое вновь стало тормозить нормальное развитие нашего общества. Даже после кончины Сталина и отказа советских вождей от идеи мировой революции трудно было отказаться от хозяйственного сталинизма, направленного на милитаризацию страны.

В годы горбачевской перестройки реформаторы на переход к рынку не решились, но административные механизмы управления разрушили, что вынудило их в конечном счете печатать деньги, затыкая зияющие дыры в экономике. Но когда в «лихие девяностые» этот переход произошел, многие накопившиеся проблемы — от тех, которые были связаны со сталинской структурой экономики, до тех, что определялись горбачевской денежной эмиссией, — вылезли наружу. Масштаб встряски оказался столь силен, что постсоветское общество было совершенно шокировано переменами. Но, будучи не в силах разобраться в глубинных причинах происходящего, породило миф о шокотерапии, которую на самом деле российские реформаторы так и не провели. Пережитый обществом шок сформировал массовые настроения, благоприятные для поддержки любой власти, при которой начнется экономический подъем и возникнет рост реальных доходов населения.

Как рост ВВП, так и рост реальных доходов имели место в нулевые годы. Соответственно, имела место практически безоговорочная поддержка власти. Как видим, в этой поддержке не было ничего мистического и ничего такого, что можно

было бы трактовать как иррациональную склонность российского общества к рабству, диктатуре и азиатчине. Иррациональные страхи и фобии поразили многих людей, но они не вылезли из нашей вековой культуры, а сформировались в пореформенное время на вполне рациональной основе той государственной политики, которая определялась спецификой российского исторического пути.

Альтернатива девятая. История с географией

Чем глубже мы погружаемся в колодезь нашего прошлого, тем большее влияние на развитие начинает оказывать география. До сих пор при рассмотрении альтернатив мы обращали внимание на разного рода исторические обстоятельства. Теперь же стоит обратить внимание на географическое устройство. Окажись оно несколько иным — многое в нашей давней истории сложилось бы иначе.

Будь, скажем, на месте Уральского хребта какое-нибудь узкое море (как в популярном сериале «Игра престолов»), волны набегов с востока не могли бы достичь Европы. Русские земли избежали бы татаро-монгольского ига, русские города не подвергались бы многолетнему разорению, хозяйственное развитие наших земель способствовало бы формированию богатого бюргерства, и тогда, возможно, оказалось бы больше общего между развитием Западной и Восточной Европы.

Конечно, такая альтернатива представляется сказочной. Мы можем рассуждать о том, что вместо государя Петра Алексеевича при наличии хорошего здоровья мог долго править государь Федор Алексеевич, или о том, что Александр III — так называемый царь-миротворец — мог бы каким-то образом уклониться от мировой войны, доживи он до 1914 года, но мы не можем рассуждать о формировании морей на месте гор. Я об этом пишу в данном очерке, поскольку мы рассматриваем альтернативы не для формирования альтернативной истории, а для лучшего понимания истории реальной. В данном случае

хотелось бы обратить внимание на то, что русские земли в давние времена не были обречены на отставание по культурным или институциональным причинам. А вот географические причины оказались значимы. То есть в ситуации, когда география перестает влиять (а в XXI веке ее значение существенно меньше, чем в XIII), культура и институты вряд ли станут фатальным препятствием для развития. Культура у нас вполне приемлемая, а институты вполне поддаются реформированию.

Взглянув на экономическое развитие разных европейских регионов в Средние века, мы вновь увидим, сколь сильно влияла география на хозяйственные связи и как местоположение русских земель определяло события, происходившие в жизни наших далеких предков.

Средиземноморская торговля была наиболее удобным способом поставок азиатских пряностей на европейские рынки. В те века, когда не имелось ни шоссейных, ни железных дорог, да и вообще дороги, пригодные хотя бы для запряженных лошадей повозок, часто отсутствовали, морские коммуникации представляли собой оптимальный вариант транспортировки грузов. Именно поэтому, как мы уже отмечали, средиземноморские порты (Венеция и Генуя), занимавшиеся левантской торговлей, оказались в числе крупнейших и самых развитых городов Средних веков.

Позиции русских земель с этой точки зрения были гораздо хуже. Они активно участвовали в так называемой торговле «из варяг в греки», что способствовало укреплению некоторых городов (особенно Киева и Новгорода). В каком-то смысле картина была похожа на западноевропейскую: морские коммуникации сочетаются с речными, и так купцы проникают в отдаленные регионы. Но здесь возникала новая географическая проблема. Путь от греков шел именно

к варягам, а не в те наиболее густонаселенные регионы Европы, где имелся широкий спрос на левантийские товары. Рядом с Венецией находились альпийские перевалы, из-за которых прибывали немецкие купцы, приобретающие у венецианцев пряности и перепродававшие их в заальпийских регионах, пользуясь удобными речными путями по Рейну и Инну. Представить себе столь же успешную торговлю через Киев невозможно. Ни русские земли, ни скандинавские не представляли собой, в отличие от немецких и французских, крупного платежеспособного рынка, а передвигаться по огромной слабозаселенной сухопутной территории было сложно, несмотря на значение таких рек, как Днепр и Волхов. Торговать левантийскими товарами через Киев с германскими княжествами вообще не имело смысла. Поэтому значение пути «из варяг в греки» никогда не было столь велико, как значение средиземноморских путей. Ну а когда случилось татаро-монгольское нашествие, разоренные русские земли вообще перестали рассматриваться как место, благоприятное для торговли.

При этом новгородско-псковская торговля пушниной и воском сохранялась, поскольку северо-запад русских земель нашествие не затронуло. Однако это уже была не транзитная торговля, связывавшая регионы Восточной Европы, но лишь торговля с немецкой Ганзой. Русские города представляли собой одну из конечных точек движения немецких купцов по Балтике и Северному морю. А это означало превращение Новгорода и Пскова в крупные региональные торговые центры, увы, несопоставимые с такими имевшими общеевропейское значение центрами, как Венеция, Генуя, Брюгге, Антверпен, Кельн, Любек, Гамбург, Бремен.

Если бы по каким-то причинам балтийская торговля мехами и воском имела для Европы такое же значение, как

средиземноморская торговля пряностями, масштабы Новгорода и Пскова заметно возросли бы, а Любек, возможно, стал в торговом отношении северной Венецией. Но этого, естественно, не случилось.

Миф девятый. Об ордынском влиянии

Русских интеллектуалов на протяжении многих лет волнуют причины отечественного самодержавия, авторитаризма, тоталитаризма. При этом для значительной части интеллигенции неприемлемо сопоставление этих печальных черт нашей истории с важнейшими характеристиками истории других европейских стран. Запад у нас порой мифологизируется и предстает в «белых одеждах» как правовая цивилизация, в которой любые ужасы — от инквизиции и охоты на ведьм до фашизма и нацизма — являются не более чем случайным отклонением от правильной магистральной линии. При таких весьма вольных интерпретациях истории возникает вопрос о причинах российских бед. И тут подворачивается удачный «виновник» — Орда, «жуткий восточный монстр», который навязал нам свое двухсотлетнее иго и, как полагают сторонники «ордынской теории», оставил в наследство деспотическую политическую систему, не преодоленную по сей день.

На самом деле прямого ордынского влияния на наши нынешние институты не существует. Опосредованное имеет место, и мы это видели в материалах предыдущих глав. Известно, что в любой ситуации существует серьезная зависимость от исторического пути, что нигде никогда история не пишется с чистого листа, а потому двести с лишним лет зависимости от Орды не могли пройти бесследно. Однако не стоит списывать на нее все, что нам не нравится в жизни России, и одновременно все, что нравится, приписывать

влиянию Запада. Картина российской реальности значительно сложнее.

Основное влияние на нас оказывали европейские страны, поскольку мы с ними сосуществовали столетиями: торговали, воевали, перенимали хороший и плохой опыт в ходе путешествий по Европе и чтения европейских книг. Именно из Европы пришли к нам в определенный момент рыночное хозяйство, технический прогресс, гуманистические идеи. Но в то же время оттуда пришли абсолютистские режимы, огромные армии с мощными средствами разрушения и марксизм с его революционной идеологией. Во всех этих случаях Орда ни при чем. Хоть Сталина и называли порой Чингисханом с телефоном, его методы управления отличались от ордынских не только использованием новейших средств связи. Происхождение сталинского режима, его конкретное устройство, организация массовых репрессий, создание «шарашек» и экономическое наследие не имеют ничего общего с деспотической практикой далекого XIII столетия. Если Иван Грозный должен был реагировать на геополитические реалии своей эпохи и потому от влияния Орды совсем избавиться не мог, то Сталин реагировал на вызовы XX века и использовал опыт политиков своего времени, а вовсе не Чингисхана.

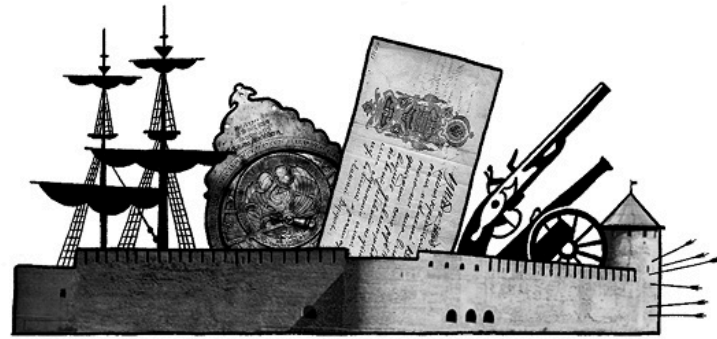
Орда на наш исторический путь повлияла самым фактом своего существования. Московское государство создавало сильную армию в первую очередь для боевых действий на «восточном фронте», для противостояния (превратившегося в Стояние) на Угре, для взятия Казани и Астрахани, а позднее — для отражения набегов крымских татар. Все это — исторические реалии, позволяющие понять, в частности, почему даже самым миролюбивым государям нельзя было быть пацифистами. Но характер построения армии Московского государства не имел ничего общего с ордынским. Как мы видели, наше войско

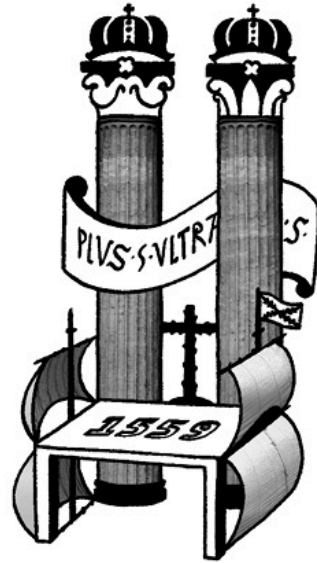
строилось на поместном принципе, на предоставлении воинам земли и крепостных крестьян в обмен на несение государевой службы. Московская армия походила во многом на турецкую армию тимариотов и польское посполитое рушенье, где также служба осуществлялась за право кормиться с земли или с расположенных на ней городков. При этом ни турки, ни поляки не имели серьезной исторической связи с Ордой и не могли свои институты формировать исходя из зависимости от нее. Общность московской, турецкой и польской практик военного строительства при полном отличии их от ордынской практики наглядно демонстрирует нам, что Россия не формировалась как новая Орда.

Если взглянуть на практику государственного строительства, то, скажем, петровский деспотизм во многом походил на абсолютизм шведский, прусский и французский. Петр досконально изучал европейский опыт государственного устройства. Но никакого ордынского опыта он не изучал. Ему бы это даже в голову не пришло. В отличие от некоторых нынешних теоретиков, возводящих Российское государство к Орде, Петр был практик и изучал опыт не давно почившего в бозе монгольского государственного образования, а тех сильных государств, которые доказали свою жизнеспособность в XVII столетии.

Бесспорно, из ордынского времени происходят некоторые русские слова. Например, ярлык, деньга, таможня (тамга). Но практика денежной, таможенной и налоговой политики уже в давние времена не имела ничего общего с ордынской. Все, что связано с финансами и кредитом, Россия уже несколько столетий учится на Западе. Из Орды происходят некоторые известные русские аристократические фамилии: Юсуповы, Салтыковы, Урусовы... Но представители этих семейств быстро теряли свои восточные культурные особенности и становились

русскими, православными, а в XVIII–XIX веках еще и настоящими европейцами.

Глава десятая. О том, что не бывает «беспутных» стран

Зависимость от исторического пути не является уникальной чертой России. Подобным образом развиваются все страны. Иногда при поверхностном взгляде на зарубежную историю нам кажется, будто в ней нет такой сложной цепочки зависимостей. Но обстоятельный аналитический разбор проблем показывает, как прошлое формирует будущее, и демонстрирует развилки, на которых можно было при определенных обстоятельствах пойти иным путем. «Беспутных» стран не бывает, хотя путь каждой весьма специфичен. Подробно я анализирую исторические пути зарубежных стран в других книгах, но здесь надо кратко разобрать ряд примеров, чтобы прослеженные выше многовековые российские метаморфозы не выглядели чем-то выбивающимся из нормы.

Как «генералы» Генеральные штаты одолели

Франция, как и Россия, — страна нескольких крупных революций, сотрясавших общество на протяжении почти целого столетия. Но Россию часто рассматривают в качестве символа европейской деспотии, тогда как Францию представляют страной, постоянно борющейся за свободу. Русская революция интерпретируется как бунт рабов, подстрекаемых смутьянами. Французская — как «Свобода на баррикадах», вдохновленная идеями Просвещения. Почему так получается?

Цепочка французских революций, первое звено которой было выковано в 1789 году, а последнее — в 1871-м, порождалась в целом теми же проблемами, которые позднее породили российскую нестабильность. Быстро меняющееся общество разрывалось на части целой системой острых противоречий (межклассовых и внутриклассовых, межрегиональных, идеологических). Первая революция (так называемая Великая буржуазная) привела Францию к поистине катастрофическим последствиям, погрузив в жестокий якобинский террор, а затем — в длительные революционные и Наполеоновские войны, выкосившие значительную часть мужского населения страны. Следующие революции (1830 и 1848 годов) оказались мягче. Они разрешали часть накопившихся противоречий, трансформировали общество, приводили к власти те группы интересов, которые в целом способствовали развитию рыночного хозяйства. Последняя революция (1871 года) обернулась Парижской коммуной, но завершилась

формированием устойчивой Третьей республики, которая уже не уступила место ни новой монархии, ни новой империи, ни новой якобинской деспотии. Революционная цепочка событий показывает, что Франция шла по пути естественных перемен, но столь же естественной была и неспособность французского общества пройти этот путь мягко, мирно, аккуратно — с помощью разумных компромиссов.

Франция не была обречена на то, чтобы пройти именно через четыре революции. Да и последствия революций могли быть иными.

Скажем, в 1789 году развал так называемого «старого режима» (предреволюционной монархии) был спровоцирован созывом Генеральных штатов, ставших своеобразным штабом революции. Большое число собравшихся в одном месте людей, настроенных на перемены под воздействием как идей Просвещения, так и сложной совокупности групповых интересов, начало борьбу за свободу, с которой слабая королевская власть не смогла справиться. Если бы Людовик XVI не собрал этот «террариум единомышленников», многое могло пойти по-другому и «старый режим» еще продержался бы какое-то время. Но король так погряз в комплексе нерешенных проблем (финансовых в первую очередь), что вряд ли мог долго управлять страной без консультаций с «общественностью».

На то, каким путем шла Франция в период между революциями, огромное влияние оказали конкретные персоналии. Вряд ли нужно объяснять роль Наполеона I в истории Франции, но про Наполеона III следует сказать, что в созданной им Второй империи предпринимались серьезные шаги по развитию экономики, которых при другом правителе могло и не быть. Однако «Наполеон малый», как называл его Виктор Гюго, запутался во внешней политике, проиграл войну

Пруссии и тем самым подорвал свои внутривнутриполитические позиции.

В конечном счете Франция через революции, монархии и империи двигалась все же по пути модернизации. Получалось что-то вроде «шаг назад, два шага вперед». В такой ситуации каждый «шаг назад» стал многими рассматриваться как историческая случайность, а каждые «два шага вперед» — как закономерное следствие борьбы за свободу, начатой со взятия Бастилии и пения «Марсельезы». В России к настоящему времени при общем с Францией сходстве причин и характера революционной борьбы результаты модернизации оказались далеко не оптимальны. Рынок устоялся, демократия — нет. До установления Третьей республики дело пока не дошло, а вот противоречивую Вторую империю мы кое в чем напоминаем. Неудивительно, что оценки исторического пути часто оказываются пессимистическими: мол, до республики не доживем, так и увязнем в империи.

Французский исторический путь эпохи революций, как и наш исторический путь, не был жестко predetermined развитием «старого режима», но и не начинался с чистого листа. Хотя крепостное право во Франции рухнуло на исходе Средневековья, неразрешенность земельных проблем сохранялась. Отдельные города быстро экономически развивались, формируя сильную буржуазию, но многие периферийные регионы оставались оплотом консервативной аристократии. Первым серьезным обострением противоречий, вызванных развитием страны, можно считать так называемую Фронду. Это была гражданская война, и случилась она практически тогда же, когда разразилась гражданская война в Англии (в середине XVII века). Но в Англии противостояние привело к падению монархии и казни Карла I, тогда как во Франции — к сокрушению Фронды и резкому усилению

монархии при Людовике XIV. Соответственно, в Англии начались трансформационные процессы, о которых будет сказано дальше, тогда как во Франции политические преобразования не начались, зато резко возрос размер армии и активизировалось участие монарха во внешней политике. Людовик XIV стал претендовать на общеевропейское доминирование.

Почему же французские фронтеры проиграли борьбу, тогда как английский парламент ее выиграл? Все обстоятельства в данном коротком тексте рассмотреть невозможно, но одно любопытно было бы выделить. Английский парламент к тому времени стал устойчивым институтом, который, хоть и терпел от монархии постоянное ущемление прав, в политической борьбе сражался с королем почти на равных. Во Франции же Генеральные штаты постепенно теряли свое значение. Король не собирал их с 1614 по 1789 год, и, соответственно, в дни Фронды они отсутствовали. В Париже не было столь мощной политической силы, противостоящей монархии, как английский парламент середины XVII века или французские Генеральные штаты 1789 года.

Почему же оказалась столь различной судьба представительных органов двух соседних стран — Англии и Франции? Для выяснения этого вопроса надо дальше погрузиться в бездонный исторический колодезь Томаса Манна. О судьбе английского парламента речь пойдет чуть дальше. А вот о судьбе французских Генеральных штатов самое время поговорить сейчас. Они пережили свой период расцвета и свой период упадка по вполне объективным обстоятельствам.

Период расцвета у них был в годы Столетней войны, когда французская монархия проявила свою слабость: и военную, и организационную, и финансовую. В этой ситуации возрастала роль институтов, которые могли собрать деньги для

противостояния англичанам. Генеральные штаты были именно таким органом. Представительство той эпохи сильно отличалось от современного. Генеральные штаты представляли не весь народ, а лишь ту его часть, с которой королю имело смысл вести переговоры об оказании финансовой поддержки. И они ее оказывали, но одновременно перетягивали на себя «одеяло власти», не только давая деньги короне, но и стремясь контролировать их использование в интересах укрепления обороноспособности.

Укрепление обороноспособности неизбежно приводило к укреплению монархии, поскольку новые, хорошо организованные и щедро профинансированные воинские части (так называемые ордонансные роты) находились не под властью народных избранников, а под управлением короля. В XV веке вряд ли дело могло сложиться иначе. Государством и армией руководили монархи. Парламенты или штаты не способны были их заменить. Роль парламентариев состояла лишь в том, чтобы помогать короне, когда та их к тому призывала. Некоторое расширение или сужение масштабов помощи было вполне возможно. Оно зависело от многих конкретных обстоятельств. Но принципиальному изменению соотношения сил короля и Генеральных штатов препятствовали вековая традиция и сложившиеся в средневековом обществе религиозные представления: королевская власть считалась властью, происходящей от Бога, и избранные народом представители не имели той легитимности, которую имел монарх как Божий избранник.

Таким образом, в руках короля оказалась военная сила, порожденная Генеральными штатами и вполне способная их погубить. И она их погубила. По мере укрепления своей власти король стал прибегать к сбору налогов напрямую, а не через народных избранников. Согласие Генеральных штатов

требовалось все реже. А поскольку они перестали выполнять важные государственные функции, король перестал их собирать. В период ослабления монархической власти (в период Религиозных войн) штаты возрождались, однако, когда пресеклась династия Валуа и утвердилась династия Бурбонов, с народным представительство было покончено вплоть до 1789 года. Кардинал Ришелье использовал силу для унификации налогового бремени. Монархия все реже торговалась с регионами в вопросе о том, сколько те заплатят, но все чаще выкручивала народу руки и вытряхивала его карманы.

Во всей этой истории нет жесткой предопределенности. Нельзя исключить варианта развития событий, при котором монархия не восторжествовала бы над обществом, но была бы вынуждена заключать с ним соглашения. Скажем, так могло случиться, если бы в ходе Религиозных войн Генрих IV не стал однозначным победителем, но прибегнул бы к переговорам с сильными группами интересов, которые принудили бы его собирать время от времени Генеральные штаты. В истории Франции так не сложилось, но, скажем, в истории Польши, о которой пойдет речь далее, король не сумел избавиться от опеки со стороны дворянства.

Во Франции история пошла по пути, на котором сокращались возможности общества сопротивляться абсолютизму. И лишь в 1789 году выяснилось, что бесконечно править народом, не обращаясь за поддержкой к низам общества, трудно даже верхам, обладающим, казалось бы, абсолютной властью.

Как Испания потеряла свое счастье

О тех проблемах, которые мы здесь обсуждаем, Лев Толстой мог бы сказать: «Все счастливые страны счастливы одинаково, каждая несчастливая несчастлива по-своему». В отношении «счастливых стран» подобное утверждение было бы некоторым упрощением: с ними тоже не все просто. Но с «несчастливыми» именно так дело и обстоит. Помимо России есть в Европе еще две больших страны со сложным историческим путем, которым тоже в какой-то момент изменило счастье. Это Испания и Польша. Испания была в XVI веке самой сильной страной Европы, но затем случился упадок, который в той или иной мере давал о себе знать чуть ли не до конца XX столетия. А Польша в конце XVIII века оказалась разделена между соседями и восстановила свою государственность лишь в 1918 году. Понять, что стряслось с этими странами, можно, погружаясь, как и раньше, в наш любимый колодец Томаса Манна.

К середине XX века Испания представляла собой странное зрелище. Страна Западной Европы (хоть и южной ее части) отставала в своем развитии от Англии, Франции, Голландии, Бельгии, да, в общем-то, можно сказать, что и от Германии с Италией, несмотря на случившиеся с ними нацистскую и фашистскую катастрофы. Испания представляла собой отсталую в экономическом плане автократию, во главе которой стоял генералиссимус Франсиско Франко. В суровой и кровопролитной гражданской войне 1930-х годов Франко «спас» свою страну от левых радикалов, которым помогал

сталинский СССР. Но избавление Испании от участия в советском эксперименте не сильно ей помогло. Капиталистический застой оказался немногим лучше бурного социалистического развития. Лишь комплексные радикальные экономические реформы, осуществленные в конце 1950-х, способствовали нормализации развития Испании. А политические преобразования произошли только после смерти Франко. Автократия постепенно превратилась в демократию, Испания вошла в Евросоюз, а испанская экономика стала частью европейской экономики и даже зоны евро.

При поверхностном рассмотрении проблемы развития Испании выглядят обычными проблемами догоняющего развития. Не могут же все страны модернизироваться синхронно! Ясно, что есть в этом процессе лидеры и аутсайдеры. Англия и Голландия добились успехов раньше, Испания и Португалия — позже. Если смотреть на историю Испании в XVIII–XX столетиях, признаки догоняющего развития будут заметны каждому. Испанцы стремились по мере сил формировать такие институты, чтобы броситься в погоню, скажем, за французами — своими успешными северными соседями.

Но такой поверхностный взгляд, брошенный с севера за Пиренеи, не дает нам ответа на чрезвычайно важный вопрос. Испанские города в Средние века уступали в экономическом развитии ряду североитальянских и нидерландских городов, но не городам французским и английским. То есть испанцы (кастильцы и каталонцы) были успешны. К началу Нового времени испанская монархия стала столь сильна, что претендовала на доминирование во всей Европе, на то, чтобы считаться оплотом католического мира. В эпоху, когда Московское государство пыталось с боями «войти в Европу», то

успешно сражаясь на полях Ливонской войны, то отступая под давлением сильного противника, государство Испанское ставило задачу установления своего контроля в той или иной форме над самыми разными уголками Европы... А потом случилась катастрофа. И уже в XVIII–XIX веках Испания и Россия оказались двумя вполне сопоставимыми по уровню развития периферийными европейскими державами, причем первая по-прежнему находилась на спаде, а вторая — на подъеме.

Испанский упадок можно отсчитывать с середины XVII века, с того момента, когда несчастливо для Испании завершилась Тридцатилетняя война. Две ветви огромного дома Габсбургов — испанская и австрийская, — несмотря на совместные усилия по борьбе с немецкими протестантами, а также с Францией, Швецией, Англией, Данией, оказались у разбитого корыта. И это поражение стало следствием не только военных неудач и дипломатических провалов, но — самое главное — следствием упадка в финансово-экономической сфере и слабого политического устройства. В чем же были причины этих слабостей?

Одну причину обнаружить нетрудно. Долгое время Испания делала ставку на серебро, поступавшее из-за океана, из американских колоний. Богатейшие серебряные рудники Боливии и другие источники поступления благородных металлов способствовали серьезному пополнению бюджета. Если противники Испании могли при организации боевых действий полагаться лишь на налоговые поступления от своих земель и городов, то испанцы в дополнение к налогам имели колониальные ресурсы. Серебряный флот вез в Европу богатства, добытые из земли индейцами, и эти богатства превращались в зарплату наемных солдат, в огнестрельное оружие, в мощные фортификационные сооружения.

При наличии большого бюджета можно было не думать об эффективности экономики. Более того, гордым кастильцам она представлялась делом второстепенным в сравнении с войной. Пока купцы и ремесленники цинично набивали карманы, солдаты сражались за величие католических идей против врагов внешних (турки) и внутренних (протестанты).

Тем временем в экономике происходили неблагоприятные для Испании перемены. Большой приток серебра повышал уровень жизни тех испанцев, которые были с ним связаны, начиная с солдат и заканчивая ремесленниками. Одна часть общества получала деньги за свою службу, другая — хорошо зарабатывала на продаже товаров. Высокий спрос, как это и бывает в экономике, породил инфляцию. А на рост цен реагировал бизнес соседних стран. Стал возрастать экспорт их товаров в Испанию, на продажах все чаще хорошо зарабатывали иностранцы. Из-за Пиренеев рабочая сила хлынула в страну с хорошими заработками, поскольку она нуждалась в мигрантах: гордые кастильцы предпочитали престижную и хорошо оплачиваемую воинскую службу трудовым «подвигам» в тылу. Испанская экономика, начинавшая с прироста доходов, постепенно стала сворачиваться из-за неэффективности и неконкурентоспособности. Если бы при этом нарастали поступления заокеанского серебра, такой хозяйственный упадок оказался бы не слишком заметен. Но природные ресурсы со временем исчерпываются. Исчерпание колониальных богатств совпало с упадком национальной экономики. Короне трудно стало содержать огромную армию, тем более что геополитические амбиции «исчерпанию» не подвергались. Все глубже втягиваясь в европейские войны, Испания не соразмеряла свои финансовые возможности с расходами на милитаризацию. Какое-то время бюджет спасали кредиты, но

после ряда банкротств выяснилось, что и кредитный рынок не является неисчерпаемым.

Подобные истории принято порой называть ресурсным проклятием. Богатство, даруемое природой, бьет по способности населения создавать богатства своими трудами. Про существование ресурсного проклятия часто говорят применительно к СССР и России последних сорок-пятьдесят лет. В российском случае природа одарила нас нефтью и газом. В испанском случае ресурсное проклятие проистекало от благородных металлов, но суть проблемы тогда была такой же, как у нас сейчас.

Впрочем, хозяйственное отставание, вызванное формированием неблагоприятных условий для отечественного бизнеса, не могло стать причиной фатального упадка на несколько столетий. Ведь по прошествии некоторого времени, когда иссякли текущие из-за океана серебряные реки, а экономика соседних стран поднялась настолько, что перестала быть поставщиком мигрантов за Пиренеи, в Испании вновь должны были появиться стимулы для занятия бизнесом. Солдатская служба кормила все хуже, а рынок испытывал потребность в отечественных товарах, что давало возможность кормиться трудом своих рук, а не стрельбой по противнику. В какой-то мере трансформация условий, необходимых для развития экономики, создала стимулы трудиться. Испания с голоду не умирала. Но все же столь длительное отставание от стран, расположенных к северу от Пиренеев, нельзя объяснить лишь ресурсным проклятием. Была и другая причина испанского упадка. Обнаружить ее можно опять-таки лишь погружением в колодезь прошлого.

Причиной упадка является испанская инквизиция, которую редко сопоставляют с экономическим и политическим развитием страны. У многих историков религиозные проблемы

существуют сами по себе, а экономические и политические связи с ними как бы не имеют. Но идеология не может рассматриваться вне связи с экономикой и политикой. Печальный советский опыт это показывает. И опыт испанский говорит о том же: репрессии, вызванные борьбой с еретиками, серьезно сказывались на каждом, кто не вполне вписывался в тот правильный католический образ жизни, на страже которого стояла инквизиция.

Трудно развиваться бизнесу, когда в любой момент на него может наехать влиятельная структура, существующая фактически только для осуществления наездов. Конечно, предприниматель — не значит еретик. Но подвести неугодного инквизиции купца под статус еретика было не столь уж трудно. Многие из них имели еврейское происхождение, и это вызывало подозрение, что конверсо (крестившийся еврей) тайно исповедует иудаизм или даже держит подпольную синагогу. От инквизиторов можно было порой откупиться. Но сам факт получения денег от бизнеса лишь стимулировал в дальнейшем активный поиск еретиков. Ведь чем больше удастся их обнаружить, тем больше становятся легальные доходы инквизиции и нелегальные доходы ее служителей.

Подобные проблемы возникали не только с бизнесом. Любой нестандартно мыслящий ученый, любой политический деятель (даже самого высокого ранга), стремившийся осуществить реформы, мог попасть под подозрение. При наличии института, способного любого человека обвинить в ереси, естественным становилось стремление не высовываться. Испанская элита придерживалась сложившихся традиций, много молилась (или имитировала искреннюю веру в Бога), строила новые храмы, украшала старые, много жертвовала монастырям, благодаря которым численность монахов была, возможно, самой большой в Европе. Оставшиеся средства использовались для

строительства дворцов, покупки земель и титулов. Стагнация становилась целью, тогда как любая модернизация рассматривалась как опасная затея. И так обстояло дело на протяжении веков — до преобразований XIX столетия.

Как Польша потеряла саму себя

Сегодня Польша является одной из наиболее влиятельных стран Центральной и Восточной Европы. Но в XVIII веке с ней случилась трагедия, после которой трудно было даже представить будущее возрождение Польского государства, разделенного тремя сильными соседями — Россией, Пруссией и империей Габсбургов. Польша не смогла оказать им достойного сопротивления, не смогла обзавестись союзниками, которые желали бы ее сохранить для поддержания европейского баланса сил, более того — не смогла убедить Европу в том, что она достойна, если можно так выразиться, собственной государственности. Польский король в XVIII веке не принадлежал к династии, обладавшей «божественными» правами на престол. Монархия в Речи Посполитой, объединявшей Литву и Польшу, была выборной. Наши нынешние представления о добре и зле исходят из того, что выборность, демократичность, народность — это очень хорошо. Но в представлениях европейских элит XVIII века все выглядело совершенно иначе. Вот что писал о польской трагедии знаменитый мыслитель XIX века лорд Актон:

Польша не обладала гарантиями стабильности, вытекавшими в других странах из династических связей и из теории законности власти, согласно которой корона передавалась по наследству или в результате брака. Монарх, в жилах которого не текла королевская кровь, корона, возложенная по воле народа, — были в ту эпоху династического абсолютизма возмутительными аномалиями, поруганием священных прав. Страна была исключена из европейской системы в силу самой природы своих институтов. <...> И вот после долгой борьбы в поддержку кандидатов, которые были их ставленниками, соседи Польши отыскали, наконец, средство для окончательного уничтожения польского государства. <...> Впервые

в новой истории значительное государство было разделено соединенными усилиями врагов, которые поделили между собой всю его территорию и весь народ.

Но как же дошла Польша до такой «возмутительной аномалии»? Сам факт уникальности раздела веками существовавшего государства говорит нам о том, что такое не должно было случиться. И не случилось нигде, кроме Речи Посполитой. Разные с европейскими странами случались неприятности — народные революции, военные поражения, утрата ресурсов, — но все же не раздел между соседями.

Понять, как Польша потеряла саму себя, можно в том случае, если мы проследим долгий исторический путь ее развития, на котором шаг за шагом страна двигалась к будущей катастрофе, совершенно не осознавая, чем рано или поздно все для нее может закончиться. А когда осознание близости катастрофы стало приходить, ничего уже нельзя было поделать, поскольку не имелось ни моральных (легитимной в глазах соседей монархии), ни материальных (сильной армии) оснований для выживания.

Начался долгий путь к трагедии со смерти Казимира Великого, когда пресеклась по мужской линии королевская ветвь династии Пястов. С этого момента польский престол стал *de jure* считаться выборным, хотя фактически еще долгое время таковым не являлся. Реалии позднего Средневековья вели к формированию новой династии, и она вполне могла утвердиться, если бы не ряд конкретных (можно сказать, случайных) обстоятельств, тому воспрепятствовавших.

На трон в ситуации пресечения династии претендовал король Венгрии Людовик Анжуйский, являвшийся Пястом по женской линии и назначенный наследником еще самим Казимиром. Во многих странах представители боковых ветвей нередко всходили на престол и утверждали собственную

династию. Поначалу и в Польше дело шло подобным образом, но Людовик, чтобы комфортно править и передать трон преемникам, договорился с дворянством (шляхтой) и добровольно ограничил монархию в некоторых правах. Это был разумный ход с его стороны, поскольку имелись претенденты на престол и по боковым мужским линиям династии Пястов. Когда же Людовик скончался, престол перешел к его дочери Ядвиге, и это вновь потребовало компромиссов со шляхтой, поскольку королеве в те времена при прочих равных условиях закрепиться на троне было сложнее, чем королю. Ядвигу выдали замуж за литовского князя Ягайло, которому предстояло креститься по латинскому обряду. Общих детей у них не было. После смерти Ядвиги Ягайло еще несколько раз женился, и наследник трона появился лишь от четвертого брака. Он не имел никакого отношения к Пястам, к тому же поляком и католиком был лишь во втором поколении. Разве мог такой человек претендовать на престол? На самом деле мог, но это потребовало новых договоренностей со шляхтой.

После Ягайло правил его сын Владислав, не оставивший детей, а значит, вновь начались консультации о дальнейшей судьбе страны и престола. Один за другим возникали обстоятельства, ослаблявшие монархию и усиливавшие шляхту. Конечно, и в данном случае нельзя говорить о предопределении, то есть о том, что Польша неизбежно катилась в пропасть. Теоретически мог, наверное, найтись претендент, который рискнул бы своим положением, разрубил гордиев узел и утвердил безусловное королевское правление. Однако гадать об этом не стоит. Реальность была такова, что раз за разом в Польше формировались компромиссы, минимизировавшие риски раскола, междоусобной борьбы, гражданской войны и в то же время ограничивавшие королевские права. В то время, когда во Франции, Испании,

России происходило собирание власти, в Польско-Литовском государстве происходило ее рассредоточение. Правда, не по «уделам», но по разным «этажам» властной вертикали. Собственно говоря, вертикаль эта постепенно становилась все менее властной, хотя формально иерархия сохранялась.

Когда речь идет о компромиссе монархии с дворянством, это не совсем точно. Для того чтобы договариваться именно со шляхтой как с огромным сословием (в Польше наряду с Кастилией доля дворянства в общей численности населения была наивысшей среди всех европейских государств), нужны были соответствующие институты. Без них разбросанные по большой территории страны и ничем не связанные между собой шляхтичи не могли быть субъектом переговоров с королевской властью. Договоренности достигались с аристократией, с так называемыми польскими магнатами, говорившими от лица сословия и добивавшимися для него привилегий, но не передававшими шляхте властных механизмов. Ситуация стала меняться по мере того, как формировался сейм — польский парламент, объединявший дворянство всей страны. Горожане на сеймах не были представлены, крепостные крестьяне тем более, зато у шляхты появилось больше возможностей настаивать на своем. Польша становилась скорее шляхетской республикой, чем монархией, ограниченной сильной аристократией. В конечном счете дело дошло до использования принципа *liberum veto*, который позволял даже одному депутату сейма заблокировать решение любого важного вопроса. Выглядел такой подход по современным меркам очень прогрессивно, поскольку защищал права меньшинств, что важно для истинной демократии. Однако по меркам XVI–XVIII веков он скорее способствовал разрушению польской государственности, чем повышению ее качества.

Главной проблемой становилось в этих условиях формирование армии нового типа. Пока шляхетское ополчение (посполитое рушенье) функционировало более-менее эффективно, влияние шляхты на королевскую власть было еще терпимым. Однако такую армию, как и поместную армию Московского государства, необходимо было постепенно реформировать. Необходимость создания наемного войска в Польше осознавалась, но шляхтичи не торопились раскошелиться ради того, чтобы король мог нанять солдат для защиты родины, а затем, глядишь, как это случилось во Франции и Кастилии, ликвидировать с армейской помощью всякий парламентаризм. Но государство без армии могло в те времена быть сильным разве что на острове (как в Англии), но не в центре континента, где постоянно идут войны и каждый монарх стремится расширить свои владения за счет соседа. В XVII веке Речь Посполитая пережила настоящую катастрофу — победоносное шведское нашествие, получившее даже название «Потоп», и постепенную утрату малороссийских земель, переходивших под власть Московского государства.

Это был, пожалуй, первый звонок, предупреждавший об опасности, но шляхетская республика на него не отреагировала. Речь Посполитая тогда сохранилась, хоть и с существенной потерей земель. Более того, в конце столетия польская армия во главе с королем Яном Собеским спасла Вену от турецкой опасности, что стало на многие годы предметом национальной гордости и одним из источников рассуждений о великой миссии поляков, стоящих с давних времен на страже христианского мира от восточной угрозы. Победы, однако, быстро обернулись поражениями. С турками справиться удалось, но с новым шведским нашествием — нет. Карл XII, разгромив под Нарвой Петра I, двинулся дальше успешно громить польского короля. И лишь перелом, который произошел в Северной войне

благодаря битве под Полтавой, на время отложил очередную катастрофу польской государственности.

Во второй половине XVIII века размер королевской армии оставался совершенно ничтожным по сравнению с армиями соседних государств, причем под ружьем у магнатов имелось в совокупности больше солдат, чем у монарха. Неудивительно, что в тот момент, когда соседи договорились о разделе Польши, это государство уже не обладало достаточной силой ни для какого сопротивления. Героизм отдельных поляков не мог спасти ситуацию. Знаменитые раздоры, которыми, по поговорке, сильна Польша, стали причиной ее распада. Но внутренние конфликты не были заложены в польскую ментальность. Они стали следствием долгого, своеобразного исторического пути страны.

Как получился «английский газон»

История Англии часто представляется нам образцом стабильности и соблюдения вековых традиций. Континентальные войны территорию острова затрагивали только самым краем. Революции в Англии случались так давно, что про них почти уже позабыли. А демократию свою англичане любят возводить к знаменитой Великой хартии вольностей, которая была принята в 1215 году и, как полагают многие, заложила основы соблюдения прав человека и гарантий собственности. Недаром появился анекдот про английский газон. Как удалось его сделать таким идеально ровным? Очень просто: надо посадить траву, а потом триста лет регулярно подстригать.

На самом деле английская история не похожа на этот газон. Нельзя сказать, что когда-то в давние времена случились основополагающие события, а затем британцы лишь холили и лелеяли свои замечательные институты. На самом деле Великая хартия вольностей сама по себе мало что дала англичанам. Если король был слабым, она более-менее соблюдалась, если король был сильным, он просто игнорировал «бумажку», которая «гарантировала» права его подданных. Генрих VIII мог расправиться не только с отдельными людьми, проживавшими в его королевстве, но с целой католической церковью. Реформация лишила ее значительной доли имущества, да и самой себя, поскольку господствующей церковью стала англиканская. Настоящая борьба с произволом монарха началась лишь через четыреста лет после принятия Хартии, и лишь с конца XVII века в Англии началась

целенаправленная выработка тех институтов, которые сделали ее технически передовой, экономически успешной и политически демократичной.

Впрочем, то, что Англия в определенный момент стала своеобразным европейским лидером модернизации, мы знаем, поскольку глядим в прошлое из XXI века. В XVII–XVIII веках европейцы так не подумали бы. Англичане и голландцы лидировали в судостроении и кораблевождении, а Франция, Испания и империя Габсбургов имели большие сухопутные армии. Кто там главный? Кто самый успешный? Поди разбери. В общем-то, разобрать довольно трудно, поскольку критерии очень разные. Когда в Англии совершился технический переворот, возникла мощная промышленность, и экономический рост стал заметно менять страну, всюду возник интерес к причинам британского успеха. Сегодня существует несколько основных теорий, объясняющих, почему у Британии тогда все получилось. Рассмотрев их, можно обнаружить, что факторы успеха зависели от специфики английского исторического пути. То, что проявилось в XIX веке, медленно вызревало в предшествующие столетия и не было жестко предопределено.

Наиболее популярное объяснение британского успеха — хорошие институты. То есть такие правила игры, при которых возникли гарантии прав собственности частного предпринимателя, а государство с одной стороны и бандиты с другой утратили возможность обдирать бизнес как липку. Но институты эти не произошли напрямую из Великой хартии вольностей. Если исходить из ее всемогущества, невозможно объяснить, почему между моментом принятия Хартии и моментом, когда стал явным британский успех, прошло примерно шесть столетий. На самом деле британские институты

зависели от множества обстоятельств и лишь в какой-то (весьма незначительной) степени — от Хартии.

Обычно начало становления новых институтов связывают с так называемой «Славной революцией» 1688 года, в ходе которой потерпел поражение король Яков II Стюарт и на престол взошел Вильгельм Оранский. При новой власти постепенно стала возрастать роль парламента и начало уменьшаться значение монархии. Представленные в парламенте интересы крупных собственников и аристократии оказались лучше защищены, чем в прошлые века. Перемены не означали наступления эры всеобщей справедливости: наоборот, крестьяне сильно страдали от огораживаний общинных земель, а городской пролетариат вынужден был много трудиться без всяких социальных гарантий. Но предприниматели наконец почувствовали себя защищенными, и это существенным образом сказалось на осуществлении технического переворота. Внедрение новой техники приводило к росту доходности бизнеса, и полученный доход у собственника трудно было отнять.

Конечно, в победе «Славной революции» было много случайного. Возрастание роли парламента не было predetermined. Но все же оно не свалилось на англичан с неба. В XVII веке парламента стал по-настоящему активен. В середине XVII столетия в ходе первой английской революции парламента армия победила королевскую, что привело к казни Карла I Стюарта и формированию протектората Оливера Кромвеля. И хотя после смерти Кромвеля монархия была восстановлена, роль парламента осталась более значительной, чем в предыдущие века. Король Карл II вынужден был с ним считаться гораздо больше, чем Генрих VIII Тюдор и его дочь Елизавета I. А почему влияние парламента усилилось именно в XVII веке?

Начало этого столетия стало периодом активного развития английского торгового бизнеса. Длительное правление Елизаветы оказалось благоприятным для предпринимательства. Активизировалась торговля английскими шерстяными тканями на Балтике. Слабее становились бывшие хозяева Балтийского моря — ганзейские купцы. Их место стали занимать англичане с голландцами. А после того как в начале XVII века установился мир с Испанией, англичане и голландцы стали захватывать торговлю в Средиземноморье. Теперь уже под их давлением должны были потесниться бывшие хозяева этого важнейшего для коммерции европейского региона — венецианцы, генуэзцы, флорентийцы. Существовало много причин, по которым изощренные итальянские предприниматели стали уступать свои позиции конкурентам. В конечном счете англичане изрядно разбогатели.

Английский король Карл I Стюарт хотел использовать ресурсы своих богатеющих подданных для реконструкции военного флота и ведения активной политики на континенте. Однако парламент стал энергично противиться его усилиям. Карл не смог получить от него искомой поддержки. Английская ситуация в этом смысле сильно отличалась от французской и кастильской. Фискальная политика без согласия парламента не осуществлялась, поскольку у короля не было сильной постоянной армии, с помощью которой он мог бы установить полный контроль над ресурсами страны, как это в свое время сделали во Франции и в Кастилии. Для обороны остров нуждался в сильном флоте, а не в сильной сухопутной армии. Это неоднократно подтверждалось на протяжении английской истории, и особенно наглядно — в те дни, когда испанская Непобедимая армада грозила высадить десант на английское побережье. Поэтому, как ни манипулировали английские короли парламентом, сотрудничать с ним было удобнее и выгоднее, так

как при взаимном уважении деньги для поддержки королевской политики обычно находились. Ко времени правления Стюартов парламент стал даже слишком силен, поскольку через него проводили свои интересы быстро богатевшие предприниматели. Когда началась война парламента с королем, и той и другой стороне пришлось собирать армию. И, как ни парадоксально, парламентариям сформировать армию оказалось проще: у них имелось для этого значительно больше ресурсов.

Английская революция завершилась казнью короля и установлением на некоторое время протектората Оливера Кромвеля. В дальнейшем монархия вернулась, но Реставрация происходила на фоне дальнейшего коммерческого усиления Англии. Торговые победы на Балтике и в Средиземноморье получили развитие в установлении английского контроля над атлантической торговлей, при которой из Африки в Америку поставлялись рабы, а из Америки в Европу — продукты рабовладельческого плантационного хозяйства. «Славная революция» 1688 года победила в ситуации, когда английская экономика чрезвычайно усилилась за счет своих коммерческих побед на разных морях и океанах.

Промышленный переворот XVIII века, сделавший Англию наиболее сильной в экономическом плане державой, случился в условиях, когда страна уже сильно разбогатела благодаря успешной торговле и благодаря таким институтам, которые защищали интересы собственников от давления со стороны государства и со стороны трудящихся, а также от бандитов, желавших поживиться чужим добром. Успешное экономическое развитие и связанный с ним значительный спрос на рабочую силу привели к установлению в Англии сравнительно высоких зарплат. В какой-то момент оказалось, что предпринимателям выгодно максимально механизировать производственный

процесс, экономя на зарплате рабочих. Если при низких зарплатах внедрение новой техники далеко не всегда окупает затраты на ее приобретение, то при высоких капиталисту выгодно вкладывать больше денег в механизацию, чем в наем новых рабочих.

Так в Англии произошел промышленный переворот. Косвенным образом он зависел от множества обстоятельств — и от установления прогрессивных институтов, и от коммерческих побед английских купцов, и от длительного функционирования парламента, и от мудрой политики Елизаветы I, и в конечном счете даже от Великой хартии вольностей, которая несколько веков настоящих вольностей народу не давала, но которую в ходе борьбы парламента с королем в XVII веке часто использовали как доказательство того, что англичане с давних пор имеют право на защиту от государственного произвола. Так объективные и субъективные причины способствовали большим переменам в стране.

Альтернатива десятая. Другая Европа

В европейской истории существовало множество развилок, на которых развитие той или иной страны могло пойти совершенно иным путем. И тогда нынешняя социально-экономическая и политическая конфигурация Европы была бы, наверное, иной. Иными оказались бы лидеры и аутсайдеры модернизации. Рассмотрим здесь только два взаимосвязанных примера из истории конца XVI века.

В ту эпоху возникла Голландия как независимое государство. Сами голландцы порой называют это событие капризом истории. До Нидерландской революции Голландия, как и другие земли региона, находилась под властью династии Габсбургов. Филипп II Габсбург правил всеми своими землями из Испании. Когда в Нидерландах случилось восстание, сильная испанская армия должна была его подавить и почти подавила. Но не додала. Под властью испанской короны остались Южные Нидерланды. В частности, такие экономически развитые со Средних веков регионы, как Фландрия и Брабант. Наверное, при взгляде на север из Мадрида казалось, что дело сделано, богатые фламандские и брабантские города будут платить налоги. Судьба же Голландии, Зеландии и других регионов Северных Нидерландов была Мадриду не особенно интересна. Их покорение требовало больших сил и массового кровопролития, а у Филиппа имелись дела в других частях Европы, где требовалось военное вмешательство Испании. Ресурсы Филиппа были не безграничны, и Голландия совместно с другими

северными землями Нидерландов обрели независимость. Выглядело это как появление на карте еще одного карликового государства типа тех, что давно уже существовали в Германии. Но в данном случае малый размер сочетался с большой торговой мощью. Голландские моряки имели самые эффективные для коммерческих целей суда, плавали на большие расстояния, перевозили грузы с меньшими издержками, чем конкуренты из других стран, а также неплохо сражались на воде, благо революционные сражения научили их военному делу. На протяжении XVII века Голландия стала важнейшей торговой державой Европы, подорвавшей экономическое могущество многих городов и регионов, процветавших в былые времена. Венеция и Генуя на Средиземноморье, а также немецкие ганзейские города на Балтике затормозились в развитии, уступив конкурентные позиции голландцам.

Нечто похожее произошло в XVII веке с Англией. Испания воевала с этой страной, посылала к ее берегам огромный флот, получивший даже название Непобедимая армада, и готовилась, высадив на британские берега десант, поставить англичан под свой контроль. Если бы это случилось, Англия вновь стала бы католической, а ее хозяйственный потенциал, как и потенциал Южных Нидерландов, стал бы работать для достижения торжества католицизма во всей Европе. Однако этого не случилось. Непобедимая армада была побеждена, причем в значительной степени даже не англичанами, а взбунтовавшимся морем. Корабли Армады разметал шторм, хотя при иных погодных условиях и при более умелом управлении испанским флотом последствия экспедиции к британским берегам оказались бы, возможно, иными. В дальнейшем английский торговый флот, не уступавший по силе голландскому, зарабатывал большие деньги на торговле

разнообразными товарами в Средиземноморье и на работорговле в Атлантике. Коммерческий успех англичан, как уже отмечалось выше, способствовал политической революции, техническому перевороту XVIII века и в конечном счете превращению Англии во всемирную мастерскую.

Таким образом, две военные истории, которые могли закончиться совершенно иначе, способствовали раскрытию хозяйственного потенциала двух стран, расположенных на севере Европы. При этом коммерческие центры Европы Южной потеряли свое былое лидерство. Упадок Венеции, Генуи, а также многих крепких в хозяйственном отношении городов Апеннинского и Пиренейского полуостровов не был связан только с усилением конкуренции на европейских рынках. Имелось множество внутренних причин, среди которых доминировала незащищенность бизнеса от наездов — в данном случае не со стороны каких-нибудь бандитов или силовиков, а со стороны инквизиции. Отцы-инквизиторы так активно боролись против ересей, что могли, войдя в раж, камня на камне не оставить. Тем не менее перелом, который случился в XVII веке в европейской экономике и вывел на первый план северян, вовсе не был предопределен ходом истории. У Венеции и Генуи имелась со Средних веков столь большая фора перед Амстердамом и Лондоном, что северным городам трудно было бы обогнать южные, если бы инквизиция добралась до англо-голландских кошельков. Европейское экономическое развитие при таком повороте истории было бы, видимо, не столь динамичным. В городах большого католического мира личные стимулы к развитию бизнеса сталкивались бы с тормозящей силой инквизиции. И трудно сказать, какими оказались бы в этой ситуации практические последствия научной революции XVII века.

Миф десятый. Об античной колыбели

Один из важнейших мифов, искажающих причины возникновения европейского феномена, — это миф о том, что высокоразвитый Запад сформировался еще в «античной колыбели». Его сторонники связывают успешное становление европейской демократии с тем, что демократия существовала уже в Древней Греции и Древнем Риме. Они полагают, что европейское «экономическое чудо» основано на римском праве и тех хозяйственных успехах, которые имелись у античной цивилизации. Общая логика формирования данного мифа сводится к тому, что Ренессанс открыл Античность для европейцев и с этого момента дело у них пошло на лад: стало ясно, как следует развиваться.

Конечно, наследие Античности было одним из важных факторов модернизации. Скажем, быстрое развитие средневековой городской культуры в XI–XIV веках лучше проходило в пределах бывшей Римской империи, чем на тех европейских территориях, которые в нее не входили. Возродить старые, но деградировавшие города было легче, чем основывать высокоразвитые поселения на новом, причем отдаленном от былых хозяйственных центров месте. Однако в целом определяющее значение «античной колыбели» — это не более чем миф.

Античная демократия была рабовладельческой. Она не предполагала свободы как важнейшей человеческой ценности. Она просто предлагала использовать для управления

государством некоторые институты, внешне напоминающие институты современной демократии. Эти институты успели погибнуть еще в эпоху античной культуры, уступив место институтам имперского развития. Ренессанс, открыв европейцам Античность, вовсе не открыл дорогу для демократизации, хотя бы постепенной. Интеллектуалы эпохи Возрождения стали активно изучать древнее искусство, но на трансформацию механизмов правления они оказать влияния не могли. Понимание свободы как важнейшей человеческой ценности сформировалось в Европе довольно поздно — примерно к концу XVIII века. С этой эпохи началась активная борьба против работорговли и рабовладения на американских плантациях, а также против крепостного права в Центральной и Восточной Европе. Цензовая демократия, утвердившаяся в разных европейских странах в XIX веке, лишь к XX столетию переросла во всеобщую. Воспоминания об Античности играли при этом определенную, но далеко не главную роль. Демократия рождалась в борьбе разных групп интересов, а вовсе не вырастала в головах европейцев из осознания величия античного прошлого.

Похожая история и с экономическим развитием. Истинный взлет европейской экономики — это тоже довольно позднее явление. До XVIII–XIX веков нельзя говорить о том, что Европа развивалась, скажем, лучше Китая. И в том, и в другом регионе мира имелись развитые и отстающие зоны. И в том, и в другом древность цивилизации оказывала определенное влияние на развитие. Но нет оснований считать, что античная культура дала для экономического развития больше, чем культура конфуцианская. Экономический успех Европы произрастал из новой системы институтов, защищавших право собственности, из научной революции XVII века и технического переворота

века XVIII, из накопления капиталов, которое происходило в торговле до индустриальной революции.

Вопрос о воздействии на экономику римского права остается спорным. Мы знаем, что Англия на первых порах добилась значительно больших успехов в хозяйственном развитии, чем континентальные страны. Но где в большей степени использовалось римское право? На континенте. Причем там оно во многих случаях успешно использовалось монархиями для ограничения экономических свобод. В Англии же развивалось общее право. Оно в большей мере находилось под воздействием местных судов. Исходя из своего видения рассматриваемых дел, судьи могли сравнительно свободно интерпретировать правовые нормы применительно к конкретным случаям. Таким образом, весьма спорной остается мысль о том, что римское право, поставленное на службу монархиям, автократиям, а тем более откровенным тираниям, может способствовать хозяйственному развитию.

Если мы хотим обойтись без мифотворчества, удобного для понимания, но сильно упрощающего картину мира, при анализе общеевропейского развития, так же как при анализе исторического пути России, следует принимать во внимание множество различных факторов. Это и борьба конфликтующих групп интересов, и рациональные решения в интересах безопасности, и влияние внешних вызовов, и географическое положение страны, и наследие старой культуры, и многое другое. Эти факторы воздействуют на общества в ходе его развития. В разных странах они по-разному сочетаются в зависимости от конкретных обстоятельств. Задача серьезного исследования состоит в том, чтобы проследить реальный исторический путь, понять, что происходило с обществом на протяжении длительного времени, и составить непротиворечивую картину воздействия на него различных

факторов. Попытка абсолютизации культуры или действий отдельных акторов снижает вероятность получения такой картины.

Заключение. О том, подкузьмила ли нас наша история

Предисловие к этой книге началось с гипотетического недоуменного вопроса о том, какая может быть связь между Ельциным и Батыем, которых разделяют столетия. Ответ на вопрос состоял в том, что «история наоборот» объясняет причины современности на основе изучения долгого исторического пути. Надеюсь, мне удалось показать, в какой степени эпоха Ельцина определялась предшествующими эпохами. Но тут возникают новые вопросы — не столько о том, как понять наши размышления, сколько о том, нужны ли подобные размышления вообще. Стоит ли нам копаться в прошлом? Не полезнее ли заняться осмыслением будущего? Не полезнее ли готовиться к тому будущему, которое мы хотим видеть в своей стране? Не полезнее ли попытаться спрогнозировать ход событий через десять, двадцать, пятьдесят лет и начать уже нынче разрабатывать институты, которые помогут изменить Россию в лучшую сторону? Подобные вопросы я встречаю постоянно и хорошо понимаю тех, кто их задает. Отдайте, мол, историю историкам, поскольку она лишь их интересов касается. А будущее касается каждого из нас!

На самом деле то, что написано в этой книге, имеет непосредственное, хотя и не очевидное отношение к будущему. Но отнюдь не к попыткам его предсказания.

Боюсь, прямое предсказание будущего — занятие неплодотворное. Влияет на него столько факторов, что учесть их

заранее совершенно невозможно. Примерно как в шахматной партии мы можем в лучшем случае разучить дебюты, облегчив себе принятие решений на десяток ходов, но в миттельшпиле наверняка придется действовать исходя из комплекса сложившихся обстоятельств. Программы преобразований, составленные в расчете на использование через пятнадцать–двадцать лет, устареют уже лет через пять–десять. В стране появятся новые политические акторы, сформируются новые внешнеполитические обстоятельства, откроются совершенно неожиданные дыры в экономике, придут непредсказуемые эпидемии, а технические возможности позволят делать то, о чем не писали даже фантасты. Заглядывать в будущее, если уж хочется это делать, надо именно через научно-фантастические романы и фильмы, поскольку они воспринимаются как некий ориентир, но не как руководство к действию. Еще заглядывать в будущее можно, пожалуй, демонстрируя сложившиеся в последнее время, но не очевидные большинству тенденции, с поправкой на то, что экстраполяция их на перспективу никогда не будет точна. Как научная фантастика, так и экстраполяция тенденций помогают ориентироваться в будущем, но не готовить заранее такие институты, которые можно было бы в удобный момент вынуть «из кармана» и внедрить для спасения России.

Погружение в прошлое помогает ориентироваться в будущем, но совершенно иным способом. Оно позволяет определить, кто мы такие, какими возможностями обладаем, а значит, за какие дела нам стоит браться. Изучение исторического пути позволяет отделить мифы от реалий и преодолеть страхи, порожденные мифами.

Не секрет, что в последние годы эмигрировали из России многие из тех, кто раньше даже не задумывался о прощании с родиной. Непосредственно на принятие решений влияли

текущие обстоятельства, но на фоне оттока интеллектуалов стало формироваться пессимистическое представление о будущем. Все чаще приходится слышать, что проблемы, из-за которых люди эмигрируют (или уходят в так называемую внутреннюю эмиграцию, стремясь спрятаться, исчезнуть, затаиться в ожидании новых трагедий), являются не случайными, конъюнктурными, но фундаментальными. Все чаще приходится слышать, что складывавшаяся столетиями русская ментальность несовместима с демократией, толерантностью, европейскими ценностями. Все чаще приходится слышать, что автократия соответствует нашей веками складывавшейся культуре, что рабство у нас в крови, что мы окуклились и не реагируем на вызовы XXI века, предпочитая слушать, как скрипят наши старые скрепы. Подобные представления о будущем лишают надежд тех, кто при иных обстоятельствах хотел бы жить, трудиться и растить детей в России. Это очень серьезная проблема, которую мы недооцениваем, поскольку она разъедает Россию незаметно. Не видно со стороны, что творится в мозгах миллионов мыслящих людей, но те решения, которые они со временем примут под воздействием нарастающего пессимизма, могут существенно усугубить и без того непростое положение в стране.

Я не могу нарисовать иную картину будущего, поскольку, как отмечал выше, его не знаю. Но я могу, изучая прошлое, определить, есть ли основания говорить о формировании особой русской культуры, невосприимчивой к переменам, или распространенные представления о подобной деструктивной ментальности не более чем миф, а все то, что не нравится нам в российском прошлом, является лишь этапами, преодоленными на долгом историческом пути. Книга, которую вы прочли, показывает, что проблемы российской истории не

укоренялись в культуре, не становились частью национальной ментальности. Они возникали в виде рациональной реакции на задачи, которые приходилось решать государству, и со временем преодолевались (но лишь тогда, когда становились неактуальными породившие их обстоятельства). Другие европейские государства точно так же сталкивались с проблемами и преодолевали их по мере трансформации обстоятельств, хотя задачи, которые им приходилось решать, могли быть иными и, соответственно, иными оказывались решения. У России не было никакого особого пути — иррационального, мессианского, неевропейского. Но у исторического пути России были особенности, как и у исторического пути любой другой европейской страны. Особенности любой страны порождались характером экономического развития региона, в котором она находится, характером войн, которые необходимо было вести с соседями, характером социальных слоев и групп интересов, которые оказывали влияние на важные государственные решения, характером революций, через которые приходилось проходить, и даже множеством случайностей, неизбежно встречающихся на долгом историческом пути.

Если наше прошлое — это цепочка рациональных решений, связанных с конкретными обстоятельствами, то нет никаких оснований полагать, что в будущем на пути развития России вырастет ментальная стена, не позволяющая принимать новые рациональные решения и трансформировать страну в соответствии с новыми задачами. Можно утверждать, что культура, которая якобы держит Россию в плену, не позволяя принять европейские ценности, не более чем миф. Не существует исторических фактов, свидетельствующих о наличии такой культуры, но существуют факты (и мы их здесь

проанализировали), свидетельствующие о том, что все меняется под воздействием множества обстоятельств.

Вышесказанное, правда, не следует воспринимать как некую предопределенность западного крена России в ближайшем будущем. Наша страна стремилась к европейским ценностям в те эпохи, когда сила Европы была очевидна, и сторонилась этих ценностей во времена, когда многим казалось, что Европа запуталась в своих противоречиях и не может быть примером для России. Петровские преобразования прошли в эпоху, когда сила европейских армий и эффективность европейских бюрократий были очевидны. Великие реформы Александр II осуществил в эпоху, когда уже дала свои плоды индустриальная революция, основанная не на рабском (крепостническом) труде, а на труде свободного наемного рабочего. Горбачевская перестройка началась в эпоху, когда европейское общество потребления стало соблазном для каждого, кто о нем узнавал: от генерального секретаря ЦК КПСС до рядового советского туриста. А вот большевистский Октябрьский переворот произошел на исходе кровавой мировой войны, когда многие видели в происходящем «закат Европы» и безудержно фантазировали о возможных альтернативах «загнивающему империализму».

В последние годы многие вновь видят на Западе признаки заката. Медленное экономическое развитие, неустойчивые пирамиды государственного долга, безудержная и часто бессмысленная бюрократизация, миграционные кризисы и связанный с ними подъем «новых правых» — все это не может не влиять на будущий выбор России. Европейская демократия преодолевала в прошлом и не такие преграды. Но не бывает успехов, которые живут вечно. Демократия вновь и вновь должна доказывать свою рациональную эффективность, свою способность решать проблемы, которые стоят перед странами,

выбирающими будущее. Выбирает будущее и наша страна. Выбирает, ориентируясь не на свое прошлое, а на то настоящее, что существует в XXI веке. Выбирает, глядя на демократический Запад и на авторитарный Восток. Выбирает рационально, сравнивая плюсы и минусы. Именно из такого рационального выбора, а вовсе не из иррациональных установок на прошлое вырастает наше будущее. Это очень важная проблема. Но эта проблема уже для иной книги.

Библиография .

Авторский взгляд

В такой книге, охватывающей долгий исторический путь России, невозможно дать полную библиографию, да и с сокращенной возникают проблемы, поскольку каждому периоду развития страны посвящено множество самых разнообразных трудов, из которых непросто выделить лучшие. Поэтому в приведенном ниже списке я предлагаю читателям авторский взгляд на полезные для дальнейшего изучения книги: библиографию, которую я считаю оптимальной. В ней собрано 50 книг последних десятилетий. Что же касается исторической классики, то из нее я выделил бы, пожалуй, «Курс русской истории» Василия Осиповича Ключевского и «Очерки по истории русской культуры» Павла Николаевича Милюкова. Положа руку на сердце, надо признать, что «Историю России» обожаемого мной «многотомнейшего» Сергея Михайловича Соловьева целиком осилит лишь редкий читатель. В отношении Николая Михайловича Карамзина, открывшего читателю наше прошлое, Натан Эйдельман вслед за Пушкиным справедливо заметил, что он хоть и великий историк, но все же — последний летописец. И это наложило свой отпечаток на «Историю государства Российского». А на «Русскую историю» Михаила Николаевича Покровского наложило отпечаток его увлечение марксизмом.

Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. М.: Альпина Паблишер, 2013.

Анисимов Е. Время петровских реформ. Л.: Лениздат, 1989.

- Анисимов Е.* Россия без Петра. 1725–1740. СПб.: Лениздат, 1994.
- Анисимов Е.* Дыба и кнут. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. М.: Новое литературное обозрение, 1999.
- Анисимов Е.* Петр Первый: благо или зло для России? М.: Новое литературное обозрение, 2017.
- Биллингтон Д.* Икона и топор. Опыт истолкования истории русской культуры. М.: Рудомино, 2001.
- Булдаков В.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010.
- Булдаков В.* Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930 гг. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012.
- Гайдар Е.* Дни поражений и побед. М.: Вагриус, 1996.
- Гайдар Е.* Гибель империи. Уроки для современной России. М.: РОССПЭН, 2006.
- Гайдар Е.* Долгое время. Россия в мире: очерки экономической истории. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.
- Гельман В.* «Недостойное правление»: политика в современной России. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2019.
- Гельман В.* Авторитарная Россия: Бегство от свободы, или Почему у нас не приживается демократия. М.: Говард Рорк, 2022.
- Гордин Я.* Декабристы. Мятеж реформаторов. СПб.: Лениздат, Книжная лаборатория, 2021.
- Давыдов М.* Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте — Столыпина. СПб.: Алетейя, 2016.
- Давыдов М.* Цена утопии: История российской модернизации. М.: Новое литературное обозрение, 2022.
- Каменский А.* От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII века. СПб.: Наука, 2019.

Кобрин В. Власть и собственность в средневековой России. М.: Мысль, 1985.

Колесников А* ., Минаев Б. Егор Гайдар: Человек не отсюда. М.: Молодая гвардия, 2021.

Колесников А. Пять пятилеток либеральных реформ: Истоки российской модернизации и наследие Егора Гайдара. М.: Новое литературное обозрение, 2022.

Коллманн Н. Россия и ее империя. 1450–1801. СПб.: Academic Studies Press; Библиороссика, 2023.

Колоницкий Б. Трагическая эротика: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М.: Новое литературное обозрение, 2010.

Кром М. Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков. М.: Новое литературное обозрение, 2018.

Леонтович В. История либерализма в России. 1762–1914. М.: Русский путь — Полиграфресурсы, 1995.

Лопатников Л. От плана к рынку. Очерки новейшей экономической истории России. СПб.: Норма, 2010.

Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М.: Новое литературное обозрение, 2002.

Минаев Б. Ельцин. М.: Молодая гвардия, 2010.

Миронов Б. Российская империя: от традиции к модерну. В 3 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 2014–2015.

Миронов Б. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019.

Мороз О. Крах большевистской империи. М.: РОССПЭН, Ельцин Центр, 2016.

Мороз О. Так кто же расстрелял парламент? М.: Русь-Олимп, 2007.

Мороз О. Красные больше не вернутся. М.: Русь-Олимп, 2007.

Мороз О. Почему он выбрал Путина? М.: Русь-Олимп, 2009.

Нечаев А. Россия на переломе. Откровенные записки первого министра экономики. М.: Русь-Олимп; Астрель, 2010.

Сафонов М. Проблема реформ в правительственной политике России на рубеже XVIII и XIX вв. Л.: Наука, 1988.

Травин Д., Маргания О. Европейская модернизация. В 2 кн. М., СПб.: АСТ; Terra Fantastica, 2004.

Травин Д. Очерки новейшей истории России. Книга 1: 1985–1999. СПб.: Норма, 2010.

Травин Д., Гельман В., Заостровцев А. Российский путь: Идеи. Интересы. Институты. Иллюзии. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017.

Травин Д. «Особый путь» России: от Достоевского до Кончаловского. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2018.

Травин Д. Почему Россия отстала. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2021.

Травин Д. Как государство богатеет: путеводитель по исторической социологии. М.: Изд-во Института Гайдара, 2022.

Травин Д. Русская ловушка. СПб.: Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2023.

Травин Д. Как мы жили в СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2024.

Уортман Р. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. М.: ОГИ, 2004.

Флоря Б. Иван Грозный. М.: Молодая гвардия, 2009.

Хлевнюк О. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М.: АСТ; CORPUS, 2016.

Хрусталева Д. Русь: от нашествия до «ига» (30–40 гг. XIII в.). СПб.: Евразия, 2008.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907 гг. → 1917–1922 гг. М.: Весь мир, 1997.

Янов А. Россия и Европа. 1462–1560. В трех книгах. М.: Новый хронограф, 2007–2009.

Ясин Е. Российская экономика. Истоки и панорама рыночных реформ. Курс лекций. М.: ГУ ВШЭ, 2003.

Внесен в реестр иностранных агентов.

Дмитрий Травин

Пути России от Ельцина до Батыя История наоборот

*Редактор О. Ярикова
Дизайнер серии Д. Черногаев
Корректоры И. Крохин, М. Смирнова
Верстка Д. Макаровский*

Адрес издательства:
123104, Москва, Тверской бульвар, 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlobooks.ru
сайт: nlobooks.ru

Присоединяйтесь к нам в социальных сетях:

[Телеграм](#)

[VK](#)

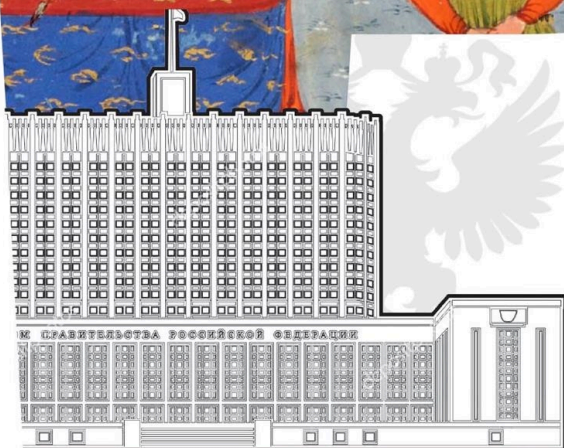
[Яндекс.Дзен](#)

[Youtube](#)

Новое литературное обозрение

ДМИТРИЙ ТРАВИН

ПУТИ РОССИИ ОТ ЕЛЬЦИНА ДО БАТЬЯ

ИСТОРИЯ
НАБОРОТ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

